

АНИСИМОВА Александра Ивановна

НА КОРОТКОЙ ВОЛНЕ

*Советский писатель
Москва 1961*

Аннотация издательства: Героиня записок — советская связистка, работавшая в дни Великой Отечественной войны, во вражеском тылу. Передавая сведения о противнике, она способствовала успеху боевых операций, которые проводились нашими наступающими частями и в ходе которых врагу наносились сокрушительные удары. Действие разворачивается в течение нескольких месяцев. Героиня находит приют в бункерах у польских партизан, борется рука об руку с ними, поддерживает тесную связь с польскими крестьянами. Автор не только рассказывает о том, как советская связистка выполняет свой воинский долг, но и всесторонне раскрывает внутренний мир девушки. «На короткой волне» — первая книга молодого писателя. Создана она на автобиографическом материале.

1.

Наш двор становился теснее день ото дня. На старом месте стоял четырехэтажный корпус, принадлежавший до революции какой-то барыне. Не двигался с места старинный двухэтажный беленький особняк, и забор, отделявший нас от соседнего двора, не ремонтировался с незапамятных времен. С тех пор как мы помнили себя, все во дворе стояло прочно на своих местах. Но менялись, вырастали мы сами, маленькие обитатели двора.

После обеда, вернувшись из школы, мы собирались на крыльце белого особняка. Если нам не хотелось бегать, мы сидели и придумывали разные истории. Притащив из дому тряпье, изображали нами же придуманные сцены. Спасали челюскинцев, плавали на Северный полюс и все по очереди были детьми капитана Гранта. Иногда Лариса приносила кусочек тюля, покрывала им голову, подвязывала фартук и садилась на крыльце в «кресло» из кирпичей и сучьев. Такой в нашем представлении была барыня — бывшая хозяйка нашего дома. Мы забирались к ней в сад, ломали сирень, барыня — Лариса — вскакивала с кресла, размахивала руками и кричала: «Ах, разбойники! Ну, подождите, я позову милиционера!» — так обычно на нас ругалась дворничиха.

Мы играли в казаков-разбойников, в прятки, излазили все уголки на чердаках и в подвалах двух домов.

В наших играх, в наших разговорах было все, что мы знали о жизни, о людях, о своей родине, о ее далеком и недалеком прошлом, о чужих странах: цари и старые барыни, революция, Буденный и Чапаев, чкаловские перелеты, «Челюскин» и папанинцы, Долорес Ибаррури, непонятный, но стремительный лозунг «Но пасаран!».

Наше настоящее представлялось слишком обыденным. Занятия в школе, книги, кино — этого было мало.

Однажды, когда мы сидели скучая, неожиданная мысль пришла мне в голову.

Был жаркий летний день. Цвели маки в саду у белого домика, зеленая трава густела на бугорке около забора, узенькая дорожка белыми каменными плитами пролегла до калитки, а там... за калиткой...

За калиткой была Москва — душная, пыльная, притихшая от зноя. Доносились автомобильные гудки, звонки трамваев. Пустыми, безжизненными окнами смотрела на нас с противоположной стороны улицы закрытая на лето школа.

Белая дорожка манила, звала за собой. Потянуло на простор — бескрайный и неведомый. Захотелось все увидеть, узнать: людей, пространства, жизнь большого — лучшего в мире — города. И я сказала робко, не глядя на ребят:

— Ну, кто пойдет со мной «заблудиться»?

Рядом сидела младшая сестра Клавка. Она повернула ко мне свое круглое, необыкновенно белое лицо, с носом-картошкой и круглыми серыми глазами, и сказала покорно:

— Наверно, я.

Лариса, фыркнув, пожала плечами:

— Может быть, я тоже пойду.

А остальные ребяташки только, молча переглянувшись, кивнули головами. Мы вышли на улицу.

Наш двор расположен на углу площади Коммуны. На площади красивое здание — Центральный театр Красной Армии. Мы пошли в сторону от театра, от площади по тихой улице Селезневке, добрались до прудика, известного под названием «Синички», заглянули в 4-й Самотечный переулок, хотели пойти по нему дальше, но что-то очень уж подозрительно поглядывала на нас группа мальчишек в конце этого переулка. Мы повернули к 3-му Самотечному, спустились в парк и очень обрадовались, когда увидели слева от себя нашу площадь и «наш» театр. Так прошло первое путешествие.

С тех пор летом и зимой только в непогожий день можно было увидеть нас во дворе. Все дальше с каждым разом уходили мы от дома. Иногда я проверяла ребят:

— Кто знает, куда этот переулок выходит? — Никто, оказывается, не знает. Я тоже. — Ну что ж, пойдем — узнаем. А дорогу обратно найдете?

Но обратно тем же путем мы никогда не возвращались. Не было у нас привычки идти назад. Мы шли по незнакомым переулкам, не спрашивая у взрослых, как пройти к нашей площади. Нетрудно представить, как восхищались мы собой, когда наши путешествия заканчивались успехом. Мы сами находили верную дорогу!

Могла ли я в те далекие дни вообразить хоть на минуту, как пригодятся мне навыки, приобретенные в детской игре, — умение ориентироваться в незнакомой местности, запоминать все увиденное вокруг? Кто знает, не они ли помогли мне, когда большая и голодная скиталась я по горному Шленску...

Обеспокоенные долгим отсутствием ребят, родители жаловались моей матери, и она строго отчитывала меня. Но стоило мне показаться во дворе, как опять собирались ребяташки и просили:

— Ася, пойдем заблудиться...

В своих мечтах я теперь не довольствовалась уже ролью путешественника. Хотелось совершать подвиги, хотелось делать в жизни самое трудное. И я решила, что стану капитаном дальнего плавания.

Чтобы избежать насмешек в случае неудачи, действовала молчком. Узнала через «Пионерскую правду» адрес морской школы и поехала туда. В пустынном вестибюле какой-то мужчина замахал на меня руками:

— Что ты, что ты, девочка! Ну, нет, и не думай!

Вернулась домой я как ни в чем не бывало, даже притворилась веселой. Мать, вечно занятая хлопотами по хозяйству, ничего не заметила. Я решила выждать, поискать еще какой-нибудь ход, но добиться своего.

Время подходило горячее — конец учебного года. С волнением и обычными тревогами прошли экзамены. Четырнадцатого июня 1941 года я окончила седьмой класс.

И вдруг — война! Я знаю, были бои в Финляндии, бои у озера Хасан, но это где-то далеко от Москвы. В газетах тогда печатались военные сводки, да муж старшей сестры приезжал в Кремль получать орден за участие в боях на Халхин-Голе. Почему же сейчас так встревожены взрослые? Почему такое напряжение вокруг?..

Первая тревога! Немецкие самолеты над Москвой! Мать сует мне и Клаве узлы с какими-то вещами, хватает за руки младших братьев — Вовку и Стасика, и мы спускаемся в убежище. В подвале под домом уже полно народу: женщины с детьми, старики.

Зачем я здесь? Мать строго оглядывает нас и рассаживает около себя. А я не могу спорить. Нас у нее семеро — нужно успеть всех накормить, обуть, одеть... Может быть, поэтому я никогда не возражаю матери.

Несколько дней я сижу около матери в подвале. Но вскоре приходит письмо из деревни, и мы уезжаем к родственникам в Рязанскую область — «эвакуируемся».

Приехали в деревню всей оравой. Я, как старшая из детей, иду работать в колхоз.

Было очень тяжело сначала: непривычные к физической работе, ныли руки, плечи; проваливались по колено в горячее зерно и подкашивались ноги. Вечером я долго не могла заснуть. Но физическая усталость не заглушала неясную, непонятную тревогу.

В конце августа приехал навестить нас отец. После долгих уговоров мать согласилась отпустить меня с ним. Пропуска в Москву я не имела и прошла восемнадцать километров до станции, не зная, то ли уеду, то ли вернусь обратно. Незадолго перед отъездом в небольшой колхозной библиотеке я случайно прочла сказку азербайджанского поэта о юноше, прошедшем трудный, но славный путь. Две строки из этой сказки я решила сделать своим девизом:

Лев пустыни седой — и тот

По следам своим вспять нейдет...

Решила твердо, без рисовки, никому в этом не признаваясь, как можно решать свою судьбу в пятнадцать лет...

Перед тем как мы вышли из дому, мать сказала:

— Я никого не буду просить, чтобы тебе разрешили выехать отсюда. Добивайся сама. Не сумеешь — вернешься. Но больше уже не просись — не пущу.

На вокзале мы долго стояли в очереди за разрешением на получение билета.

— Еду учиться в Москву, — сказала я начальнику станции. Отец и мать молча стояли рядом.

— Предъявите вызов из школы.

«Неужели оставаться?» — мелькнула мысль. И, не подумав как следует, чуть не плача, я сказала начальнику:

— Все равно уеду: в тамбуре, на вагоне, под вагоном...

— А мы тебя в милицию заберем, — перебил он.

— Все равно уезду и уеду...

Он покачал головой, не глядя на меня, махнул рукой и поставил на пропуске отца подпись.

...В сумерках поезд приближался к Москве. Быстро темнело. Надвигалась гроза. И вдруг в небе над нами появились немецкие самолеты. Раскаты грома смешивались со стрельбой зениток и взрывами бомб. Поезд мчался на предельной скорости. Впереди над Москвой сверкали молнии. И гром, и грохот поезда, и взрывы — все смешалось в беспорядочный гул. В темном, гремящем на стыках вагоне, прижавшись лицом к окну, я ждала, что вот сейчас, внезапно все остановится, ухнет огромный взрыв, клубы дыма уйдут в небо, а на земле наступит солнечный день, спокойная жизнь, как было до войны... Но по-прежнему мчался поезд, по-прежнему грохотало все вокруг...

Первые дни мы с отцом много думали, чем бы мне заняться. Школа наша была закрыта, многие предприятия эвакуировались. Завод, на котором работал отец, находился на военном положении. Папа забегал домой только два раза в неделю. Старшая сестра, Зинаида, работала в ЦДКА бухгалтером. Сперва во время тревог она брала меня с собой. Мы бежали с ней через площадь. Ухала зенитная батарея, установленная в скверике на площади. И все было чужое, непривычное...

В маленькой комнатке дежурного по ЦДКА всегда было весело: здесь собиралось много людей, хорошо знающих друг друга. Для меня устанавливались стулья в ряд, и я ложилась на них. Подолгу лежала я без сна здесь или же в полутемном пустынном зале и думала... Что-то не так я делаю, не так живу. Отсюда до выполнения моих планов стало еще дальше. Что же делать? И я все думала, думала.

Однажды, во время моих очередных раздумий, неожиданно склонился надо мной пожилой солидный командир. Чуть прищурился, он тихо спросил:

— Вы кто? Почему здесь лежите?

Я ответила. Он кивнул головой и отошел. А у меня долго горели щеки от стыда: рослая, здоровая девушка прячется где-то на стульях! Довольно!

На другой день я очень вежливо отказалась идти с сестрой, заверив ее, что пойду в убежище. Она не настаивала, и я оказалась предоставленной самой себе. В убежище я, конечно, не пошла. Сестра пожаловалась отцу.

— Ну зачем ты приехала сюда? Жила бы с матерью в деревне, — рассердился он.

— А ты не бойся за меня. Я не маленькая. Только в убежище не посылай. Там еще страшнее. Я лучше буду около дома стоять.

— Глупая! Там одни мужчины стоят.

— Ну и пусть. А в убежище все равно не пойду. Что мне там делать? Узлы стеречь, что ли?

Первое время глаза жмурились от вспышек зениток, но я заставляла себя не мигая смотреть на огонь. Смутные, неясные мысли бродили в голове, но одно я знала твердо: приучить себя к этому огню, к этим оглушающим орудийным залпам значило закалить свою волю, воспитать в себе бесстрашие. А потом уж и какое-нибудь настоящее дело!

По вечерам вся молодежь нашего дома собиралась в конторе домоуправления. Мы проверяли посты на крышах домов, в пустынных дворах, которые все стали проходными. Ходили вокруг большого темного здания театра, увешанного маскировочными сетками, заляпанного рисунками. Он был нашей гордостью до войны — театр, выросший на наших глазах. А сейчас на его ступенях нарисованы крыши домов, а на колоннах «деревья».

Откуда-то издали доносились звуки канонады, изредка небо прорезали прожекторы. Медленно наступал рассвет... А мы все ходили, ходили... Иногда потихоньку пели: «Голубыми туманами наша юность прошла...» Зарево ночных пожаров растекалось по небу, уступая место синим московским зорям.

Вскоре я устроилась на швейную фабрику. «Красная оборона» ученицей в школу ФЗУ.

Наступила зима — первая военная зима. На фабрике не хватало электроэнергии, не работало отопление. По целым дням мы сидели в шубах, с трудом удерживая иголку в окоченевших пальцах. Так было на работе. А дома... От стрельбы зенитной батареи стекла выбиты и заменены фанерой. Отопление в доме тоже не работало. В комнате стоял такой же холод, как и на улице, только не было ветра. Оконная ниша покрылась толстым слоем снега. Я жила одна в квартире — отец на заводе, сестра на лесозаготовках, и мне было немножко страшно. В шубе залезала я в постель, укрывалась двумя ватными одеялами и прятала лицо в подушку. Объявляли тревогу, а мне смертельно хотелось спать.

Как-то пришел с завода отец и принес железную печку-«буржуйку». С тех пор у меня была постоянная забота — напихать в печку как можно больше бумаги. Гасила в комнате свет, открывала дверцу и смотрела, как плясали огненные отсветы, выхватывая из темноты то уголок картины с золотыми колосьями ржи, то заснеженную раму окна.

В тот день, когда немецкие войска находились на ближних подступах к Москве, нас, рабочих, собрали в один цех, и директор фабрики сказал:

— Товарищи! Фабрика закрывается. При расчете получите деньги за месяц вперед.

...Через день мы пришли за расчетом. Вдруг кто-то вбежал в бухгалтерию и на весь коридор закричал:

— Идите на работу! Фабрика опять открывается!

Все бросились к своим цехам. Нам не нужно было денег «вперед». Мы хотели работать, чтобы по-прежнему ежедневно выезжали из ворот нашей фабрики автомашины с шинелями, телогрейками и ватными брюками, направлялись прямо с фабрики на передовую...

В этот памятный для москвичей день все мы слушали по радио выступление председателя Московского городского Совета.

Все больше и больше задумывалась я над своей жизнью. Ну, работаю на фабрике. Ну, дежурю ночами. Этого мало! Надо на фронт!

Вместе с несколькими девушками из своего цеха подала заявление с просьбой принять меня в комсомол, и в последних числах декабря мы поехали в райком. Меня пригласили в кабинет одной из последних. Я очень волновалась и даже имя и фамилию свою назвала не совсем уверенно. А когда секретарь райкома спросил, читаю ли я газеты и слежу ли за положением на фронтах, вдруг машинально произнесла фразу, которую слышала утром по радио:

— Наши войска оставили город Феодосию.

Потом спохватилась, посмотрела на всех. Секретарь перебирал бумаги на столе, а остальные члены бюро сделали вид, что не слышали моих слов. Только наша Лена — секретарь комитета — укоризненно покачала головой.

«Не примут! — подумала я. — Нет у меня политической подготовки!..» Но в комсомол меня приняли и поручили работу агитатора в госпитале.

Три раза в неделю я стала ездить в Тимирязевку. Там, в корпусах академии, разместился военный эвакогоспиталь. Я ходила по палатам, беседовала с ранеными бойцами, читала им книги.

Очень возможно, что, если бы я попала в стационарный госпиталь, где не так быстро сменялись больные и раненые, я осталась бы в нем до конца... Было у меня большое желание отдать все свое душевное тепло, чувствовать себя нужной этим людям. Я хотела входить в палату, слышать знакомые голоса, видеть ответные улыбки, знакомые лица. А в той палате, куда меня назначили, ежедневно менялись раненые. В этом круговороте я казалась себе никому не нужной.

Вот почему незначительный случай послужил причиной моего ухода из госпиталя. Это произошло в феврале 1942 года. Не помню числа. Только помню, что было очень холодно. В этот вечер, едва я пришла на дежурство, ко мне подошел высокий молодой боец с обмороженным лицом. Обе руки забинтованы. Я старалась смотреть ему прямо в глаза, потому что боялась выражением лица огорчить его. Но помимо воли видела только его губы: посиневшие, как крошками, густо усыпанные мелкими капельками запекшейся крови. Это было страшно: красивая линия рта и замерзшие крошки на губах...

Я выполнила его просьбу. Разыскала мать и передала ей все его поручения. В холодном дребезжащем трамвае, на пути из Замоскворечья в Тимирязевку, меня согревала мысль, что, вернувшись в госпиталь, обрадую человека. Но пока ездил, его уже отправили в другой госпиталь. Я почувствовала какую-то пустоту и разочарование.

Вместе с подружками по цеху я записалась в кружок автоматчиков, ездила на Петровку заниматься в райсовете Осоавиахима. Когда через некоторое время нам сказали, что кружок автоматчиков никакого направления в действующую армию не даст, — я сразу ушла из него. Но что делать?.. Где найти свою дорогу? И когда же я доживу до шестнадцати лет?..

Председатель райсовета Миловидов понравился мне с первого же знакомства. Была в нем какая-то подкупающая простота. После одного из занятий я зашла к нему в кабинет и стала просить помочь мне поступить в морскую школу.

— Серьезно ли вы подумали об этом? — спросил он.

Со всей страстностью пятнадцатилетней девчонки я стала доказывать, что выбор сделан окончательно.

— А как смотрят на это ваши родители?

— Они согласны, — не моргнув глазом, ответила я, хотя отец, конечно, ничего не знал даже о моих занятиях в кружке автоматчиков.

Несколько месяцев Миловидов вел переписку и переговоры с соответствующими организациями, но повсюду получал отказ. Пытался отговорить меня, но я настаивала, и он опять звонил, писал, добивался.

Летом, с группой комсомольцев, я отправилась на трудфронт. Но разве о таком фронте мечталось?

Я уже окончила школу ФЗУ, получив квалификацию «швейника женского пальто», и работала в цехе фабрики по двенадцать часов в смену, как и все рабочие. После душного, шумного цеха очутиться на окраине подмосковного поселка, на свежем воздухе, ходить с граблями, просушивая торф-«крошку», — разве это фронт?

Через два месяца я вернулась на фабрику и вскоре опять сидела у Миловидова. Ничего утешительного сказать он мне не мог. Обиженная на всех, я стала избегать подруг и товарищей и увлеклась чтением. Читала без разбора все, что попадалось под руку.

Иногда воспоминания довоенной жизни вызвали прежнюю, неясную тревогу, и я одна ходила по Москве «заблудиться».

Как-то, когда я переходила улицу на Земляном валу, тоненький детский крик остановил движение. Взвизгнув тормозами, замерли трамваи, остановились автомашины, люди.

— Кто там? Кто? Что случилось? — раздавалось вокруг.

И действительно, было от чего остановиться движению, было от чего замереть сердцу: под передними колесами большой грузовой машины лежал, раскинув руки, маленький мальчик. Машиной ему, видимо, придавило ноги. Он тянулся из-под колеса, хватался ручками за булыжник мостовой, силился приподняться, тихо вскрикивал и, снова уронив голову на мостовую, плакал и что-то говорил быстро, захлебываясь. Я рванулась к машине. Шофер грузовика, опомнившись, дал задний ход, и машина тихо отодвинулась. Я приподняла мальчика и понесла на тротуар. Он крепко обнял меня за шею. Усадив ребенка на тротуар, я стала быстро ощупывать его руки, ноги, всё тело. Куда-то далеко-далеко уплыло все: шумная улица,

толпа, окружившая нас плотным кольцом. Не знаю сама, откуда вдруг взялся у меня такой спокойный голос, как будто мы были вдвоем на необитаемом острове:

— Ну, что теперь будем делать? Больно? В больницу отвезти? Не надо? Дойдешь до дому? Вот в этом? Ну, здесь близко.

Это было счастливой случайностью, что колесо задело только мягкие ткани ног. Толпа постепенно расходилась. Двинулись трамваи, троллейбусы, загудели, пробивая дорогу, автомобили. Только шофер все стоял около нас и спрашивал:

— Ну так как же, а? Может, в больницу отвезти?..

Я помогла мальчику подняться, одернула на нем курточку, отряхнула. Он сделал несколько неуверенных шагов, оглянулся.

— Проводить тебя? — спросила я.

— Нет, не надо... Только... маме не говори. Ладно? — Я кивнула головой. Оглянувшись по сторонам, он перешел через дорогу, потом все той же неровной походкой направился к подъезду большого серого дома. Мальчугану было лет семь-восемь.

Дома весь вечер я раздумывала над этим случаем.

И вдруг поверила в себя, в свои силы, в то, что в трудную минуту буду решительна. Нужно только не теряться ни в какой обстановке.

2.

Я пришла к Миловидову в кабинет и сказала:

— Мне уже исполнилось шестнадцать лет. Что хотите делайте, а я так не уйду. Не может быть, чтобы мы ничего не добились.

— Послушайте, Ася. Не хотите ли вы стать радисткой? Прием в школу начался.

— Нет, — ответила я не задумываясь. — Только в морскую школу.

— Но в школу радистов прием начался, — опять повторил Миловидов.

— Радист?! Что такое радист? Одного известного радиста знаю — Кренкель. Так он на Северном полюсе был. А так, — что такое радист?

— Ася, радисты нам сейчас очень нужны. Радист — это глаза и уши армии. Поверьте, это очень интересная работа. Подумайте. Ручаюсь, вы не раз потом скажете мне спасибо.

Тяжело вздохнув, я сказала:

— Ну, ладно. Так и быть. Пойду в вашу радиошколу. — И добавила:

— Если капитан знает радиодело, это ведь не плохо?

Миловидов засмеялся и выдал мне направление.

Чтобы удобнее было учиться, меня перевели в дневную смену. С семи часов утра до семи вечера — на фабрике, потом оттуда, с Сущевской улицы, на Пушкинскую площадь, в радиошколу до десяти, домой к одиннадцати — и спать до шести утра. Вот это правильно! Вот это настоящая жизнь!

В те дни, когда нет занятий в школе, по-прежнему читаю. В книжном шкафу отыскала «Диалектику природы». Решила самостоятельно изучить ее. Конспектирую каждую главу и иногда спрашиваю сама себя: «Зачем я изучаю диалектику природы, ведь никто с меня этого не спросит?»

Отец как-то успевает забежать домой, приготовить еду. Возвращаюсь вечером домой, а меня уже ждет на диване под подушкой горячий ужин, на столе записка. Иногда видимся — один раз в десять дней. Дни, наполненные трескотней швейных моторов, горячим запахом солдатского сукна, привычной темнотой московских улиц и тоненьким писком зуммера, бегут размеренно друг за другом. И теперь я уже точно знаю: фронт — это скоро.

Интересное дело: знаю, что точка-тире «ти-та» — это «а». Преподаватель отстукивает на ключе «ти-та» пять раз в минуту с одинаковыми интервалами. Слышу звук, понимаю, что это «а», но записать вовремя не успеваю. Преподаватель смеется:

— Не волнуйтесь, все придет в свое время. Будете, не задумываясь, записывать по сто двадцать знаков в минуту, а то и больше.

Не верится. Вообще-то снисходительное отношение к радиodelу у меня поколебалось в первый же день занятий. Познакомившись с нами, преподаватель отстукал на ключе «приветственную» радиogramму со скоростью сто сорок знаков в минуту, на что мы все — тридцать девчонок — ответили громким искренним смехом. Казалось невероятным тогда, что придет время, когда сама будешь выгадывать у немецких пеленгаторов доли секунды, чуть заметными движениями руки сообщать необходимые командования буквы и цифры, шифрованные радиogramмы. Но к этой оперативности, четкости в работе вели долгие месяцы учебы, крайне напряженной, и не менее интересной.

А пока я бегала с работы в школу, старательно упражнялась на большом тяжелом телеграфном ключе и, честное слово, выглядела победителем, когда приняла первую радиogramму вовремя и без ошибок.

Приехала из деревни мать с ребятишками. Клава и Вова будут учиться. Все мы, и, конечно, больше всех мама, каждый день ждем писем с фронта от старшего брата. Я вижу, как бережно складывает мать конверты с Васиними письмами в отдельную сумку, и думаю, что скоро и от меня она будет получать письма и вот так же складывать их, беречь. Но — пока ни слова. Тайком от матери перечитываю письма брата по нескольку раз. Очень хочется знать, как там — на фронте. Не то, что в газетах пишут или в кино показывают, а вот что-то особенное, такое, о чем думают бойцы, когда в бой идут. Страшно им или не очень? А Вася пишет обо всем: о погоде, о походах, о боях... о том, что вот вечер хороший и у них на передовой заводят патефон.

В наш большой четырехэтажный дом начинают возвращаться из эвакуации жильцы: приехали и Лариса с матерью. Лариса старше меня на два года. Сначала она поступила в один институт, потом перешла в другой. Лариса сторонится меня, иногда делает вид, что не замечает: ведь я всего-навсего подруга детских игр, а сейчас я работница швейной фабрики — примерщица закройного цеха. Но не знает Лариса, с какой гордостью, с какой спокойной совестью несу я домой заработанные деньги — триста рублей и талон на дополнительное питание за выполнение нормы на сто восемьдесят процентов. Усталое, ноет все тело. Все-таки тяжело работать и учиться. Мало шести часов сна. И на фабрике в первую же свободную минуту валюсь на токи сукна, чтобы поспать хоть десять — пятнадцать минут.

Но иной, легкой жизни мне не надо.

На одном из занятий преподаватель говорит:

— Провожу сегодня контрольную работу, прошу быть повнимательней.

Пока преподаватель проверяет наши работы, мы сидим в ожидании результатов.

Потом всех отпускают, оставив несколько человек, в том числе и меня. В кабинет заходит капитан и говорит, оглядев нас:

— Товарищи, если кто из вас желает учиться в военной школе радистов, приходите завтра утром с вещами. Поедете в Горький. Там закончите учебу.

Я не задаю лишних вопросов. В настоящую военную школу! Радостная бегу домой. Но дома моя радость меркнет.

— В какую это школу? — спрашивает мать. — Добегалась. Сидела бы дома. Вон Лариса знай себе учится! А тебе надо подальше от дома!

Я не могу спорить с ней. Мое молчание, видимо, обезоруживает ее.

— Что собирать-то тебе? — спрашивает она неверным, срывающимся голосом.

Нудная, серая изморозь мелким налетом покрывает все вокруг, оседает на лице, на пальто. Я иду с вещевым мешком за плечами. Мать, почему-то маленькая, тихая, идет сбоку, молчит и только изредка начинает уговаривать меня:

— Может, не поедешь, а? Обязательно везде побывать надо? Пропадешь на чужой стороне.

— Что ты, мама! Не пропаду. Не беспокойся. Только письма почаще пишите.

Около школы уже собрались отъезжающие девушки. Нас построили и повели на вокзал. Догоняя наш строй, мать пошла рядом и в последний раз безнадежно спросила:

— Может, раздумаешь, Ася?..

Дойдя до поворота, я оглянулась. Мать стояла, прислонившись к стене дома, закрыв лицо руками...

Накануне я не сказала ей, что еду добровольно и что школа готовит военных радистов.

3.

В первый же вечер в школе наш командир — старший техник-лейтенант Величко — сказал:

— Пройдет время, и, окончив школу, вы разъедетесь в разные стороны — радисты особого назначения! Вы можете работать на кораблях, на самолетах, в штабах армий и фронтов, в партизанских отрядах. Можете выполнять особые правительственные задания. От того, как вы будете учиться, зависит успех будущей работы, потому что умение быстро и четко наладить связь может спасти не только вашу жизнь, но и жизнь многих сотен и тысяч людей.

Представьте себе радиста, находящегося в районе дислокации вражеских частей. Он сообщает своему командованию точные координаты расположения войск, их численность, вооружение, — каким отличным радистом нужно быть, чтобы в этих условиях справиться с заданием! И вот уже наши танки, наши бойцы идут в нужном направлении. Летят самолеты. Наши части окружают и уничтожают противника.

Или возьмите случай из партизанской жизни. За линией фронта, во вражеском тылу, действует партизанский отряд. И единственная связь с Большой землей — это радист. Чтобы враги не успели запеленговать его, он обязан быстро и четко передать короткую, но точную радиogramму! Окончив школу, вы всю жизнь будете гордиться своим званием радиста особого назначения! Радист-оператор! Радист-коротковолновик! Сколько увлекательных дел впереди!

Я долго не могла уснуть в тот вечер. Пожалуй, Миловидон был прав...

В нашем классе, то есть в нашем взводе, сорок девушек-москвичек. Мы быстро познакомились и сразу же включились в распорядок школы. Занимались много и старательно. Армия нуждалась в специалистах. С первых же дней занятий мы знали, на какую работу нас готовят, предугадывали, что ждет нас там — далеко впереди, за линией фронта, среди врагов. И мы учились на пятерки, знали, что каждая хорошая отметка — еще один шаг к намеченной цели, к трудному делу, на которое пошли сами. Знали, что возможна смерть, что не все вернутся домой, в Москву. Но мы были молоды и мало думали об этом. Война призвала нас, а сердце приказало идти на самые опасные дела. Иначе мы ни жить, ни думать не могли.

Выходя из столовой, мы потуже затягивали ремни на гимнастерках и шутили: «Эх, сейчас бы пообедать!» Постоянно хотелось есть, и мы завидовали курсантам, которые шли в наряд на кухню.

Было трудное для страны время, и мы это хорошо понимали. Занимаясь с утра до вечера, жили одним: скорее окончить школу, скорее приняться за настоящую работу, скорее на фронт.

Шли месяцы. Мы натренировались уже так, что целый урок могли непрерывно принимать радиотексты со скоростью сто — сто двадцать знаков в минуту. Слуховая память еще не успевала расшифровать принятые звуки в букву, как рука уже писала ее, и следующую, и все остальные. Это давало нам возможность в течение пятидесяти минут совершать (мысленно, конечно) любые сверхдальние путешествия. Когда мы проверяли принятые радиogramмы, ошибок не было.

В шесть часов утра мы выбегаем на зарядку. На темном небе особенно яркими кажутся звезды, сухой колющий воздух перехватывает дыхание. На стеклах окружающих домов тускло отражается свет двух фонарей у входа в школу. Возвращаемся с улицы бодрые, румяные, слегка уставшие от бега.

По вечерам, в свободные часы «самоподготовки», мы собирались в классе, устраивались поуютнее и мечтали и вспоминали о доме, о Москве, о близких.

— Вы только подумайте, девочки, чему нас учат! Ведь какую голову для такой работы иметь надо! Неужели из нас что получится?! А между прочим, говорят, что Зоя Космодемьянская тоже радисткой была. Вот в такой же школе, как и мы, училась. Правда это, девочки? — говорила маленькая черненькая Лида Смыгина.

В один из таких вечеров, незадолго до отъезда из школы, мы договорились (совершенно серьезно) встретиться на другой день после окончания войны в шесть часов вечера у Большого театра в Москве. Мы были очень наивны, полагая, что с фронта в Москву в день победы можно будет вернуться за одни сутки.

Обычно в эти часы к нам заходил кто-нибудь из старших командиров. Они подробно рассказывали о том, как работали другие радисты, о заданиях, которые могли нам поручить. Мы узнали, например, что в тыл противника часто посылали двух людей — разведчика и радиста. Как хотелось, чтобы этот будущий товарищ по работе оказался надежным другом, — от этого ведь зависит и успех задания и сама жизнь!

Как и везде, в школе наша «тайная разведка» каким-то чудом доставляет нам самые интересные сведения. Так, стало известно, что старший техник-лейтенант Величко уже несколько раз подавал командованию заявления с просьбой послать его

на фронт. И на все заявления — отказ. Поэтому ходит наш командир хмурый, но, как всегда, строгий, подтянутый, вежливый. Он и не догадывается, наверное, что все девчонки нашей роты считают его лучшим командиром школы. И гордятся им, и стараются выражением лица, манерой разговора походить на любимого командира.

На одном из ротных собраний Величко сказал обо мне:

— За этого курсанта я не беспокоюсь, надеюсь, что не подведет на предстоящих госэкзаменах.

...Много лет прошло. Но и сейчас очень больно признаться, что я не оправдала его надежд. Еле-еле свой любимый предмет — радиотехнику — сдала на тройку. Никогда мы с ним об этом не говорили, никогда я обещаний ему не давала, а вот... чувствовала себя настоящей обманщицей. И до отъезда в часть ходила с опущенной головой, боясь встретиться с ним глазами.

Был еще один человек в школе, мнением которого я очень дорожила и который, в сущности, явился невольной причиной моего провала. О нем мне хочется рассказать подробнее.

Недели через три после приезда в школу я нечаянно подслушала разговор двух подруг о проходившем мимо командире:

— Вот, посмотри-ка, он пошел...

— Это и есть Молчанов?

— Да.

Тогда я не знала, почему он привлек их внимание, но очень скоро поняла, что его имя окружено в школе особым уважением и любовью.

После ранения в позвоночник Молчанов ходил очень прямой, неестественной походкой. Лицом он очень походил на Лермонтова: круглый овал, большие карие глаза, и даже взгляд их такой же задумчивый. И совсем уж как у Лермонтова усы — узенькой полоской над губами. Всегда подтянутый, сдержанный, с какой-то неотвязной грустью в глазах, он казался мне иным, не таким, как другие, и мне хотелось, чтобы он заметил меня.

Молчанов проводил у нас политзанятия.

Я стала одной из лучших учениц по его предмету. Почти весь урок не отводила от него глаз, внимательно слушала и задавала «умные» вопросы.

Однажды я подошла к нему после урока и попросила дать мне почитать «Диалектику природы», объяснив, что решила изучить эту книгу до конца.

Говорила я серьезно, глядя в его грустные глаза, и, неожиданно для себя, добавила:

— А усы вам не идут...

Не хочу сказать, что мне не нравились усы. Просто вдруг увидела около глаз густую сеточку морщин, а ведь ему было немногим больше двадцати лет. Совершенно искренне, от всего сердца захотелось сказать слова, ни в каком уставе не записанные, в стенах военной школы не положенные; слова из далекой «гражданской» жизни. Он чуть наклонил голову, улыбнулся и сказал:

— Приму к сведению и руководству.

На другой день он пришел без усов.

Потом я долгое время избегала его, но как-то вечером, во время моего дежурства по школе, мы снова встретились, и я, не задумываясь, приложив руку к пилотке, сказала теплое, домашнее:

— Добрый вечер!

— Ну, как идут ваши занятия диалектикой? — спросил он.

— У меня есть несколько вопросов.

— Запишите и принесите мне. Я отвечу.

На следующий вечер я отнесла к нему в кабинет список вопросов, а через день получила ответы. К моей жизни в школе, к моим занятиям, моим мыслям — ко всему этому теперь прибавилось ожидание его ответов. Я молча приветствовала его, заходя в кабинет, брала записку, так же молча благодарила, наклонив голову, и уходила. Отвечая на мои вопросы, он всегда добавлял что-нибудь от себя или про себя. Вот этих-то добавлений и ждала я. В них не было ни скрытых, ни явных намеков на какие-нибудь «сильные» чувства. Была дружеская усмешка, подшучивание над самим собой. После каждой записки я подолгу думала о нем. Что-то очень хорошее, невысказанное и неясное, таила в себе каждая фраза, каждое слово его ответа.

В дни занятий, в бессонные ночи дежурств его присутствие в школе, его записки помогали мне уходить в чудесную страну мечтаний о будущем. Я знала: то, что происходило со мной, так не похоже на «любовь», о которой шепчутся по вечерам девочки. Мне не нужно было ни свиданий, ни объяснений, ни «прогулок при луне». Что бы ни делала, я думала о нем.

Когда я отбыла с курсантами на практику в Иваново, Молчанов прислал мне письмо, хорошее, товарищеское письмо. Девчата по почерку на конверте сразу узнали, от кого, и многозначительно переглянулись: «Ага!.. Все понятно». Но имя его было окружено таким уважением, что никаких насмешек и шуток не последовало.

Вскоре после практики начались госэкзамены. Случилось так, что едва я начала отвечать по радиотехнике, Молчанов вошел в класс и сел возле экзаменатора. Красная как рак, я не могла вспомнить ни слова. Он встал и ушел. Мне стало хуже — я не знала, куда глаза девать от стыда. Экзаменатор по-своему понял мое смущение и после некоторых дополнительных вопросов поставил мне тройку.

Накануне отъезда из школы я набралась смелости зайти к Молчанову попрощаться. Он протянул мне, как обычно, листок бумаги с ответами на мои вопросы. Я поблагодарила его и вышла. Во дворе школы уселась на поленицу дров и развернула заветную бумажку:

«Прежде чем кануть в Лету, разрешите сказать вам несколько слов. Вы — молодец! Вы избрали трудный путь. Идите, сил у вас хватит...»

Слезы капали на листок, размазывая буквы, а я все читала, читала...

Однажды, во время очередного дежурства, я случайно встретилась с лейтенантом Молчановым около дверей школы, на улице. Было совсем темно: ни луны, ни звезд. Тускло светили фонари. Мы постояли рядом, потом лейтенант положил руку мне на плечо. Не знаю, изменилось бы что-нибудь, если бы он сказал мне тогда хоть одно слово? Вероятно, он знал, что я все равно уйду от него. Уеду туда, где нужно отдать себя делу всю целиком, без сожаления об оставленном, чтобы в решительную минуту не дрогнуло сердце, чтобы не мучили воспоминания о любимом, о близких, о тихом домашнем покое. Он ничего не сказал мне. И я промолчала. Каждое его слово было тогда очень дорого для меня. И это дорогое слово могло отнять у меня решимость и при первом прыжке с парашютом в тыл к врагу, и во время выполнения второго задания. Молчанов был прав. Но — сердцу не прикажешь. Память до сих пор хранит в душе образ этого светлого человека...

В школу я ехала, считая ее переходным этапом в моей жизни, и очень ждала дня окончания учебы, потому что этот день должен был стать первым днем новой жизни. Не думала я, что оставлю здесь какую-то часть своей души, что расставаться со школой будет так тяжело.

Через несколько дней после экзаменов я уехала... А через полгода, накануне вылета в тыл на выполнение задания, в далеком украинском селе вновь достала его записки, проделавшие со мной весь путь из Горького до Проскурова, и в который раз снова и снова перечитала их. Смешные, никому другому не понятные листочки с мудренными философскими терминами, они были бесконечно дороги мне. А потом я аккуратно сложила их и бросила в огонь железной «буржуйки».

Завтра начиналась новая жизнь. Большая дорога, о которой столько мечталось, открывалась передо мной.

4.

Получив назначение в штаб 1-го Украинского фронта, десятого ноября 1943 года мы выехали из Горького на запад, вслед за нашей наступающей армией. Пассажирам поездом доехали до Харькова, незадолго до этого освобожденного от захватчиков. Он поразил нас глухими, пустынными площадями, безлюдными улицами, чернеющими развалинами домов. Большой город, пустой и черный, он вызвал в нас какую-то особую настороженность.

Ночь провели на вокзале. В новых шинелях, шапках и сапогах — семеро девушек-радисток — мы держались отдельной группкой. Очень хотелось спать. Большинство приезжающих лежали и сидели прямо на полу. Недалеко от нас, в окружении солдат, лежала девица в солдатской шинели. Солдаты поочередно обнимали ее, перетаскивали с места на место. Она смеялась и курила вместе с ними «козью ножку».

Мои подруги уже спали. Я сидела на узеньком диванчике, изо всех сил борясь со сном. Мне казалось, что, если я лягу на пол, я стану такой же, как эта девица. Согнувшись, обхватив руками вещевого мешок, положив на него голову, промучилась я до

рассвета. Но больше сил не хватило. Старательно выбирая местечко почище, я все же легла, с радостью выпрямляя онемевшие руки и ноги.

«Что же ты, — мысленно упрекнула себя, — не выдержала первой трудности...»

Дальше от Харькова, в поисках своей части, мы путешествовали в эшелонах, на попутных машинах, пешком. В Нежине, в холодную дождливую ночь, промокнув насквозь, оказались в пустом «телячьем» вагоне и, конечно, продрогли так, что зуб на зуб не попадал. Мы были до того подавлены, что лежали молча и не могли заснуть. Уже на рассвете Аня Шамаева поднялась с пола, встала посреди вагона и, стараясь хоть немного развеселить нас, сказала, запахивая шинель:

— «Солдат, что ты стелешь, когда спать ложишься?» — «Шинель».- «А что ты под голову кладешь?» — «Шинель».- «А чем укрываешься?» — «Шинелью».- «А сколько же их у тебя?» — «Одна...»

Мы не рассмеялись, но показалось, что в вагоне стало теплее. Зато в Бахмаче — ах, как хорошо было в Бахмаче! — хозяйка дома, к которой мы зашли, постелила нам около печки большую охапку сена... А в Броварах — разве можно об этом забыть? — в Броварах мы, получив сухой паек, зашли в небольшой чистенький домик. Там оказалась хозяйка — средних лет женщина — и четверо детей. Она собрала наши продукты, добавила чего-то своего и сварила большой чугунок замечательного душистого супа.

Больше месяца колесили мы по Украине в поисках своей части и наконец догнали ее в двадцатых числах декабря в Прилуках. Трех наших подруг сразу отправили в другой город. Нас осталось четверо: Валя Бовина, Зина Кудрявцева, Аня Шамаева и я.

Поселились мы в тихом домике на окраине города. Пока командование решало нашу дальнейшую судьбу, мы отдыхали. В этом домике мы впервые по-настоящему близко познакомились с украинскими песнями. Почти каждый вечер мы забирались на печку и слушали, как душевно пела молодежь, приходившая к старшей дочери хозяев.

Новый, 1944 год встречали в Киеве. Здесь опять начались занятия. Нам принесли радиостанции, расписание связей. Мы вновь изучали каждый проводок, каждую деталь, чтобы в случае аварии самим отремонтировать радию. Мы учились находить неисправность, устранять ее. Особенно я любила «орудовать» паяльником. Он был небольшой, пальцы рядом с ним казались громоздкими, и я в душе очень гордилась собой, когда маленькая капля сверкающего олова возвращала радию в строй боевых аппаратов. Раньше, на практике или в школе, проводя связь, я знала, что где-то недалеко меня слушает наш же курсант, и мне было не очень интересно работать. А сейчас за тремя буквами позывных скрывался неизвестный человек. Перед ним хочется отличиться четкой работой на ключе, блестящим знанием кода и радиожаргона, хочется узнать побольше об этом человеке: как зовут, откуда родом, сколько лет... Но этого делать как раз и нельзя. Только в конце связи отступишь привет...

Днем к нам приходили преподаватели, и мы изучали специальные предметы. По вечерам, надев наушники, слушали весь мир. Короткие радиоволны приносили русские песни, американские джазы, певучую, лающую, гортанную речь. Некоторые передачи мы слушали подолгу, не понимая их, но подчиняясь обаятельному звучанию языка. Хотелось узнать, кто это говорит, о чем. Русские и советские песни, русская музыка волновали, напоминали о доме.

Помню, после одного концерта, где исполнялись довоенные песни о Москве, я проплакала целый день, а вечером написала матери большое письмо в стихах. Подругам эти стихи понравились, и на другой день в Москву были посланы четыре одинаковых письма. Не знаю, как реагировали на мои стихи остальные матери, но от своей сестренки Клавды я получила открытку, в которой она писала: «Если тебе хоть немного жаль маму, то никогда больше не пиши ей таких стихов...» Вероятно, я что-то переборщила.

Жили мы очень дружно. С самого начала распределили между собой обязанности: Аня Шамаева была «начфином», Зина Кудрявцева и Валя — «снабженцами»: носили воду, ходили на базар, пилили и кололи дрова. А я была «начпродом», вернее, поваром, хотя никогда раньше не замечала в себе кулинарных способностей. В маленькой библиотечке мы нашли книгу по кулинарии, ею я и руководствовалась. Вставала с постели, когда было еще темно, выходила на кухню и начинала хозяйничать.

Находясь на кухне, я все время пела. Пела все, что знала: от «чижика-пыжика» до арий Сусанина и князя Игоря. Я знала свои музыкальные способности и поэтому плотнее прикрывала дверь в комнату девчат, чтобы им не было слышно. Но они все равно стучали в стенку и просили лучше два раза исполнить куплеты Мефистофеля, чем один раз «Катюшу», хотя, вероятно, в моем исполнении обе эти вещи звучали одинаково. Я смеялась вместе с подругами, хотя втайне болезненно переживала отсутствие голоса. Как я хотела петь!.. Я знала так много песен, арий, хоров, дуэтов и целые картины из опер. Но когда все пели, мне доставалась незавидная роль суфлера. Иногда я мечтала о том, что произойдет какой-нибудь из ряда вон выходящий случай, и у меня вдруг появится голос... При трезвом же размышлении я снова и снова убеждалась, что «слава моя, как видно, иного рода»... Ну что ж... Каждому своё.

Но я пела, я не могла не петь. Ведь впереди еще самое трудное, экзамен моим силам, выдержать который — дело чести всей моей жизни. Путь выбран правильный, спасибо Миловидову. Я — радист особого назначения!

Как-то неожиданно приехали за Валею. Не верилось, что она, высокая, нескладная, в шинели, которая висела на ней мешком, — веселый наш «снабженец» — вот-вот уйдет, и мы, может быть, никогда больше не увидимся с ней! Меня напугала такая неожиданность разлуки. Валя улыбнулась, прощаясь с нами. Все мы в тот момент думали об одном: удастся ли встретиться после войны?

Вместе с фронтом двинулась на запад и наша часть. В Житомире распрощались с Зиной Кудрявцевой. Вскоре переехали в Проскуров. Дом, в котором поселились мы с Аней, стоял в глубине большого сада. Хозяйка собрала в нашу комнату все лучшее, что было у нее: пышную постель, ковры, тюль. По вечерам, ложась спать, мы смеялись — в каком царстве живем? Вдоволь нашептавшись, мы крепко обнимались и засыпали.

Однажды ночью нас разбудил тихий, настойчивый стук в окно. Мы переглянулись. Кто бы это мог быть? В такое время? Я подбежала к окну и приподняла занавеску. За окном стоял наш инструктор — старший лейтенант Шатров.

— Девочки, вставайте скорее! Я специально не стал стучать в дверь, чтобы не беспокоить хозяйку. Вставайте, я вам сейчас все расскажу!

Мы быстро оделись, ничего не понимая. Сели втроем у раскрытого окна. Город спал. Ярко светила луна на чистом небе. Шатров снял с руки часы, положил их перед собой на подоконник.

— Вот, смотрите! Через пятнадцать минут Зиночка будет прыгать.

Мы понимающе переглянулись. Через пятнадцать минут решится очень многое. Первые минуты на вражеской территории могут оказаться последними минутами жизни разведчика. Зина, маленькая, худенькая, с черными до плеч локонами, с черными глазами и маленьким носиком, очень походила на девочку-подростка. Мы не раз шутливо говорили, что немцы, увидев ее, ни за что не догадаются, насколько опасен для них этот «кукленок»!

Просидели пятнадцать минут. Смотрели на небо — чистое, светлое, как будто могли увидеть, что происходит за сотни километров от нашего дома. Потом прошло еще несколько раз по пятнадцать минут, а мы все не расходились. Шатров говорил:

— Вот вы думаете, наверное, что нам, инструкторам, все равно: посадил в самолет — до свиданья, привет?! А сколько здесь перемучаемся, пока услышим от вас хоть один звук.

Весь в белом кружеве стоял сад, легкий ветерок раздвигал занавеску, приносил из сада запах цветущих яблонь и вишен.

Где-то продолжалась война, а здесь весна уверенно идет по городу.

Мы ждем своего часа со дня на день. Незадолго перед Первым мая пришел Шатров и сказал:

— Ну, готовьтесь. Завтра комиссия приедет. Посмотрим, на что вы годитесь.

Уступая нашим настойчивым просьбам, он рассказал, что командование нуждается сейчас в инструкторах и он сам еще не знает, как решится наша судьба.

После его ухода мы приуныли. Опять сидеть здесь, а когда же на задание? Ведь так и война кончится, и мы ничего не успеем сделать...

Нас действительно оставили инструкторами, но очень скоро пришлось распрощаться и с Аней. Я осталась одна.

Хожу на занятия. Иду по окраинам Проскурова, по берегу тихой реки Случь. За городом, в кучах пепла и грязи, на свалке вьются мальчишки. Несколько дней наблюдаю за ними.

— Что вы здесь делаете? — спрашиваю их.

— Да вот значки ищем, — ответили они, не поворачивая головы. — Заразы эти выбросили сюда, а теперь разве найдешь?

— Какие значки?

— «Какие, какие!» Не понимаешь, что ли? Вот какие! — И мальчишки показали мне пионерский значок с маленьким красным костром посередине.

— Ничего не понимаю, почему вы ищете здесь?

— А где ж?! Немцы вывезли и выбросили, а в какую кучу — не знаем. Вот пока эти нашли, а остальные...

Несколько дней после этого, закрыв глаза, я все видела перед собой маленький красный костер на грязной детской ладони.

У меня два ученика — Тоня и Ежи. Оба поляки. Тоня — простая, веселая, очень живая, подвижная девушка. Ежи, наоборот, степенный, солидный, неразговорчивый парень. Тоня быстро принимает радиограмму, быстро передает текст, кисть ее руки легко ложится на ключ, и кажется, что работает она играя. Ежи проводит уроки более серьезно, все усилия он вкладывает в пальцы — ведь ключик такой маленький по сравнению с его рукой, — но передает он очень четко и так же быстро, как и Тоня.

Оба они старательно обучают меня польскому языку. Каждый день пять-шесть новых слов, новых фраз. Тоня знакомит меня с алфавитом и дает книги на польском языке. В свободное от занятий время я сажусь в своей комнате, раскрываю окно и медленно читаю вслух польские книги, с трудом осваивая непривычные сочетания мягких шипящих звуков. Без особых раздумий началось мое знакомство с поляками — с их жизнью и бытом. Это знакомство сослужило мне в дальнейшем верную службу.

У окна широко раскинула ветви белая акация. В соседней комнате хозяйка заводит патефон.

Сколько же мне так сидеть?.. Где подруги?.. Что с ними?

В тихое июньское утро вместе с Шатровым пришел ко мне невысокого роста синеглазый майор. Знакомимся. Шатров говорит:

— Это твой новый товарищ — командир группы. Знакомьтесь поближе, привыкайте, вместе полетите...

Долго сидели втроем, неторопливо разговаривая. Было немного грустно. Теперь я знаю, кто он, мой товарищ и командир. Но как все будет дальше?.. Я с тревогой прислушиваюсь к его голосу.

Разговаривая с майором, не смотрю ему в лицо. И вообще больше молчу. За ужином он шутит:

— Ешь, ешь, Ася, не стесняйся. И глаза не прячь — гляди веселее. Ничего, привыкнешь...

И от этих слов «ничего, привыкнешь» мне становится жутко. Что он имеет в виду? Неужели я действительно «привыкну» и стану вести себя так, как та девица на вокзале в Харькове?

Долго не спала я в эту ночь — все старалась представить, как буду жить там, на задании.

На следующий день вместе с Шатровым пришли еще двое: Николай и Петрусь.

Николай — высокий сорокалетний мужчина, с крупным лицом и большими руками, украинец, грузчик из Таганрога. Николай был необычайно весел — к нему приехала жена с двумя дочками. Он возбужденно жестикулировал большими руками и смеялся радостно, как ребенок.

— Вы понимаете, за всю войну первый раз свиделись. Дочки стали — во! — он показывал руками необыкновенную высоту.
— Дома все ладно, все в порядке. Теперь можно не только к немцам, а и к черту на рога лететь!..

Петрусю недавно исполнилось двадцать лет, и конечно же украинская песня:

Как за того Петруся семь раз била матуся.

Ой, лихо — не Петрусь: било личко, черный вус! -

сложена про него. Действительно, «било личко», «черный вус», и действительно, за такого Петруся все стерпишь от матери — хорош был Петрусь!

Началась подготовка к вылету, обсуждение задания. Мне выдали пистолет, и майор довольно быстро обучил стрельбе из него. На закате, ближе к сумеркам, мы уходили за город на берег Случи и тренировались. Николай и Петрусь бросали гранаты, «глушили» рыбу. Мы с майором перебирались на другой берег, ближе к лесу. Река в этом месте была неширокой, но глубокой. На узеньком мостике мы каждый раз останавливались и смотрели вниз, на быстро бегущие мутные волны. Дальше шли напрямик по полю, раздвигая высокую желтую пшеницу... Потом, окончив стрельбу, возвращались обратно в густой вечерней темноте. Мы мало разговаривали во время этих занятий. Опытный командир и начинающий свой боевой путь солдат — мы были поставлены в необычные условия и взаимоотношения. «Знакомьтесь ближе, — сказал нам Шатров при первой встрече. — Вместе полетите». И мы познакомились. Я старалась незаметно подчеркнуть, что признаю его авторитет и обещаю и в дальнейшем быть верным помощником. А майор, улыбаясь одними глазами, казалось, говорил, что все это его вполне устраивает.

Накануне вылета мы пошли к реке просто так, прогуляться. Майор попросил меня рассказать о моей жизни. Я смутилась:

— Что мне рассказывать, моя жизнь только начинается... Вот вы о себе расскажите.

Он ничего не ответил, а я постеснялась повторить вопрос. Так мы пришли на берег Случи. Сели.

— Ну, так что ж? — начал майор. — Значит, рассказать?

— Обязательно... Просто очень нужно.

— Согласен. Очень нужно. Ну, а с чего начинать?

— ...Хотя бы как в анкете — год, место рождения и так далее.

— Чудесно! Ну что ж... Год рождения — тысяча девятьсот шестнадцатый. Место рождения — Щучье Озеро. Есть такое село. Большое село...

И замолчал. Темнело вокруг. Вода в реке казалась густой и тяжелой... Потом он вздрогнул.

— Да... Так вот... Война застала меня в Риге... И с тех пор бои, атаки, стрельба, госпиталь, опять бои, опять госпиталь... и опять бои... — Он лег на траву, подложив руки под голову, засмеялся.

— В Одессе, в катакомбах, однажды попал в переплет. В госпиталь привезли — на кровать положить нельзя, на полотенцах подвесили... Говорить не мог... А я вот взял да и выжил!

Тускло поблескивали ордена на его кителе.

— А к нам откуда пришли?

— Из госпиталя... Сквозное пулевое ранение.- Майор покачал головой. — В двух сантиметрах от сердца пуля прошла. — И смеясь продолжал:

— Значит, что же получается, Ася? Получается, что умирать мне еще рано! Вот какие дела...

С противоположного берега доносилась песня. Я не видела лица майора, но чувствовала, что он улыбается.

— Мальчишкой был — пастуху завидовал!.. Утром солнце только еще встает, а он идет медленно по селу, в рожок играет. К нему со всех сторон бабы спешат, коров, овец гонят, а он свысока так на всех поглядывает, кнутом щелкает...

— Что вы делали перед войной?

— Работал в леспромхозе. Есть такая должность — технорук, знаешь? А в Ригу я в гости поехал... Ну что? Пойдем домой? Где будем завтра в это время, товарищ радист?

Не доходя до дома, майор остановился.

— Да, я еще один пункт в анкете пропустил — семейное положение. — И, отведя глаза в сторону, глухо сказал:

— Жену убили еще в начале войны — она медсестрой была. Дочка осталась — Верочка. В деревне у матери моей живет...

Вечером следующего дня мы приехали на аэродром, остановились в небольшом хуторке. Было около полуночи, когда я, перебрав свои бумаги, сожгла в печке письма и записки. Захотелось сказать Молчанову:

— Нет, товарищ лейтенант... Вы не можете «кануть в Лету». Память о вас я пронесу сквозь долгие годы... И вы правы — я пойду только вперед... Пока хватит сил.

И почему-то стало обидно, что ни в одном письме уже сюда, на фронт, нет слова «люблю». Вероятно, оно скрыто за другими, простыми, ласковыми словами и его нужно угадать самой... А так оно вдруг стало нужным! С ним бы лететь на задание!..

А может быть, без него лучше?..

Наверное, у меня был очень невеселый вид, потому что майор, улыбнувшись, подмигнул:

— Ничего, Ася, все будет хорошо.

Глаза у майора синие-синие, веселые, с искорками.

Я написала две короткие записки — матери и Молчанову: «Меняю адрес. При первой возможности сообщу».

Молчанов поймет. А матери об этой перемене лучше не знать...

Я совсем забыла, что не одна в комнате, и долго сидела, пока майор не спросил:

— Боишься?

— Боюсь, — ответила я, — боюсь.

— Чего боишься?

— Прыгать страшно.

— Ничего. Я буду прыгать сразу после тебя, так что приземлимся где-нибудь рядом. Самое главное — не теряйся. Ты ведь храбрый солдат!

Я вышла на улицу. Темная, звездная наступила ночь. Через полчаса мы вылетаем. Я стою у начала большой дороги, о которой мечтала целых три года. Иду выполнять свой долг перед родиной, перед матерью, давшей мне жизнь, перед людьми, воспитавшими меня. Я очень хочу вернуться обратно... Я хочу всю жизнь иметь право смотреть людям прямо в глаза. Ночь... Украинская ночь...

5.

Обвешанная со всех сторон сумками (по бокам у меня висели рация и батареи, впереди — вещевой мешок, сзади — парашют), я не смогла сама залезть в самолет. Под дружный хохот товарищей доковыляла до трапа, а потом, ухватившись за протянутые руки летчиков, с трудом протиснулась в дверь. Поднялись в самолет остальные. Расселись, стихли шутки и смех.

Линию фронта перелетели незамеченными. Штурман о чем-то долго говорил с майором.

Мы заранее условились, что я буду прыгать первой. Быстро раскрылся купол парашюта. Я стала осматриваться. Недалеко от меня спускались майор и Петрусь. Не видно Николая.

— Товарищ майор, — закричала я, — где же Николай?

Майор махнул рукой, и я подумала, что он не расслышал.

— Где Николай? Почему я не вижу Николая?

— Сумасшедшая! Перестань же кричать! — рассердился майор. — Кто разговаривает в воздухе?!

Неожиданно скоро надвинулась земля. Я упала набок в низком кустарнике. Выхватила из кобуры револьвер и прислушалась. Тихо.

Отстегнула стропы парашюта, собрала его и спрятала под кустами. Сняла с груди вещевой мешок, повесила на плечо и пошла к лесу. Пройдя несколько шагов, услышала короткий тихий свист — условный сигнал. Я пошла на звук. Навстречу мне из кустов вышел Петрусь. Почти тут же подошел майор.

— Ну, чего ты кричала? Неужели не понимаешь, что на земле все слышно?

— Вот теперь понимаю. А где же Николай?

— Не знаем. Подождем немного. Подойдет. Где оставила парашют?

Я ответила.

Майор и Петрусь, низко пригнувшись, закурили, пряча огонек папиросы в ладонях. Прошло минут десять. Снова прозвучал сигнал, и подошел Николай.

— Только прыгнул — мешок оторвался. Меня дернуло в сторону — и вот отстал от вас.

— Ну, ладно, — огляделся вокруг майор. — А сейчас — быстрее отсюда куда-нибудь подальше.

Мы шли по берегу неглубокого оврага. Внизу то и дело вспыхивали голубенькие огоньки. Что здесь? Засада? Или партизанский отряд? Почему бойцы лежат и курят? Почему нас никто не спрашивает, куда мы идем? Я ждала, что вот-вот кто-нибудь поднимется из травы и спросит: «Стой! Кто идет?»

— Петрусь, — остановила я идущего впереди, — что это там светится?

— Светлячки, — буркнул он, не оглядываясь.

Хорошо, что было темно. Никто не догадался о моем позоре. Светлячков принять за огоньки папирос! Да они и светятся-то голубым светом! Эх, разведчик!

До утра мы сидели в гуще леса. Позавтракали консервами. Майор и Николай ушли на разведку. Часа через два они вернулись вместе с каким-то мужчиной, обвешанным оружием. На нем были брюки-галифе и зеленый френч. Все трое весело смеялись. А Николай, похлопывая его по плечу, сказал нам:

— Знакомьтесь, мой земляк, Никита.

— А где вы его взяли? — спросил Петрусь.

— Залегли в канаве около дороги. Слышим — тарыхтит телега и кто-то едет. И что бы вы думали? Поет «По-за лугом зелененьким». А чтоб я да не узнал, кто нашу песню поет, чтоб я земляка своего не узнал! Подождали с майором. Смотрим — один едет...

— Откуда он, этот Никита? — спросила я у майора.

— Их здесь целая группа. Так же, как и мы, на задании.

В этот же день мы присоединились к разведгруппе 1-го Белорусского фронта, действовавшей в районе села Осередек, близ города Томашув-Люблинский, на территории Польши. Я провела связь с центром, передала радиogramму. Началось знакомство с людьми и обстановкой. В группе было около пятнадцати разведчиков, несколько поляков, присоединившихся к ним уже здесь, в Осередке, немец Фердинанд и радистка Маша. Командовал группой невысокий, коренастый, начинающий лысеть капитан. Он быстро сдружился с майором.

На берегу маленькой речки стояло несколько шалашей, вкопанный в землю стол и две скамьи. Немного в стороне — шалаш для радисток: меня и Маши. Поваром в отряде был Никита. Он спокойно разъезжал по лесу на телеге, громыхал бидонами, привозил из деревни молоко, сметану, масло, хлеб. Готовил на костре удивительно вкусные украинские борщи «з квасолью».

В нашу задачу входило наблюдение за дислокацией и передвижением немецких воинских частей, за перевозками по железной дороге и автострадам, расположением складов, баз горючего, штабов воинских частей, за всеми событиями — большими и малыми — в районе городов Люблина и Сандомира.

— Особое внимание обратите на сосредоточение танковых частей и подход новых частей из Германии, — сказал нам Шатров перед вылетом. — И немедленно радируйте, как только станет что-нибудь известным.

В селе Осередек находилось небольшое подразделение немцев, охранявших железную дорогу Львов — Варшава. Капитан познакомил наших разведчиков с местным жителем, партизанским связным Якубом Литховцом. Вскоре через Якуба была налажена связь с начальником железнодорожной станции Скварки — Вацлавом Зволяком. Петрусь регулярно приносил от него сведения о движении по железной дороге Рава-Русская — Львов, Замостье — Хелм. Рация работала безотказно. Я сообщала в центр:

«Из Львова в город Замостье прибыла пехотная дивизия полевая почта № 45711. Автомашин 200. Штаб дивизии по улице Крестинского Замостье. На улицах города подготавливаются рвы для зарывания танков. С 15 июля начинается мобилизация фольксдойчев. С 10 по 14 июля прошло четыре эшелона. Первый эшелон с боеприпасами 30 вагонов; второй эшелон танки типа «Тигр» 15, автомашин 13, солдаты СС 12 вагонов, 480 человек; третий эшелон с обозом, четвертый эшелон автомашины, 33 платформы».

«14 июля в 23 часа 00 минут разбился советский самолет «ЛИ-2» № 18411109 севернее Юзефова, деревня Майдан, станция Лучин. Экипаж три человека погибли. Найдены четыре парашюта. Документы, карты забраны немцами».

«В Замостье производится мобилизация фольксдойчев».

«16 июля ушло из Раевца через Хелм на Ковель три эшелона, 120 вагонов танков, 48 автомашин. Хелм — Влодава два километра севернее пункт № 229 большие склады бомб».

Обычно я работаю рано утром и целый день свободна. У Маши расписание непостоянное, и я мало нахожусь в шалаше, чтобы не мешать ей работать. Мне нравится общество партизан. Я моложе их всех, многим гоюсь в дочки. И чтобы завоевать у них авторитет, прибегаю к мелким, как мне кажется, «умным» хитростям: делаю вид, что не слышу грубых слов, которые они (правда, очень редко) по привычке еще иногда употребляют, не обижаюсь на шутки, не читаю им нотаций, когда они курят, не кричу, что это вредно для здоровья, ведь шалаши так малы...

И мужчинам не совсем удобно жить в таких условиях. Целыми неделями и месяцами ютятся на маленьком клочке земли, где с одной стороны речка, а с остальных трех сторон лес и единственные строения — шалаши из еловых веток.

Иногда я недоумевала: все-таки партизаны очень спокойно чувствуют себя в лесу. Как-то спросила майора, почему наш связной в деревне, Куба, сказал однажды: «Не тот стал немец, не тот».

— Здесь прошли отряды Ковпака, — ответил майор. — Поэтому немцы в лес не заглядывают — боятся. А народ чувствует себя увереннее, смелее...

В один из июльских дней на территории лагеря появился странный человек. Он был в безукоризненном городском сером костюме, желтых туфлях, светлой сиреневой рубашке, с фотоаппаратом через плечо. Из нашей группы никто не знал, кто он. Зато все остальные разведчики окружили его. Он разговаривал с ними, смеялся, отвечал на приветствия. Мы сидели с майором около шалаша, составляя радиogramму. По глазам майора я видела, что его тоже интересует этот человек.

Вскоре незнакомец подошел к нам.

— День добрый! — сказал он, кланяясь. — Можно присесть около вас?

— Пожалуйста.

Аккуратно расстелив на траве платок, он сел и улыбаясь спросил:

— Пана майже, вы можете передать в центр такую радиogramму: «Самолет «ЛИ-2», сбитый в ночь на пятнадцатое июля, сгорел. Капитан Сергеев у меня. Сообщите Афонину, полевая почта 15424».

Майор удивленно посмотрел на него.

— Во-первых, почему вы обращаетесь ко мне с такой просьбой, а во-вторых, не вижу капитана Сергеева. И, в-третьих, я хотел бы знать, с кем разговариваю.

— О, простите. — Незнакомец снова поднялся. — Я забыл представиться. Корнелюк Павел Петрович, житель села Задубцы Грубешковского уезда. Капитан Сергеев находится у надежных людей. Вечером он будет здесь.

Майор неопределенно кивнул головой, потом встал и ушел. Мы остались вдвоем.

— Ну что ж, панна Ася, — сказал Павел. — Как вам здесь нравится? Очень страшно жить в лесу?

— Нет, не очень. А вы где живете?

— В городе.

— А что вы там делаете? — Я успела разглядеть тонкие твердые губы, густые черные волосы, зачесанные назад, широкие черные брови и глаза — темно-серые, прищуренные, с большими черными зрачками.

— Как это понимать — что я делаю?

— Где вы работаете?

— Я не работаю. У меня фабрика.

— У вас фабрика? Значит, вы фабрикант?

Я смеялась долго и вполне искренне.

Павел даже обиделся.

— Чему вы смеетесь?

— Ну, как же не смеяться? Я первый раз в жизни разговариваю с фабрикантом, и в таких условиях!..

Павел родился в Рязанской области. Родители его, состоятельные люди, в 1917 году бежали в Польшу, обосновались в Томашуве. Павлу было тогда шесть лет. Он получил здесь высшее образование. Но семья жила замкнуто, — видно, не очень уютно чувствовала себя на новом месте.

В семье придерживались старых русских обычаев, говорили на русском языке. С вниманием и несомненной симпатией следили за событиями в России. Мать и отец очень тосковали по родным местам. Потом родители умерли, оставив Павлу фабрику, дающую достаточный доход, чтобы содержать семью. Но как-то получилось, что смолodu он не женился, а потом так и остался холостяком.

— С капитаном меня познакомил Куба, — продолжал свой рассказ Павел, — вот... ездю по городам... делаю что могу, моему партизанскому стажу скоро будет два года...

Вечером Павел привел к нам капитана Сергеева, летчика с подбитого немцами самолета.

Внешне Павел выглядел так, как и должен был выглядеть преуспевающий фабрикант. Вероятно, он был вне подозрений у немцев и у полиции. Сведения, доставляемые им, всегда отличались точностью. Он спокойно подсаживался ко мне и говорил, кивая головой на радиостанцию:

— Стучи: «На аэродроме Мокре западнее Замостье находится сорок самолетов «Мессершмитт-109», На шоссе Хелм — Ровец — разезд Завадувка севернее и южнее при шоссе большие склады бомб». И еще: «По железной дороге Люблин — Львов движения нет. Немцы взорвали мосты и ушли на Замостье. Поляки вооружаются против немцев. В городе Томашуве немцев нет».

Павел с большим вниманием отнесся к моим занятиям польским языком. Я старалась разговаривать с ним только по-польски; когда получалось плохо, мы вместе смеялись, но он не оставлял меня в покое до тех пор, пока я не произносила нужное слово правильно. Из него мог бы выйти хороший преподаватель: свободно владея и русским и польским языками, он умел объяснить все просто и доходчиво. Его импровизированные уроки помогли мне в дальнейшем.

Однажды майор пригласил меня и Павла к себе в шалаш. Они закурили и некоторое время сидели молча.

— Вот что, Павел, — начал майор. — Есть у нас к тебе просьба... Нужно съездить в Люблин.

— Можно, — отвечает Павел. — Скажите адрес и что нужно сделать.

— В Люблине в одном из главных управлений работает наш советский разведчик. С ним нужно наладить связь. Я могу сказать тебе только пароль. Остальное посмотришь по обстоятельствам.

Мы подробно обсудили все возможные варианты предстоящей встречи. Далеко за полночь я и Павел вышли от майора. Лагерь спал. На берегу реки между деревьями ходил часовой. Лунные блики переливались в мелкой ряби речной волны. Мы дошли до тропинки, ведущей на большую дорогу, и остановились около высокой густой ели.

— Вы не боитесь идти сейчас по лесу? — спросила я.

— Нет. Я уже привык...

Кругом стояла такая тишина, что казалось кошунством разговаривать в полный голос.

— Знаете, Ася, — начал вдруг Павел, глядя в сторону. — Я, как сейчас, помню: когда умирала моя мать... уже в самую последнюю минуту... Она только успела сказать мне: «Пашенька, вернись домой...» — и все. «Домой...» Я даже не знаю, что это такое — город или деревня — Рыбное... Рязанской области... Но я очень хочу вернуться туда, Ася... очень.

Потом, тряхнув головой, как бы отгоняя от себя воспоминания, он сказал:

— Ну, я пошел...

— Возвращайтесь поскорее.

Я смотрела ему в глаза. Да, мы с майором рисковали не только своей жизнью, но и жизнью разведчика, которого мы никогда не видели и на связь с которым шел сейчас Павел. Никто из нас не имел такой возможности связаться с ним, как Павел.

— Вы сомневаетесь во мне? — спросил он.

— Нет. Я вам верю.

Он схватил мои руки, крепко сжал их:

— До свидания! — и быстро пошел по едва видной тропинке. Тихий-тихий стоял лес, пахло хвоей...

— Ася! — позвал меня подошедший сзади майор. — Пойдем в лагерь. Поздно уже.

Мы молча дошли до шалаша.

— Спокойной ночи, — сказал майор и повернул к реке, к часовому.

— Спокойной ночи...

Я влезла в шалаш, легла на свою постель. И, закрыв глаза, увидела перед собой нашу комнату в московском доме, колонны театра перед окнами, завешенные маскировочными сетками. «Мама... Как ты там?» Защипало, защекотало в носу. Комок сдавил горло... «Мамочка...»

Павел приехал через два дня. Он сразу прошел к майору, и они долго беседовали. А когда вышли из шалаша, по глазам майора я поняла, что все в порядке. Через час я передала в центр сведения о дислокации немецких войск в Люблине. По совету люблинского разведчика нашим командирам предстояла встреча с польской подпольной группой.

В целях конспирации встреча была назначена в каком-то отдаленном местечке. Я, как радистка, должна была остаться при радиостанции, то есть в отряде, и только с завистью смотрела со стороны на сборы товарищей. Вот подошел Петрусь, одетый в форму немецкого офицера. Маша ахнула от восхищения, и я не удержалась от улыбки. Форма сидела на нем так, как будто он никогда в жизни не носил ничего другого. Майор тоже выглядел вполне элегантным мужчиной в светло-коричневом костюме и шляпе. Подъехали на лошади Фердинанд и Никита, майор отдал какое-то распоряжение, и они отправились в путь.

Каждый раз, когда уходят или уезжают товарищи по работе на всевозможные большие и маленькие, опасные и не очень опасные задания, — каждый раз тоскливо сжимается сердце. Напряженна и изменчива судьба разведчика.

На другой день я передала в центр радиограмму о встрече с представителями польской подпольной группы.

Вскоре был получен ответ: «В десять часов вечера ожидайте самолет с грузом. Опознавательные знаки: три костра, выложенные треугольником». Мы все пошли встречать самолет. Поляна находилась в двух километрах от лагеря. Партизаны шли веселые. Николай, потирая руки, говорил:

— Письма-то наверняка будут. А может, и «русской горькой» догадаются прислать?

— То-то я смотрю, готовишься шкалики считать? — поддразнивал его Никита.

— Да-а-а... Не мешало бы! А ты что ж громыхалку свою не захватил, гостинцы-то на чем повезешь?

— Доведем. Было бы что везти, — отшучивался Никита.

На поляну пришли задолго до назначенного времени. Проверили сложенный хворост, солому, спички. Все в порядке. Когда совсем стемнело и на небе показались звезды, с востока послышался гул самолета. Он летел невысоко и в нашу сторону. Майор посмотрел на часы — время совпадало точно.

— Зажигай костры! — скомандовал он.

Петрусь, Николай и Никита почти одновременно чиркнули спичками. Вспыхнула солома, затрещали сухие ветки. Самолет пошел на снижение, и вдруг раздалась пулеметная очередь. Павел, стоявший рядом, резко дернул меня за руку и свалил в какую-то канаву. Самолет, делая круг над поляной, продолжал обстрел. А потом он не торопясь поднялся над лесом и полетел дальше на запад.

На следующее утро из центра сообщили, что самолет с грузом сбит немецкими зенитчиками при перелете через линию фронта. Когда, расшифровав радиограмму, я передала майору, он долго вертел ее в руках, потом сказал:

— А все-таки оружие необходимо...

Я вторично передала в центр радиограмму с просьбой прислать оружие.

Как-то ночью нас разбудили по тревоге. Это было неожиданно и не так страшно, как ново. Тревогу поднял Фердинанд.

Партизаны любили рассказывать, как они впервые встретились с ним. Однажды они ехали по дороге из деревни в лес. Фердинанд увидел их, положил автомат на траву, поднял руки и пошел навстречу. Партизаны остановили лошадь, Фердинанд подошел к ним ближе и сказал:

— Ви кто есть? Я есть партизант. Гитлер капут. — При этом он так широко улыбался, что партизаны не выдержали и захохотали.

В отряде Фердинанд был на редкость дисциплинированным, аккуратным, исполнительным.

Он дежурил этой ночью и услышал какое-то движение в лесу. Несколько наших разведчиков пошли в ту сторону, куда показал Фердинанд. Прошло около двадцати минут. Вскоре они вернулись обратно. Оказывается, это двигался к линии фронта один из отрядов Ковпака.

А через день — канонада! Сначала где-то далеко: тяжело и глухо. Потом все ближе, все громче, все громче! Фронт движется!

Верхом на лошади примчался из деревни Куба. Скачет по лагерю, смеется, кричит:

— Выходите, люди добрые! Собирайтесь! Собирайтесь! Немцы из села драпанули! Как же мы, «бедные поляки», теперь без немца жить-то будем?!

Еле утомили его партизаны.

Двигается фронт. День и ночь гудят на дорогах советские машины, летят самолеты. Вот они — наши солдаты, освободители!

Легко, свободно дышится, — мы на освобожденной земле!

Вот и кончилось первое особое задание.

На нескольких подводах въезжаем в деревню и направляемся к дому Кубы. Там уже все готово к приему гостей. Разведчики, партизаны, крестьяне располагаются за столом. А мы с Машей уходим на сеновал. Через несколько дней расстанемся. Может быть, поэтому нам хочется побыть вместе. Не обязательно что-нибудь говорить. Можно просто лежать рядом, молчать и думать... о чем хочешь...

Но, видно, велика человеческая потребность высказывать кому-то наболевшее, пережитое. И Маша без всякого вступления начинает рассказывать:

— В марте полетела я на задание с одним товарищем в Молдавию. Забросили нас недалеко от того села, откуда он был родом. Прожили мы в его доме несколько дней, смотрю — приходят три молдаванина и приводят лошадь с повозкой. Вызывают меня в сени и говорят: «Немцы скоро придут в село; может быть, вам уезжать придется, так вот вам от нас лошадь, чтобы не попасть к немцам». Я удивилась, сделала вид, что они ошиблись, а молдаване говорят: «Что вы отказываетесь, мы ведь за вами следим; как вы только из самолета выпрыгнули, как парашюты раскрылись, с тех пор мы с вас и глаз не сводим. Не бойтесь нас, мы партизаны. Мы ваши друзья»...

Начал к нам похаживать священник из соседней деревни. Сидит вечерами, вроде меня не замечает, а сам все рассказывает хозяину, где у немцев орудия стоят, где штаб расположен, где солдаты... и так это все обстоятельно рассказывает... После узнали мы, что это партизаны его к нам посылали...

А потом пришли немцы, лошадь у нас отобрали, сапоги мои забрали... И пришлось мне сто километров по снегу в одних шерстяных носках идти...

6.

Мы едем навстречу нашим войскам, разыскиваем свою часть. В Раве-Русской распрощались с группой капитана. Прощание было шумным. Мне очень понравилось, что никто и не упомянул об адресах. Зачем сейчас адреса? Мы все на войне. А на войне разные бывают случайности...

Встретил своих товарищей и летчик Сергеев. Нас осталось пятеро: майор, Николай, Петрусь, Павел и я. Павел бросил свою фабрику, бросил дом и в одном сером костюме и модных ботинках ушел с нашей группой. Он положил пистолет в карман, фотоаппарат повесил через плечо и сказал майору: «Я с вами». Только на очень короткий миг потемнели серые глаза, и то на какой-то миг...

Несколько дней двигались мы с запада на восток, пока случайно чуть не наехала на нас какая-то машина.

— А ну, стойте! — раздался знакомый голос. Мы остановились. А из машины уже вылезал улыбающийся генерал-майор — командир части. Пожимая мне руку, он сказал:

— Слушал вашу работу. Чисто работали... и быстро. Молодец.

Я покраснела, смутилась, но, конечно, обрадовалась. Еще бы: сам генерал слушал меня.

Майор доложил о выполненной работе. Генерал отправился дальше по дороге, встречать возвращающиеся с заданий группы. Вскоре к нам подъехала большая автомашина, и нас повезли на приготовленные командованием квартиры.

Дубляны — большое живописное село в четырех километрах от Львова. Овраг делил село на две неравные части. Большие сады, ягодники окружили чистые, нарядные домики. Очень быстро я подружилась с молодежью села. Говорили здесь на смешанном польско-украинском языке, понимали мы друг друга хорошо. Очень часто вечерами ребята и девушки пели по моей просьбе. Иногда они пели советские песни на польском языке. Но самой любимой у нас была народная польская «Колыбельная». Она исполнялась несколько раз за вечер. Я полюбила ее и запомнила.

Вот содержание этой песни: «На окраине города, в трущобах, где нужда и голод, мать баюкает сына: «Спи, сыночек, спи, мой маленький! Мать сбегает за молоком, а добрый бог на небе сохранит тебя. Спи, мой родной!»

Двадцать лет прошло спокойно. Сын вырос здоровым и веселым. Но начинается война, и его призывают в армию. Мать поет над спящим: «Спи, мой сыночек! Завтра уйдешь на войну, на кровавый бой. А я буду молить бога, чтобы встретиться снова с тобой. Спи, мой родной!»

Утром сын рано ушел в часть. Мать долго стояла у ворот. На прощанье он сказал ей: «Не плачь, мама, я вернусь, или увидимся на небе».

На войсковом кладбище за городом, где рядами стоят кресты, над могилой сидит мать и плачет: «Спи, мой сыночек, в темном гробу. Твои товарищи с тобой. На грудь тебе крест дали, а жизнь отобрали... Спи, мой родной!..»

Было в этой песне что-то трогавшее душу, одинаково волнующее и поляков из пригородного львовского села, и меня — девушку из Москвы.

В эти дни произошло памятное для меня событие — молодежь Дублин призывалась в армию. Как-то утром я вышла из дома. У сельсовета собралось много народу. Я быстро пошла туда. Около сельсовета уже выстроились призывники, в том числе много моих знакомых. Рядом стояли их родные, слышался плач. Но вот после нескольких напутственных слов офицер скомандовал: «Шагом марш!» — и колонна тронулась. Впереди послышалась песня «Марш, марш, Домбровский!», но почему-то эта боевая песня быстро затихла. Колонна спускалась в овраг. Вместе с толпой провожающих я шла сбоку от дороги. И вдруг звонкий голос запел:

Недалеко за мястем в пшедместьи...

Это были знакомые всем слова «Колыбельной». Ее сразу подхватили остальные. Дорога поднималась в гору. Стало трудно идти. Но тот же молодой голос выводил:

Не плачь, мама, я вернусь,

Или... увидимся на небе...

Рядом со мной шли польские девушки и женщины, они вопросительно посматривали на меня. Нас было здесь только двое русских — командир и я. Командир шел впереди. А я — рядом с ними. Такая же, как и они женщина, плакала так же, вытирая слезы концами платка.

— Провожала? — спросил меня майор, когда я вернулась.

— Провожала, — ответила я.

— А чего плакала?

— Жалко.

— Кого тебе жалко?

— Ребят... их теперь на фронт пошлют.

— А себя не жалко? Ведь ты была и будешь еще дальше, за линией фронта.

— Ну, я — совсем другое дело...

И правда, жизнь казалась сейчас совершенно обычной. А между тем шла подготовка к новому вылету, к новому заданию.

К нашей группе присоединили еще четырех товарищей: Василия Дзюбу, Петра Климашина, Савву Сайко и Тадеуша Тесляк.

Василий был на два года старше меня. Худощавый, бледный, вспыльчивый, иногда слишком резкий с товарищами, он показался мне человеком неприятным. Вызывали недоумение и протест многие его рассуждения. И в то же время иногда проскальзывало в его поведении что-то детское, наивное.

Может быть, на характер этого очень еще молодого парня наложили отпечаток испытания, выпавшие на его долю. Он попал в плен к немцам и был направлен ими в военное училище. Я видела фотографию: группа курсантов этого училища в городском парке, а в центре ее, обняв двух гитлеровских молодчиков, стоит Василий. Окончив училище, получив звание, он уехал на передовую. Там, прихватив с собой штабные документы, перешел линию фронта. Он оказался очень полезен нашему командованию, так как хорошо знал немецкий язык, немецкое оружие.

Савва Сайко — украинец из Житомирской области — всегда сдержан, серьезен, нетороплив. Чуть выше среднего роста, коренастый. Зеленоватые небольшие глаза смотрят спокойно, уверенно. Он никогда не хвастался, но никто не сомневался в его силе. «Покрой хорош и сшито ловко», — сказал о нем как-то с завистью майор. Сам майор был невысок ростом, быстрый, нервный.

Петр Климашин, земляк и даже односельчанин Сайко, до войны работал бухгалтером в колхозе. Среднего роста, немного сутулый, с крупными чертами лица и большими сильными руками, он производил впечатление решительного, с твердым характером человека.

Тадеуш Тесляк — поляк, вместе с Саввой и Петром он партизанил на Житомирщине. Нежное, женственное лицо, черные волнистые волосы. Тадеуш был примерно вежлив, очень воспитан и скромен. Много позже я узнала, что на его счету значатся несколько подорванных штабных немецких машин, три убитых офицера гестапо и пять немцев-солдат.

На этот раз в нашу задачу входит разведка гарнизонов городов Люблинец и Тарновске Гуры. И опять — «особое внимание обратить на сосредоточение в этом районе танковых частей».

Несколько последних дней напряженных занятий — и вот на завтра назначен вылет. С вечера укладываем вещи, подготавливаем оружие. Рация моя уложена, вещмешок тоже, и я иду помочь собраться майору. К нему то и дело прибегают за советом, помощью. Майор дал мне переписать кое-какие справки, сам сидит в стороне, разбирает бумаги.

Потом он откладывает их, подходит ко мне и садится рядом. Он говорит, заглядывая в глаза:

— Ася, что ты ответишь... если я предложу тебе... стать моей женой?

Я растерялась, не могу взглянуть на него, в голове все смешалось.

Еще когда мы жили в Проскурове, как-то Николай и Петрусь пригласили майора в кино. Он оглянулся на меня, задумался и отказался. Я почему-то была уверена, что у меня еще впереди разговор с майором. Когда я думала о нем, мне становилось грустно — в трудное время встретились мы с ним. И только когда он был рядом — нервный, вспыльчивый, требовательный к себе и к другим, очень редко веселый, — достаточно было его взгляда, нескольких слов, чтобы теплой радостью согрелось сердце...

Я думаю про себя: «Как все это получилось?..» Но ведь он не скрывал своего расположения ко мне с самого первого дня нашего знакомства. За это короткое время мы так хорошо узнали друг друга, что громкие, пышные фразы прозвучали бы фальшиво. Я отвечаю:

— Только... когда вернемся с задания...

Это звучит как согласие. И тут же спохватываюсь: а как же Молчанов?

Мы сидели в комнате майора у раскрытого окна. Майор говорил:

— Это ничего, что я старше тебя на десять лет, — это не так уж много... А когда у нас будет сын, мы назовем его Валеркой.

— Почему?

— Потому что у меня был друг — Валерий... Погиб. Умер у меня на руках. Я решил тогда, что назову своего сына Валерием.

Я смотрю в темноту за окном, и как-то тепло, хорошо на душе. И сердце майора совсем рядом стучит... И в голове сами собой складываются слова:

А моя любовь — без соловья,

без песен,

Военная, суровая любовь...

Сейчас, когда я пишу эти строки, я готова повторять десятки раз: нет и не может быть любви без песен! Но у каждой любви песня на свой лад...

7.

На аэродроме нас встретил инструктор Шатров. Я обрадовалась, отозвала его в сторону и попросила:

— Ну, пожалуйста, скажите, где мои подружки, что с ними?

— Подожди, Ася, не торопи, сейчас расскажу обо всех по порядку. Валя Бовина еще на задании. У нее все идет хорошо. Зина Кудрявцева слетала неудачно: выдали их соседи, вместе с разведчиком сидела в полиции, но удалось бежать, а тут как раз и фронт продвинулся. Готовится сейчас на второе задание. А вот с Аней Шамаевой плохо — группа пропала. Как вылетели тогда с аэродрома, с тех пор ни одного звука. Значит, какая-то беда... но ты не вешай нос. Ты знаешь, в нашей работе всякое бывает... А сейчас быстренько беги вон к тому самолету — видишь, около него толпа стоит, Рая Чеботаева сейчас тоже вылетает. Ты ведь знаешь ее?

— Да. Она училась в нашей роте.

— Ну, беги, еще успеешь попрощаться.

Мы действительно успели только попрощаться и пожелать друг другу удачи — Рая уже садилась в самолет.

Наш вылет задерживался. Мы сидели невдалеке от самолета у опушки леса. Поднимались, улетали и быстро возвращались «ястребки». Медленно надвигались из-за леса сумерки.

Во время посадки в самолет к нам подошли еще двое: молодой паренек, радист, и пожилой уже, среднего роста, разведчик. Эта группа имела свое задание и должна была выбраться раньше нас.

Было совсем темно. Самолет набирал высоту, становилось прохладно. При перелете через линию фронта попали в лучи прожекторов, началась стрельба. Но летчик вывел самолет из-под обстрела, и, поглядывая в окна, мы наблюдали, как, не долетая до нас, разрываются внизу снаряды. После этого долго еще летели в ночной темноте. Но вот дали сигнал второй группе. Первым прыгнул мужчина, следом за ним паренек, и в тот момент, когда он, оторвавшись от самолета, растопырив руки и ноги, обвешанный сумками, повис в воздухе, страх вдруг охватил меня. Ведь и я буду точно так же висеть между небом и землей. Я почувствовала нервную дрожь в коленках, но постаралась взять себя в руки.

Через некоторое время один из летчиков подбежал к майору:

— Как быть, товарищ майор, приборы повреждены во время обстрела, мы сначала не заметили. Сейчас точное местонахождение определить невозможно. А по времени пора производить выброску...

Майор исподлобья глянул на летчика и глухо сказал:

— Будем прыгать... Какая высота?

— Две тысячи метров.

Дали сигнал приготовиться. Чтобы выбраться из самолета быстрее, а значит, по возможности приземлиться ближе друг к другу, мы встали к дверям по обе стороны самолета. Петрусь, Павел, Савва и Тадеуш — с одной стороны; Василий, Николай, Петр, я и майор — с другой. Прозвучал второй сигнал. Первая группа быстро выскользнула из самолета, а мы немного задержались. С нашей стороны должны были выбросить на парашюте грузовой мешок, но он застрял в дверях. Пока его поправляли, самолет уже далеко ушел.

— Второй заход! — сказали нам летчики.

Но, видно, нервы у всех были слишком напряжены. И поэтому, когда прозвучал второй сигнал, мы опять упустили момент и выпрыгнули только на третьем заходе.

Даже непосвященному человеку понятно, что если на высоте двух тысяч метров самолет делает третий заход, то оставшиеся товарищи вряд ли приземлятся близко от первой группы парашютистов.

Мне показалось, что парашют не открывается очень долго. Наверно, что-то заело... «Разобьюсь...» Я дернула кольцо. Плавно покачиваясь, как в лодке, я спускалась все ниже. Широко вокруг простиралось темное, усыпанное звездами небо. Ни огонька, ни звука внизу...

Парашютом, как шапкой, накрыло верхушку ели, иголки царапнули по лицу, туго натянулись стропы. Я подтянулась к стволу, уселась на сучьях. Вытащив нож из кармана брюк, начала перерезать стропы парашюта. Но тут же в голову пришла простая мысль: «Для чего я это делаю? Обрежу стропы и упаду. Куда? С какой высоты? Что подо мной?..»

Дикий нечеловеческий крик раздался где-то совсем близко. В ночной непроглядной темноте он был жуток до того, что у меня остановилось дыхание. Сняв с себя вещевой мешок, я спустила его вниз, поближе к стволу дерева. «Тук-тук», — простучал по ветвям мешок. Земля была где-то не очень близко. Ну что ж, подожду до рассвета. Я отстегнула стропы, переложила револьвер из кобуры в карман пальто, ремнем привязала себя к стволу дерева и, обняв его руками, прижалась к нему — холодному и шершавому. Закрывает глаза, стараясь не думать ни о чем, чтобы сберечь силы до утра, когда придется делать первые шаги по этой неизвестной земле. Но в голове неотвязно звучал вопрос: кто кричал? Петр? Василий? Неужели майор?! Кто прыгал вслед за мной?.. А что, если это кто-нибудь чужой?..

Ветерок шумел в вершинах деревьев, приносил запах сырости и чего-то душистого... Что там — внизу?..

Я очнулась, когда все вокруг посерело. Спускаться было очень трудно: сапоги скользили по сучьям, тонкие, длинные ветви путались под ногами, мешала сумка с радиостанцией. Добравшись до нижнего сучка, я сняла с плеч сумку с питанием к рации и бросила ее вниз. Затем осторожно бросила рацию. До земли оставалось метра четыре. Я обхватила ствол руками, надеясь так сползти вниз, но пальцы не сцепились в обхвате, руки сразу разжались, и, падая, я не почувствовала удара, только стало вдруг темно и тихо...

Когда я открыла глаза, увидела над собой кусочек синего-синего неба и ярко-зеленые верхушки деревьев. Быстро приподнялась, села и огляделась вокруг: лесная дорога, рядом в беспорядке лежат вещевой мешок, рация и сумка с батареями. Я подобрала вещи и, отбежав в глубь леса, закопала рацию и батареи в землю. Скорей бежать отсюда! Скорей, пока не заметили парашют. Повесила вещевой мешок через плечо, быстро, от дерева к дереву, пошла вниз под гору. Ровная серая асфальтовая лента тянулась влево, а справа, совсем близко от меня, сворачивала за гору. Я призадумалась. Представила себе шоссе с гудящими автомашинами, чужими людьми — фашистами... От шоссе назад, в гору, или через шоссе вперед! Нет! Только не назад!

Я никогда раньше не была в горах. Очень интересно было смотреть сверху вниз по склону горы. Стройными рядами стояли высокие тонкие деревья, которых прежде не видела. Порой мне казалось, что я не одна в лесу. Я оглядывалась, прислушивалась, подавала условный сигнал, но никто не появлялся, никто не отвечал мне. В густом высоком кустарнике я спрятала вещевой мешок. Сняла пальто, в правый карман брюк положила револьвер, в левый нож, — может, пригодится. Одежду, шоколад, сухари, патроны и всякую мелочь — все, что было в мешке, спрятала так хорошо, что, казалось, никто, кроме меня, не сможет найти. Сама осталась в легкой блузке с короткими рукавчиками и юбке, заправленной в серые байковые брюки. Запомнив место, я пошла дальше, оглядываясь по сторонам... Устала. Незаметно подкрадывалось беспокойство: а что, если не найду никого? Как узнать, где нахожусь?

Забравшись в гущу кустарника, легла на траву, подложив руки под голову, и задумалась. Небо по-прежнему было чистое, синее, тихо шумел в стороне лес, плескался по камням ручей. За кустами, позвякивая колокольчиками, паслись коровы. Значит, где-то недалеко должна быть деревня.

Было около трех часов пополудни, когда я подошла к небольшому аккуратному домику, одиноко стоявшему близ опушки леса на вершине горы. Я спряталась за деревом и стала наблюдать. На крыльцо выглянула женщина и позвала:

— Юлиан! Ходь ту! Прендко!

Мальчик лет тринадцати выбежал к ней из-за угла дома. Я обрадовалась, когда услышала польский язык. Сразу вспомнились польские крестьяне из Осередка, их помощь нашим партизанам.

Я первый раз осталась одна, без командира. Нужно самой принимать решение. Постояв немного, пошла к дому.

Залаяла собака, привязанная у крыльца. Из дверей вышла женщина — не очень молодая, с пышными светлыми кудрями и строгим взглядом красивых серых глаз. Я попросила у нее воды. Напившись, поблагодарила женщину и спросила по-польски:

— Как называется ваше село?

— Бренна, — ответила женщина. Голос у нее был приятный, располагающий к откровенной беседе.

— Разрешите мне посмотреться в зеркало, я хотела бы привести себя в порядок, — сказала я, надеясь выведать еще что-нибудь, потому что название села слышала впервые. Женщина пригласила меня в комнату.

Я видела, как она прошептала что-то маленькой худенькой девушке, сидевшей у окна. Та незаметно исчезла. Я поняла, что ее послали за «кем-то», и подумала, что вдруг этот «кто-то» может оказаться очень похожим на Кубу — нашего первого связного, расспросит меня и проведет к партизанам или поможет найти товарищей...

Вскоре мимо окна промелькнула какая-то фигура. Я поспешила выйти на крыльцо. Высокий, даже очень высокий, с военной выправкой мужчина стоял, отряхивая с костюма травинки. Вопросительно вскинув лохматые черные брови, он окинул меня взглядом с головы до ног, и мне стало не по себе. Какое-то внутреннее чутье подсказало, что добром наш разговор не кончится...

— День добрый, пане! — я старалась говорить как можно спокойнее.

— День добрый. Прошу садиться.

Я села на низенькую скамеечку около дома, он — на ступеньку крыльца, слева от меня. Внизу по шоссе изредка проезжали автомашины, проходили люди, группа солдат в немецкой серо-зеленой форме проводила строевые занятия около большого каменного дома. Хозяйка и девушка ушли на участок недалеко от дома и сгребали сено по краям желтого пшеничного поля. Хозяин сидел, облокотившись на колени широко расставленных ног, внимательно разглядывая пальцы рук. Он продолжил разговор:

— Как зовут пани?

— Анэля.

— Кто есть пани?

— Полька.

— Полька? — усмехнувшись, он посмотрел на мои кирзовые сапоги, качнул головой и убежденно сказал:

— Нет. Пани есть русская. — Слово «русская» он произнес с такой ненавистью, как если бы он сказал: «Пани есть мой злейший враг!»

Мне стало холодно. Нужно придумать, как уйти.

— Покажите ваши документы, — сказал он.

— Почему я должна показывать их вам?

— Не хотите — не надо. Я и так знаю, что вы парашютистка и вас выбросили сегодня ночью. Вот придет полиция — ей и покажете свои документы. — Он опять недобро усмехнулся и крикнул:

— Юлиан! — Мальчик, до этого времени молча наблюдавший за нами, подбежал к отцу. — Юлиан, беги в полицию, скажи, чтобы сейчас же пришли сюда.

— Хорошо!

Мы молчали. «Что же делать? Что делать?»

Вдруг быстрым движением хозяин выхватил у меня из кармана нож.

— Для чего девушке такой нож?

Мне стало страшно. Очень страшно. Но я молчала. А он внимательно рассматривал лезвие.

Вприпрыжку бежит под гору мальчик, все ниже и ниже, вот он уже перебегает через шоссе. Вот выходит из каменного дома с человеком в форме. Они еще далеко внизу, я различаю только их фигуры, но знаю, что это идут Юлиан и смерть. Моя смерть... Я встаю и, прислонившись к стене дома, правой рукой в кармане брюк взвожу курок револьвера.

— Пусть пани сядет, — говорит обеспокоенный хозяин.

— Не бойтесь. Я не уйду... — отвечаю я.

Юлиан с полицейским переходят через шоссе. Я поворачиваюсь к хозяину, выхватываю из кармана револьвер. На всю жизнь остаются в памяти расширенные от ужаса глаза, бледная вспышка выстрела, вой собаки, рвущейся с цепи, крики женщины, желтое поле пшеницы...

Ветром снесло платок с головы... Я бегу, бегу все дальше в лес, в горы... Бегу долго, стараясь запутать следы в ручьях, на камнях, меняя направление, бегу, бегу... Спускаются сумерки. Идти даже медленно уже нет сил. Вот большой овраг. Я спускаюсь вниз и забираюсь в маленькую глухую нору на дне его. Немного отдохнув, начинаю обдумывать свое положение. Парашют остался на дереве. Его найдут. И платок тоже. Это факт. Немцы, конечно, поймут, кого забросили к ним. В полиции догадаются, что я радист. Ведь девушки в разведгруппах обязательно радисты. Будут искать... Если рассуждать логически, я должна убежать как можно дальше из этих мест. А если рассуждать «не логически»?.. Я решаю вернуться к тому дому, где произошло убийство. Думаю, что там меня меньше всего будут искать.

Темно и холодно в лесу; вероятно, уже глубокая ночь. Страшно вылезать из ямы. Собрав последние силы, напряженно вспоминая дорогу, я медленно потащила обратно. Рассветало, когда я добралась до вершины горы со знакомым уже домом. Маленький огонек светился в окне...

Здесь же, недалеко от опушки, под густой елью, загородившись хворостом, я легла спать. Посмотрела на камень, выступавший из земли, — он будет вместо подушки, — и едва положила на него голову, как сразу уснула. Спала я долго. Сквозь сон никак не могла понять, почему мне холодно, а когда проснулась, то увидела, что идет дождь. Я вся промокла. В голове чувствовалась тяжесть. Я села к стволу дерева, загородилась хворостом и опять быстро уснула. На этот раз проснулась от легкого шороха. Сжала револьвер — я и во сне держала его в руке, — но тревога оказалась напрасной. Надо мной с ветки на ветку, распушив рыжий хвост, прыгала белка. Меня знобило. Хотелось есть. Оглядываясь по сторонам, я пошла к кустарникам, в которых спрятала вещевой мешок. Дождь кончился, но в лесу было туманно и сыро. Новая беда поджидала меня — мешка на месте не оказалось. Несколько раз я обыскала кустарник вдоль и поперек — ничего! Я вернулась к своей ели усталая и злая.

Невыносимо длинные, тоскливые прошли три дня. Голодная, больная бродила я по лесам, тщетно пытаюсь разыскать товарищей. В тоненькой летней блузке было очень холодно спать на земле. Я сделала себе постель из еловых веток, укрывалась тоже ветвями. Постель была жесткой, но надежной. Глядя со стороны на эту кучу хвороста, никто бы не подумал, что под ней лежит человек. Голова постоянно горела как в огне, мучила жажда, временами я теряла сознание и проваливалась в темноту. Очнувшись, сердилась на свою беспомощность и старалась держать себя в руках. С трудом добиралась до ближайшего ручья, чтобы напиться холодной, чистой воды. Приходило минутное облегчение, затем опять голова становилась тяжелой, не было сил поднять ее от земли, не было сил двигаться. С тяжелыми кошмарами проходили ночи. И каждая ночь уносила с собой частицу света, с каждым днем становилось все темнее вокруг, мутился рассудок. Синими звездочками в ночи горели глаза майора. Где он?.. Что же не найдет меня? Неужели сердце не подскажет ему дорогу?

Иногда одолевали сомнения: не лучше ли было сидеть под крылышком родителей, работать на фабрике и спокойно ждать конца войны? Может, действительно мне, девчонке, незачем было мечтать о больших и трудных делах? Но нет, нет! Сейчас трудно. Это экзамен. Надо выдержать!

Мучительно хотелось есть. Я нашла в лесу большую суковатую палку, опираясь на нее, ходила по горам. Мне становилось все хуже. Кружилась голова, но я шла и шла, обходя полицейские посты, людей.

На пятый день я встала пораньше, добралась до лесной тропинки, которую заметила накануне, и стала ждать. Сидела долго. Напротив из кустов выбежала серна. Я не шевелилась. Несколько секунд мы смотрели друг другу в глаза. Потом серна, легко оттолкнувшись стройными ножками от земли, ускакала обратно в лес. Вскоре на тропинке показался мужчина. Он шел, тихо напевая, в такт песне размахивая полотняной сумкой. Я хотела выйти ему навстречу, но вовремя остановилась. На тропинке показался полицейский. И опять я ушла в горы. Я ходила долго, пока не выбилась из сил. Только палка — мой друг — помогала держаться на ногах. Мне все стало безразлично, и, выйдя из лесу на большую поляну — совершенно открытый склон горы высотой с полкилометра, я пошла прямо через эту поляну. Внизу на шоссе останавливались люди и смотрели на меня. Не знаю, где тогда была полиция... На всякий случай приготовила револьвер.

На поляне я увидела женщину, которая пасла корову. Ближе к опушке сидели возле стада овец два пастуха. Я решила подойти к женщине. Обессиленная, дошла до нее, опустилась на землю, взглянула ей в глаза и, не в силах сказать ни слова, заплакала, прижавшись лицом к жесткой сухой траве.

— Почему пани плачет? — спросила женщина.

Я подняла голову, посмотрела на нее. Что сказать? Что спросить у нее?

Может быть, она знает, где партизаны? Может, попросить кусочек хлеба?..

Вдруг женщина, смутившись, отвернулась от меня и погнала корову. Почему? Почему она ушла? Неужели она не видела, что у меня нет больше сил? Неужели она не видела, что я больна?

Полгода спустя я узнала, что ее испугал револьвер, торчавший у меня из кармана. Эта женщина, добрая и простая, хотела уже мне помочь чем-нибудь, но, увидев револьвер, испугалась и ушла. Так я и осталась в ее памяти — плачущая, больная — серый комочек на голом склоне горы...

Я встала и ушла в лес, на свою постель. Тяжелый и черный навалился сон. Очнувшись, я крепче сжимала револьвер. Только бы полиция не застала меня спящей. От горячего дыхания потрескались губы. Бесконечной казалась темнота беспомощности, темнота ночи... Наступил шестой день. Я добралась до тропинки и стала ждать. Показался мужчина с сумкой в руках. У меня не было другого выхода, я решила рискнуть. Когда он подошел ближе, я выглянула из-за дерева и тихо сказала:

— Прошем пана...

Он остановился, быстро взглянул на меня и, оглядываясь по сторонам, подбежал ко мне.

— Что вы делаете? Вы понимаете, что вы делаете? Вас ищут везде, а вы так близко от дороги! Полиция ходит кругом! На столбах в селе объявления висят, ваши приметы описаны. Внизу у тропинки стоит полицейский и проверяет, что люди в лес несут. — Михал (так звали моего нового знакомого) похлопал себя по карманам и показал сумку, где лежали две лепешки и кусок сыра.

— Вот и все, хоть целый день работай. Больше не разрешают с собой взять. Надеются, что вы придете за едой к кому-нибудь в деревню... А партизаны вас так ищут! Всем своим людям наказали вас найти...

Потом мы сидели, пригнувшись в кустах, очень близко друг к другу. Михал говорил быстрым шепотом:

— Панна Ася, один русский попал в полицию. Ваш парашют сняли с дерева, а этот человек был недалеко от того места: Он очень сильно разбился: поломал руки, ноги... его нашли два фольксдойча... Он просил спрятать его, а они выдали полицию...

«Так вот кто кричал тогда», - подумала я,

— А как зовут? Вы не узнали?

— Петр. Его звали Петр.

— Почему «звали»? Разве?..

— Да. Он умер два дня тому назад... Он был очень плохой. Весь больной. Панна Ася, он все рассказал... и про вас, и про майора, и про всех...

— Полиции?

— Да. А они все равно били его, пытали...

— Скажите, а радиостанцию нашли?

— Радио?.. Не слышал. Наверное, нет, не нашли.

— Хорошо... А как мне добраться до партизан? Где остальные наши товарищи? Вы ничего не слышали о них?

— Нет. Пока ничего. О партизанах я сегодня узнаю, они далеко отсюда находятся. Только вы, пожалуйста, никуда не выходите, подождите еще немножко... Панна Ася, как вам удалось уйти от облавы?

— От какой облавы?

— Ведь после того, как вы убежали, полицейские и солдаты — их было человек сто — «прочесали» лес, в котором вы скрылись. Они много стреляли. Мы все ждали, с чем они вернутся. А потом узнали, что вас не нашли. Только парашют и вещевой мешок.

— Облава на меня — это понятно. А вот почему они не поймали — это и мне непонятно...

Итак, Петр Климашин замучен полицейскими. Что он мог рассказать?..

Михал отдал мне весь обед, который нес с собой. Это был один из счастливейших дней моей жизни. Я опять была не одинока, надежда на скорую встречу с товарищами ободрила меня, пища прибавила силы.

Ночью дети Михала пробрались ко мне и принесли старый, потрепанный пиджак, по которому ни один житель села не признал бы его хозяина. В эту ночь мне показалось, что постель не очень жесткая и земля не такая уж холодная...

...На черной выгоревшей поляне только один зеленый куст. Под кустом сижу я. Кольцо полицейских сужается. Я тянусь к револьверу и никак не могу достать его. Но полицейские уже окружили меня. Один из них грубо хватает за плечо, приподнимает и с силой толкает под гору. «Ах ты, русская собака, наконец-то попалась!» Я кубарем качусь с горы...

Открываю глаза и вижу, что Михал трясет меня за плечо.

— Панна Ася, панна Ася, проснитесь! Вы так стонали во сне, я решил разбудить вас.

Так это был сон! Какой страшный сон! Я никак не могу успокоиться.

— Пан Михал, — не в силах сдержаться, я плачу, — пан Михал, скажите мне, где партизаны?.. Я боюсь здесь жить... мне страшно. Я больна. У меня нет больше сил. Скажите, где партизаны?

Михал успокаивает меня:

— Не плачьте, панна Ася, не плачьте. Ведь я для того и пришел. Подождите до вечера, днем идти опасно, я принес вам еще хлеба и молока. А вечером идите вон в ту сторону, не больше часу ходьбы. Там стоит дом, там ждут вас. А оттуда проводят к партизанам. Только дождитесь вечера.

— Хорошо, хорошо, — отвечаю я.

Но ждать до вечера не могу. Через полчаса после ухода Михала я собираюсь, и, пошатываясь, от дерева к дереву углубляюсь в лес. Много раз останавливаюсь, отдыхаю. Все так же болит и кружится голова, слабеют руки, ноги. Хочется лечь и не шевелиться. Пусть будет что будет. Только бы лечь, отдохнуть. Надежный друг — толстая суковатая палка. Если за нее ухватиться обеими руками, то легче подниматься в гору. Она-то и помогла мне добраться до заветного дома. Большие ввалившиеся глаза, темные круги под ними, спутанные косы, длинный оборванный пиджак, подпоясанный веревкой, засученные рукава, кусок хлеба под пиджаком на груди и револьвер в руке — такой подошла я к дверям дома. Постучалась. Из комнаты ответили: «Прошем». Я открыла дверь и остановилась на пороге.

Когда прошли первые шумные минуты встречи, младшие дети были посланы на улицу следить за дорогой. Меня накормили и спрятали на сеновале дожидаться вечера. Только я положила голову на подушку, как опять начались кошмары, беспамятство. Шурша сеном, забралась ко мне дочка хозяина дома. Передала пакет груш и слив, подарила шелковый платочек и сказала:

— Вот смотрите, панна Ася, здесь метка «Х» и «Б» — это значит: Хелена Бойда. Может быть, мы с вами больше не встретимся, так вы возьмите платочек и запомните: Хелена Бойда...

Потом опять началось забытье... Я очнулась от шуршания сена. Кто-то большой пробирался ко мне и все шептал:

— Панна Ася, где вы? Панна Ася, где вы?

— Я здесь. — Было темно, и мне опять стало страшно.

— Панна Ася, вылезайте. Время идти...

Это был очень долгий путь. Несколько раз мы с Яном Бойдой переходили реку, прятались в лесу. Около шоссе, освещая себе дорогу электрическими фонариками, прогуливались полицейские, — тогда мы уходили глубоко в лес. Ян шел впереди быстрым шагом. Я, напряженно оглядываясь, едва поспевала за ним. Было совершенно темно. Он изредка останавливался и спрашивал:

— Панна Ася, вы идете?

— Иду, иду, — шепотом отвечала я.

Мы перелезли через изгородь и оказались во дворе дома. Ян постучался в дверь, она тотчас открылась, мы вошли. Высокая, полная женщина приветливо пригласила меня пройти в комнату. Она налила в таз горячей воды, дала мне мыло, полотенце, принесла рубашку, платье и побежала хлопотать по хозяйству. С большим наслаждением я помылась, предварительно положив около себя револьвер. Переоделась, впервые за всю неделю расчесала волосы и почувствовала себя другим человеком. Потом мы все вместе сидели на кухне и ели горячие, только что поджаренные оладьи.

Ян рассказал, что многие жители Бренны слышали в тот вечер гудение самолета над селом и догадывались о парашютистах.

Немцы объявили награду за поимку меня и майора, а партизаны передали через своих связных: кто найдет меня и поможет добраться до них, тот получит от партизан центнер муки и центнер сахара. Для многих поляков в то время это было настоящее богатство.

— Вот теперь нам придется делить эту награду на двоих — мне и Михалу, — смеялся Ян.

— А когда мы пойдем к партизанам?

— Мы не пойдем к ним, — ответил Ян. — Они сами приходят ко мне. Вчера были. А теперь не знаю, когда придут — сегодня или завтра... Да вы не беспокойтесь, у меня есть где спрятаться.

— А о майоре что-нибудь известно? Где он?

— Нет. О майоре партизаны ничего не знают.

Жена Бойды, сочувственно покачивая головой, все угощала меня и лишь изредка задавала какие-нибудь вопросы. Чем-то она напоминала мою мать: такие же грустные глаза и волосы с проседью...

Вдруг недалеко от стола, за которым мы сидели, приподнялось в полу несколько досок, и из-под них высунулся мужчина в гитлеровской форме. Я вскочила, схватила револьвер, но Ян усадил меня на стул и сказал смеясь:

— Не бойтесь, это и есть партизаны.

Партизан уже вылез из подполья и представился:

— Карел.

Следом за ним вылезло еще человек пять.

В такой же густой темноте шла я с партизанами к ним в бункер — землянку. И все расспрашивала об остальных членах нашей группы. Оказалось, что в бункере есть один русский, только он просил не называть его.

— Так интереснее, — шутили партизаны. — Вот придете и узнаете.

Наконец мы пришли в самую гущу молодого букового леса. Один из партизан постучался в небольшую крышку, которой обычно закрывается подполье в доме. Крышка приподнялась, из-под нее пахло теплом, приятным запахом чего-то горячего, жареного. Человек, приподнявший крышку изнутри, вылез на землю.

— Добрая ночь, панна Ася, мы вас давно уже ждем. Давайте познакомимся: меня зовут Юзеф. Пойдемте скорей, ужин стынет. Спускайтесь вот сюда!

Я оступилась, упала сразу на вторую ступеньку, села на нее и зажмурилась, ослепленная ярким светом.

— Ася, Асенька! — позвал меня кто-то...

8.

Я смеялась и плакала, спрятав лицо на груди у Василия. А он успокаивал меня:

— Ну, хватит, хватит плакать... Ну, перестань... — И голос его дрожал.

Тихо гудела карбидная лампа. Я осмотрелась. Землянка, или бункер, как ее называли партизаны, была небольшой, прямоугольной ямой. С левой стороны от входа и до угла тянулись нары, которые служили и постелью и столом. В правом углу помещался ларь для продуктов, на нем немецкий радиоприемник. Ближе к входу с правой стороны железная печка, а возле нее маленький кухонный столик. Узкий проход — шагов шесть в длину и шаг в ширину.

Партизаны — их было человек двенадцать — наблюдали за нашей встречей. Юзеф, спокойно расставляя миски и разливая в них суп, все время что-то говорил. Трудно было уследить за ходом его мыслей. Чуть выше среднего роста, темноволосый, с остренькой черной бородкой, он, когда разговаривал, в упор смотрел на собеседника. В глазах его было что-то жесткое и неприятное.

Я очень беспокоилась о судьбе радиостанции и сразу же попросила помочь разыскать ее. Помню, в какой стороне от дерева закапала, в каком месте, а вот на какой горе — уже не помню.

— Я знаю это дерево, — сказал Алойзы, мальчишка моложе меня, в зеленом мундире и огромной форменной фуражке. — Я видел, как полицаи снимали с него парашют.

— Вот и хорошо, — обрадовался Юзеф. — Отдохните пока. Потом сходим за радиостанцией. А за эти дни, может быть, и майор отыщется. Нам уже говорили, что видели в окрестностях двоих неизвестных... Ну, а сейчас давайте ужинать...

Через два дня, когда я немного оправилась от болезни и отдохнула, было решено идти за рацией.

— До того места, куда вы пойдете, — сказал Юзеф, — километров восемнадцать — двадцать. Обрато в ту же ночь вам не вернуться. День проведете там, в лесу. Только получше замаскируетесь. Возьмите с собой продукты. Старшим пойдет Карел. Самое главное — будьте осторожны.

Мы поднялись из бункера наверх. Попрощались, и маленькая наша группа растворилась в густом сумраке наступающей ночи.

На рассвете, по знаку Алойзы, мы остановились.

— Вот это дерево, панна Ася.

Я недоверчиво покачала головой:

— Нет... То было выше и толще... — Мне казалось, что дерево, на котором я просидела ночь, должно быть особенным. А это ничем не выделялось среди своих соседей.

— Да нет, панна Ася, то самое дерево. Я точно говорю.

Ну что ж, если «то самое», значит, направо восемь шагов. Я приподняла кусок дерна. Крепко связанная ремешками, лежала сумка с радиостанцией.

Четыре шага влево от радиостанции — и через минуту в моих руках сумка с батареями. Теперь меня беспокоило только одно: не сломалась ли рация при падении.

Следующей ночью мы вернулись в бункер.

Только на одиннадцатый день моего пребывания в районе села Бренна я наконец приступила к работе. Партизаны плотным кольцом окружили меня. Побледневший от волнения Василий сидел напротив. С любопытством и некоторой долей недоверия они смотрели, как я соединяю батареи постоянного тока. Я тоже волновалась, но старалась сдерживать себя. Несколько раз проверив расположение антенны и заземления, исправность передатчика, я наконец надела наушники. Алойзы, не вытерпев, спросил:

— С кем ты будешь говорить, панна Ася?

— С Москвой, — сдержанно и в то же время торжественно ответил за меня Юзеф.

И хотя это было не так, я кивнула головой и нажала на ключ.

«Как беспокоится там сейчас Шатров! Что думает командование?.. Ведь прошло уже десять дней, как мы вылетели с аэродрома...»

«ZKI, ZKI», — неслись в эфир позывные.

Неожиданно вспомнилось, как однажды ночью, во время дежурства на радиоузле, около двух часов я просидела у аппарата впустую, разыскивая на заданной волне какой-то «РОН», молчавший в течение многих дней. И вдруг громко и властно в хаосе эфира он зазвучал. Торопясь, захлебываясь, «РОН» звал меня всего пять минут, пять положенных по правилам минут. Но за это время я поняла, как он дорог мне, этот властно зовущий из темноты маленький огонек.

И вот сейчас я знала: кто-то с таким же волнением ищет в эфире мои позывные. Я взглянула на часы и, не доверяя им, простучала лишнюю минуту. Потом включила приемник. И вдруг сразу, сама не веря, услышала ответные позывные, громкие, четкие. Ликующая, я смотрела на партизан. Они задвигались, заговорили, заулыбались.

— Говорит Москва! Говорят Советы!

Как самую чудесную музыку на свете, слушала я точки и тире: «та-та, ти-та, та-ти-та...» Вся жизнь сосредоточилась сейчас в этих коротеньких звуках.

Я сообщила командованию о происшедших за десять дней событиях.

В тот же вечер партизаны встретили в лесу двух людей. В одном из них, по нашим с Василием описаниям, они узнали майора. Забыв о том, что одеты в немецкую форму, партизаны бросились к ним. Майор и его товарищ спрятались за камнями и приготовились к обороне. Напрасно партизаны звали их — выстрелы из автоматов были им ответом.

Эмиль — высокий, светловолосый, в аккуратно застегнутом на все пуговицы мундире лесничего — крикнул:

— Пане майоже, мы есть партизаны! Ася уж есть у нас! Василь теж у нас! Ходьте тутай, пане майоже!

Длительное молчание, последовавшее в ответ, удивило партизан. Они осторожно подошли к камням, но там никого не оказалось. Огорченные вернулись партизаны в бункер.

Все эти дни я думала, что будет, если майору не удастся разыскать пути в партизанский отряд... И почему-то с каждым днем росла уверенность, что он придет. Не может быть, чтобы он не пришел сюда, чтобы мы не выполнили задания.

Часто вспоминался Молчанов. Вспоминались отдельные слова из сожженных записок и писем, он сам — с неправильной походкой, грустными «лермонтовскими» глазами и чуть заметной усмешкой. Лежа в углу бункера, я прикрываю глаза и вижу его как наяву: красивого, светлого... По-моему, он самый красивый из всех...

Однажды я лежала в углу, у стенки, обшитой тоненькими стволами молодых буков.

— Ася! — позвал меня Василий. — Иди-ка сюда.

— Зачем?

— Иди, иди!

Я подошла, вернее, переползла по постелям ближе к нему.

— Понимаешь, в чем дело. Ребята хотят выучить нашу песню «Партизан Железняк». Мелодию я им напел, а слова не все помню. Может, знаешь?

— Конечно! Слушайте!

В степи под Херсоном

Высокие травы.

В степи под Херсоном — курган...

— О, панна Ася, не так громко! — улыбнулся Юзеф.

Но разучивание песни продвигалось медленно — с большим трудом выговаривались русские слова. Настроив рацию на Москву, я стала слушать концерт. Юзеф посмотрел на часы, включил свой приемник и поманил меня пальцем:

— Идите сюда, сейчас будет интересная передача.

В приемнике послышался мужской голос.

«Говорит Нью-Йорк! Говорит Нью-Йорк! Начинаем передачу для поляков. Что говорим — то говорим: хорошее или плохое, но всегда — правду!..»

Дружный хохот был ответом на последние слова.

— Давай, Юзеф, выключай эту «правду»! Достаточно! — крикнул Карел. - Поищи что-нибудь поинтереснее.

Мне показалось, что Юзеф недоволен словами брата, но не захотел почему-то спорить с ним. Он молча покрутил ручку регулятора, и скоро все замолкли, прислушиваясь к тихому певучему голосу.

— Кто это? — поинтересовалась я.

— Злата Прага, — ответил Карел.

Наверху в крышку бункера постучали. Юзеф мгновенно выключил приемник. Все замерли, напряженно прислушиваясь. Стук повторился. Три удара с промежутками.

— Юрек... — облегченно вздохнул кто-то.

Первым спустился в бункер высокий черноволосый парень с поразительно белым лицом. За ним показался майор в запыленной одежде, обросший густой бородой. Я вскрикнула. Василий с заблестевшими от радости глазами бросился к нему.

Последним в бункер прыгнул Николай.

После ужина Юзеф, суетясь и заглядывая в глаза майору, начал разговор. Партизаны сидели вокруг, внимательно слушали и ни разу не перебили его. Николай что-то шептал Василию, размахивая руками.

— Село наше большое, — рассказывал Юзеф. — Часть домов расположена у шоссе, остальные разбросаны по горам, так что километров на пятнадцать в окружности будет. Район, в котором мы живем, называется Верхней Силезией, или, по-нашему, Гурны Шленск. В селах большинство населения фольксдойчи и райхсдойчи. Поляков мало, все они находятся под наблюдением полиции. В нашем селе находятся отделение полиции и рота солдат. Большая воинская часть стоит в семи километрах отсюда, в городе Устронь. Там еще лагерь военнопленных — русские, сербы...

То, что говорил Юзеф, не было новостью. Все это уже знало и наше командование, потому что я успела передать сведения.

— Чем вы здесь занимаетесь? — спросил майор.

— Да так... Военнопленным помогаем и остальным, которые на восток пробираются. Уже тридцать человек переправили. Народу у нас немного. Да вместе всем находится попросту негде в бункерах. Оружия маловато: карабины, пистолеты — все это у немцев поотнимали. — И притихшим голосом добавил, наклонясь ближе к майору:

— Оружия бы нам, пан майор, автоматов бы русских!

— Какой я тебе «пан»? — засмеялся майор. — А насчет оружия, может, что-нибудь и придумаем... Ты как партизаном стал?

— Повестки пришли нам — в армию призывали. Тут я и мои братья — Карел и Юрек — решили уйти в горы. Позвали Пауля, Людвика, Яна и ушли. Потом остальные присоединились. Сейчас нас уже пятьдесят человек.

— Связь имеете с кем-нибудь?

— В городе есть коммунисты. Мы иногда встречаемся.

— Хорошо бы связаться с ними, — оживился майор. Юзеф промолчал.

Я забралась в свой уголок. Закончив разговор, майор подсел ко мне.

— Рассказывай, как дела. Рация в порядке? — А в глазах у самого такая радость.

— Связь наладила. Месторасположение сообщила, обстановку тоже. Приказано оставаться здесь и заниматься разведывательной работой... А про Петра... ничего еще не сообщала. — Сразу погасла радость.

Вспомнился Петр. Перед вылетом он был назначен заместителем майора. Больше двух лет он партизанил в родных местах. Почему же он струсил в трудную минуту? Что-то мы в нем проглядели...

Майор рассказал мне о своих двухнедельных скитаниях в горах.

Когда он говорит со мной, за короткими деловыми фразами я слышу много недосказанных теплых слов. Понимаю — сейчас война. Не время. Но я верю, я дождусь, я услышу эти слова.

Конечно, он очень беспокоился обо мне. Особенно после того, как партизаны, которых он и Николай приняли за немцев, сказали, что я нахожусь у них.

Однажды днем они с Николаем пробирались через густой кустарник. Приближаясь к полянке, замедлили шаги. Майор прошел вперед, раздвинул кусты и замер: посреди поляны стояла шеренга солдат, держа карабины у плеча, и целила прямо в него. Да, именно в него, никого другого здесь не было. «Тренировка», — догадался майор.

Он пригнулся, махнул рукой Николаю. Уйти удалось просто чудом.

Поздним вечером, когда воздух в горах становится необыкновенно душистым и прохладным, когда темнеют леса и слышнее говор ручьев, майор с Николаем подошли к пастухам, сидевшим у костра. Те потеснились, уступая им место, достали кисеты с табаком. Закурили. Познакомились с помощью отдельных слов: польских, русских, украинских. На другой день пастухи проводили разведчиков к партизанам.

Ночью я долго не могла уснуть. Прислушиваясь к ровному дыханию спящих товарищей, думала, что нет, оказывается, никакой романтики в этой самой партизанской жизни. В глухой земляной норе лежишь в самом дальнем углу, из которого в случае опасности и не выбраться, глядишь в темноту, вслушиваясь в каждый шорох. Я вспомнила, как холодно и страшно было жить целую неделю в лесу одной. Мне стало жалко себя, и я заплакала.

— Почему не спишь? — тихо спросил майор.

— А я сплю, — ответила я и уткнулась в подушку.

— Не надо, Ася. — Он близко придвинулся ко мне и так же шепотом продолжал:

— Не надо! А самое главное — никому не показывай своих слез. Ты должна быть крепче всех. Ты ведь у нас одна!..

Утром, когда я проснулась, в бункере был только Юрек. Он лежал на постели, подложив под голову руки. Увидев, что я не сплю, Юрек быстро приподнялся, сел на постель и спросил неожиданно твердо и требовательно:

— Панна Ася, когда придут наши?

Я молчала.

— Когда придут наши? — повторил он.

— Кто «наши»?

— Красная Армия.

В это время в бункер спустился Юзеф. Юрек сразу лег на постель и замолчал. Я пошла умываться. Тихо было в лесу, и ничто не выдавало присутствия людей. Только предательски белели на еловых ветках коробочка зубной пасты и мыльница. Я заплетала косы, когда Юрек подошел ко мне. Разламывая в руках веточку, он спросил, глядя исподлобья:

— Это правда, что панна из Москвы?

— Да.

Он подошел ближе.

— Из само? Москвы?

— Из самой Москвы

Мне стало весело. Он стоял опустив голову, видно желая спросить о чем-то и не решаясь. Молчание становилось неловким. Юрек поднял голову, глядя куда-то поверх меня. Из-за леса послышалось характерное гудение немецких бомбардировщиков. Маленькими крестиками двигались они высоко в небе.

— «Фокке-вульф», — сказал Юрек и добавил:

— На восток.

Мы следили за ними, пока крохотные крестики не скрылись за синеватыми верхушками дальних деревьев. И опять Юрек, быстро повернувшись ко мне, спросил:

— Ася, когда придут наши?

Было странно и радостно слышать от него это слово: «наши».

Меня пугала его порывистость, и в то же время как хотелось поверить ему!

— Скоро, Юрек, скоро...

Стояла хорошая погода. Я работала на радиостанции, передавая командованию данные о дислокации воинских частей в ближайших городах и селах.

Юзеф познакомил майора с коммунистами из города Устронь. Руководителю группы Рудольфу Шуберту удалось связаться с начальником станции, и ко мне регулярно поступали сведения о движении немецких эшелонов по линиям Катовице — Краков, Катовице — Тешин.

Местные партизаны стали нашими ближайшими помощниками. Многие из них радовались этому. Но были среди партизан разные люди.

Больше всего меня интересовали три брата: Юзеф, Карел и Юрек. Юзеф относился к нам очень внимательно, как бы предупреждая любое наше желание. Но какое-то внутреннее чувство заставляло настораживаться при каждом его слове, каждом поступке.

Анализируя отношения между братьями, я сделала некоторые выводы. Юзеф и Карел — это что-то одно, хотя вели они себя по-разному. Юзефу тридцать четыре года. Карел — на два года моложе. Просыпаясь по утрам, он, лениво потягиваясь, рассказывает сны, балагурит за едой. Но, выслушивая распоряжения Юзефа, сразу становится серьезным, собранным, все, что бы тот ни приказал, выполняет немедленно. А Юрек?.. Он больше молчит. По вечерам, когда партизаны перед выходом на задание собираются в бункере в тесный кружок и запевают, как звучит его мягкий грудной голос!

Гуралю, чи ти не жаль?

Гуралю, врацай до галь!

Когда Юрек поет эту протяжную, тоскливую песню, мне кажется, что он рассказывает о чем-то своем, наболевшем... О чем он тоскует?..

Юреку двадцать один год. Он молча слушает разговоры братьев, кивает головой и почти никогда не спорит с ними. Когда он уходит на задание, в его потемневших глазах мне чудится какая-то покорность. Нет, он не похож на братьев, совсем не похож.

На задания, или «выпады», как их называли здесь, партизаны ходили главным образом для того, чтобы обеспечить отряд продовольствием и одеждой. С вечера намечалось, куда идти, вернее, выбирался дом немца или фольксдойча, конечно такого, который известен особыми заслугами перед фашистами. А таких в округе было немало.

Предварительно обрезав телефонные провода и выставив охрану, партизаны заходили в дом, брали продукты и необходимую для партизан одежду. Муку оставляли в селе у знакомых женщин, которые пекли для них хлеб. Один раз в неделю партизаны приносили выстиранное, выглаженное белье. Я никогда не видела женщин, выполнявших эту работу, но понимала, что в деревне у нас много друзей.

Эти первые дни нашей жизни с партизанами были заполнены мелкими, но интересными событиями, всегда сопутствующими знакомству, сближению. Выработывался общий разговорный язык, в основном польский, но с примесью немецких, русских и чешских слов. Недалеко проходила граница с Чехословакией, и партизаны иногда заходили на ее территорию.

Я присматривалась к окружающим меня людям, разговаривала с ними и в каждом находила что-то хорошее. Только у некоторых оно на виду: бери, пожалуйста, а у других скрыто глубоко: попробуй подыщи ключ.

Часто по вечерам молодежь окружала майора, и все подолгу слушали его рассказы о наших советских партизанах, о боях с немцами, о первом боевом крещении дивизии имени Костюшко. Юзеф издали смотрел на нас. Глаза его темнели, брови сдвигались. О чем думал он в такие минуты?

Однажды вместе с партизанами с задания пришел Антон Шовкалюк. До войны он жил в Винницкой области, работал в колхозе бригадиром. На фронте попал в плен. Через двадцать дней бежал и некоторое время скрывался дома. При отступлении немцы забрали его на окопы и оттуда угнали в лагерь. Из лагеря его взял к себе в работники какой-то «бауэр». Антон был таким тихим, что я удивилась, как он осмелился сбежать от хозяина. Украинец, земляк Петруся и Василя, Антон любил рассказывать о доме, о работе в колхозе.

Партизаны вместе с нашими разведчиками уходили от Бренны в разные стороны, доставали необходимые нам сведения. Я передавала в центр: «22 августа 1944 года. В районе города Живец производятся оборонительные работы. Железобетонные доты и дзоты, окопы полного профиля. Мобилизовано местное население. В местечке Тржинец, западнее города Живец 40 километров, военный завод. Выпускает танки всех типов...»

Казалось, что теперь уже все встало на свои места, нужно только работать.

Как-то утром, проснувшись, я удивилась тишине. Посмотрела на нары и почувствовала, как похолодели руки и ноги, а сердце стало стучать гулко и редко.

В бункере никого из партизан не было. Только около печки, аккуратно сложенные, лежали хлеб, крупа, жиры, сахар — примерно четырех-пятидневный запас. Я разбудила товарищей.

— Да-а-а, — невесело усмехнувшись, протянул майор. — Дела...

Мы не понимали, что произошло.

Поправляя подушку, я нащупала под ней что-то твердое. Незаметно для остальных достала большое румяное яблоко. Это Юрек, вероятно, оставил мне свой прощальный привет. Стало почти до слез обидно.

— И он ушел... Зачем же нужно было притворяться?

Этот случай как бы встряхнул нас, заставил пристально взглянуть на создавшееся положение. Что за люди здешние партизаны? Они против фашистов — это, кажется, ясно. Но если они покинули нас, с кем же они?

9.

День прошел в гнетущем молчании. Николай, покачив головой, принялся за приготовление пищи. Майор долго лежал в углу, дымя папиросой. Говорили мало и все о пустяках. Вечером майор надел куртку, затянул потуже ремень и, положив в кобуру заряженную обойму, подошел ко мне:

— Ну что, курногая?

Я поняла: ему страшно идти сейчас в лес, в горы, неизвестно куда. Но нужно. И никому другому он не разрешит сделать это.

— Ничего, — с вызовом ответила я.

— То-то же! — Майор засмеялся, резко повернулся и вылез из бункера.

Я настроила приемник радиации на Москву. Антон лег спать. Николай и Василий о чем-то разговаривали.

Вернулся майор под утро. Я сделала вид, что сплю. Николай ждал его. Ничего не сказав, майор разделся, закрылся с головой одеялом и затих, — вероятно, уснул. Николай сидел, глядя в открытое окошко бункера на голубеющее в верхушках деревьев небо, и думал.

Разведчики и партизаны часто поверяли мне свои тайны, и я хорошо знала жизнь моих товарищей.

Высокий, коренастый, обладающий недюжинной силой в молодости, Николай был заводилой среди парней. И когда ему приглянулась красавица Ольга, ее бывшие поклонники без боя отступили. Вскоре он заявил отцу и матери, что женится на Ольге. Родители всячески пытались отговорить его от женитьбы на бесприданнице, но Николай, стукнув кулаком по столу, сказал:

— Женюсь на Ольге! И только на ней! Возражать будете — в примачи уйду...

А куда было идти в примачи, когда у Ольги в домишке хоть шаром покати...

Через год после свадьбы Ольга родила дочь, через два года — вторую.

— Понимаешь, одни девчонки! Ну что с ней сделаешь?! — говорил он, а в голосе чувствовалась горячая любовь и к девчонкам, и к Ольге...

Серые тяжелые тучи скрывали предрассветную синеву. Как из частого ситечка, начал сеять дождь. Николай прикрыл вход в бункер, постоял в нерешительности, повел плечами, как бы отгоняя воспоминания, снял с вешалки пальто и, забравшись в дальний угол, захрапел.

Дождь лил два дня не переставая. В бункере было непривычно пусто, тихо и сыро. Мы оказались, как сказал майор, при «пиковом интересе». Действительно, положение было до такой степени сложным, что даже выдавший виды майор не знал, с чего начинать. Без местного населения, без тесной связи с ним мы не можем действовать. Значит, нужно снова здесь, в Бренне, искать людей, добывать сведения. А кому теперь из местных жителей можно поверить, на кого надеяться?

С чего начинать? Этот вопрос в равной степени обдумывал каждый из нас.

Майор, насвистывая, рассматривал карту Польши и Чехословакии, оставленную партизанами. Николай рассказывал смешные истории, чтобы хоть немного развеселить нас.

— В нашем селе у одной женщины было шестнадцать человек детей. Хатенка небольшая, тесно. Вот она вечером принесет две охапки сена, разбросает его по полу, и повалятся ребятишки спать. Мать говорит старшей дочери: «Ну-ка, посчитай, все ли дома». Дочь считает по парам ног: «Одна, вторая, третья...» Досчитает до пятнадцати, про себя забудет и кричит: «Мамка, у нас двух ног не хватает!...»

Мы смеялись.

— Тише, тише, — приглушенным голосом остановил нас майор.

Было слышно, как кто-то шел по земле, по потолку бункера. С хрустом ломались сухие веточки. Мы все встали, отошли в угол, приготовили оружие. Прошло несколько секунд томительного ожидания, и сверху спрыгнули Людвик и Зайонц. Они были членами другой партизанской группы и не однажды приходили к нам раньше.

— А мы узнали, что у вас тут немножко некрасиво получилось, — сказал Людвик, — и решили пригласить к себе. Пойдемте к нам, пан майор. У нас хорошие ребята.

Майор ответил за всех согласием. Но не было уже того оживления, той радости, которую мы испытали при первой встрече с партизанами. Появились настороженность, какое-то внутреннее напряжение.

В ту же ночь мы перебрались в другой бункер. Здесь нас встретили приветливо, но потребовалось еще много времени, прежде чем сдержанность сменилась расположением, а недоверие откровенностью.

В этой группе в основном были молодые партизаны. Из центральных областей Польши до них доходили слухи о героической борьбе партизан, о трагическом подавлении восстания в Варшавском гетто, о славном боевом пути Войска Польского. Им тоже хотелось действовать, со всей горячностью молодости хотелось бороться, бить проклятых швабов и гнать их со своей земли. Поэтому не удивительно, что партизаны попросили майора быть их командиром, чувствуя и уважая в нем боевой опыт, знания и авторитет офицера Красной Армии. Но действия майора были ограничены приказом командования, пославшего нас на выполнение боевого задания, и согласие майора на руководство группой, а в дальнейшем — отрядом, стоило ему больших, напряженных раздумий.

Днем партизаны отдыхали, а вечером уходили на выпады в село и на встречи со связными. Меня оставляли на всю ночь одну. Вход в бункер сверху закрывали крышкой, заваливали хворостом. В темные ночи в горах метался ветер, шумели наверху деревья, скрипели сухие стволы. Положив револьвер на постель, я готовила еду, подметала земляной пол. Потом забиралась в свой уголок, включала рацию и слушала Москву. Далеко-далеко, как в сказке, за дремучими лесами, за высокими горами лежала родная страна.

Вспоминалась Москва, тихая Селезневка, с душистыми липовыми аллеями, где прошли мое детство и очень короткая юность...

Неожиданный случай вновь взволновал нас.

Как-то рано утром, когда все еще спали, я поднялась наверх. Но только подошла к дереву, возле которого мы всегда умывались, как услышала рядом шорох. Я так и замерла на месте. Раздвигая кусты, ко мне подходил человек, удивленный не меньше меня. Он что-то спросил, но я не разобрала даже, на каком языке он говорит. Догадавшись, что я не понимаю его, он произнес, тыча себя в грудь:

— Итальяно... Итальяно...

А я, не слушая, смотрела не отрываясь на потрепанную, простреленную русскую шинель.

— Откуда? — спросила я, указывая на шинель.

— О-о-о! — Итальянец закивал головой. — Шпиталь... Рус камрад... Шпиталь... — Он опять закивал головой и, раздвигая кусты, побежал вверх.

Я спустилась в бункер, разбудила партизан. Пока я рассказывала о происшедшей встрече, они уже были одеты. Майор, Людвик, я и еще двое партизан побежали вслед за итальянцем. Мы пробирались меж кустов и деревьев, затаив дыхание, держа наготове автоматы и ружья.

Увидев нас, итальянец остановился. Партизаны окружили его. На путаном немецко-итальянском языке итальянец объяснил, что он военнопленный, работает на лесозаготовках. Хотел сократить путь из лагеря в лес и пошел напрямик. Но заблудился. Партизаны стояли в нерешительности. Ведь это единственный человек, видевший нас здесь. А вдруг он специально подослан? Итальянец убеждал нас, быстро жестикулируя:

— Я ничего не видел... Я ничего не видел... Отпустите меня... В Италии дома — мама, старая мама... Двое детей... Двое маленьких детей... Я ничего не видел... Отпустите... Я ничего не видел...

Он прикладывал руки к груди, так просяще смотрел на всех, что нам стало не по себе.

— Ну, ладно! Иди... только быстро! — сказал Людвик. — И смотри!

— Спа-си-ба! — зачем-то сказал итальянец по-русски, поклонился, подхватил полы шинели и побежал по тропинке. Бежал он тяжело. Партизаны стояли и молча смотрели ему вслед. У поворота итальянец обернулся, махнул рукой и скрылся из виду.

— Ну что ж, посмотрим, что будет... — вздохнув, сказал Людвик.

Конечно, никто не считал меня виновной в этой встрече, но все-таки мне было беспокойно. Когда мы спускались под гору, майор шепнул:

— Не вешай нос!

После его слов стало немного легче. Но долго еще партизаны опасались последствий этой встречи. И меня не покидала постоянная тревога.

— Больше двух недель они не стали бы ждать, — усмехнулся как-то Людвик, имея в виду полицию и немцев. — Видно, итальянец правду сказал.

Наши разведчики и партизаны регулярно добывали сведения, которые были так нужны командованию. Каждый день, едва я касалась пальцами черной маленькой головки ключа «клопика», все замирало в бункере. Вот когдагодились долгие часы тренировок в школе. Быстрые, едва заметные движения руки — и за сотни километров от Бренны на короткой волне летят в эфир позывные, сердечный привет родной стране из глухого подземелья Бескид. Мигает желтым глазком индикаторная лампочка, подтверждая текст шифрованной радиogramмы: «В город Бельско прибыли из города Бреславль три дивизии СС численностью 44 тысячи, сформированные из добровольцев. Национальный состав: немцы, украинцы, чехи. Направляются на русский фронт. В городе Тешине находится дивизия юнгитлеровцев № 262-Б.

Отдельные дивизионы ПВО Елесня, юго-восточнее 10 километров Живец один дивизион 126, северо-западнее Бельска 20 километров дивизион 121 РАД, 4 километра севернее Освенцим тяжелая артиллерия 1 дивизион 123 РАД. Прибыли из города Ганновер...»

Чтобы немцы не могли запеленговать радиостанцию, я передавала сведения в разное время. Всегда наготове, упакованная в сумку, лежала рация. Теперь уже немислимой казалась нам жизнь без разговора с Москвой, без сводок Совинформбюро.

— Ты не бойся, Ася, — говорили мне партизаны, — если что случится, мы тебя защитим. Надейся на нас.

— Надеюсь, — отвечала я. А про себя уже давно решила в плен живой не сдаваться. Если придет такая минута, — последний выстрел в висок.

Поздним октябрьским вечером пришли к нам в бункер Юзеф, Карел и Юрек. Вероятно, они еще раньше договорились об этом, потому что ни майор, ни Людвик не удивились их приходу. Спустя несколько дней я спросила майора, почему же они оставили нас тогда одних? Майор махнул рукой:

— Да ну их! Помнишь, «кукурузник» летал над нами?

И я вспомнила, что однажды над лесом кружил учебный немецкий самолет, а Юзеф и Карел все поглядывали на него и тихо о чем-то перешептывались.

— Ну и что?

— Они решили, что тебя запеленговали, испугались облавы.

— И решили бросить нас?

— Так говорят. А я лично этому не верю. По-моему, что-то другое у них на уме.

— Зачем же они опять пришли?

— Кто их знает! Это все Юзеф крутит... Ничего, Ася. Может быть, фронт скоро двинется.

А фронт не двигался вот уже третий месяц. Так и не удалось нам нигде в округе отыскать следы разведчиков, прыгавших вместе с нами. Где они сейчас?

Иногда к нам в бункер приходит жена Юзефа — женщина лет тридцати, худощавая, симпатичная, черноволосая. Она рассказывает партизанам деревенские новости и как-то очень хорошо, ласково смеется. Юзеф ухаживает за ней и напоминает в это время провинившегося школьника. Карел молча посматривает на них. Шестеро детей — самому старшему двенадцать лет — вот что ждет его дома. А жену замучили немцы, недавно, полгода тому назад. Иногда ему кажется, что прошла уже целая вечность темных, бессонных ночей. Он нес на плечах раненого Юрека, когда услышал ее крик. Остановившись на опушке леса, Карел видел издали, как немцы волокли ее от дома на веревке, слышал плач детей, а Юрек в беспамятстве стонал у него на руках.

Желтые листья буков покрыли склоны гор, лес оголился, стал чужим, неприглядным. Тише, приглушеннее звучали голоса партизан в бункере. Я заболела и пролежала целый день. Вечером, собираясь с партизанами на выпад, майор сказал:

— Нужно кому-нибудь остаться с Асей.

— Может быть, ты, Людвик, не пойдешь сегодня? — спросил Юзеф.

— Я останусь, — не дав ответить Людвику, сказал Юрек.

Партизаны ушли. Юрек приготовил ужин, заправил постели, подмел пол. Прикрыв глаза, я наблюдала за ним. Удивительно черны были его глаза, брови, волосы, а лицо — белое. Особенно интересно выражение лица: делает все, словно не думая. Вернее, думает, только о чем-то своем, далеком, будто видит его сквозь черную толщу земли за стеной бункера. Справившись с делами, Юрек подошел ко мне.

— Ася, как ты себя чувствуешь?

— Хорошо.

— Ася...

— Что, Юрек, говори!

— Ася, расскажи... какая она — Москва?

— Москва?

Я хотела рассказать ему о театре Красной Армии, о Красной площади... О том, как накануне 22 июня 1941 года мы с сестрой катались на катере по Москве-реке и город — шумный, нарядный, самый любимый на земле — смотрел на нас ярко освещенными окнами домов.

— Москва... — повторила я, и вспомнились зарева пожаров на предзакатном небе, пустынные двory, фанера в окнах, иней на стенах нетопленных комнат, мешки с песком, уложенные в баррикады, и оставленный посреди улицы узкий проход для трамвая.

Может быть, он понял, что мне трудно ответить на его вопрос, и сказал:

— Ну ладно, Ася. Я сам все узнаю... Когда придет Красная Армия, я поеду с вами в Москву. Пойду по Красной площади, схожу в Мавзолей, увижу Ленина. Я мечтаю об этом с тех пор, как вы здесь появились... Скажи, Ася, это может быть?..

Шел четвертый месяц нашей жизни в Бескидах. Вернулся с задания Зайонц и сообщил о линии обороны вокруг города, о подземном ходе от этой линии в город. А я целый час промучилась с передатчиком. В который раз проверяла пробником всю цепь, но никак не могла обнаружить неисправность. Партизаны сочувственно посматривали в мою сторону.

— Ну как, панна Ася? — подошел Юзеф. — Может, знакомого техника пригласить, чтобы он посмотрел?

«Ишь какой хитрый! Аппаратура-то секретная», — мгновенно мелькнуло подозрение.

— Никого приглашать не надо, — грубо ответила я и изо всей силы кинула сумку с рацией в угол.

Забралась в свой уголок, закрыла глаза и начала по памяти восстанавливать схему передатчика. Сомнения вызвали конденсатор и сопротивление. Я решила еще раз проверить их. Майор принес мне рацию. Раскрыв сумку, я подключила антенну и заземление. Включив приемник, сразу услышала в наушниках многоголосую музыку эфира. Переключилась на передачу — загорелась индикаторная лампочка! Я засмеялась и начала выстукивать позывные. Засмеялись и все вокруг.

— Ну вот...- полусуто-полусердито сказал майор. — Разве это порядок?

Через несколько дней из центра нам сообщили, что наши бомбардировщики совершили налет на линию обороны у города Б. Операция прошла успешно.

— Что скажешь? — спросил майор, перечитывая радиограмму. — Не зря сидим мы здесь, товарищ радист!

Очень тяжелыми становились длинные осенние ночи. Я уже несколько раз просила майора взять меня с собой на задание, но он только отмахивался.

— Сиди, отвечай за свое дело и не лезь куда не следует.

Партизаны принесли мне письмо. Оно было написано на украинском языке. «Дорогая товаришка Ася! — писала неизвестная Катерина. — Я такая же советская девушка, как и ты! Только тебе посчастливилось попасть к партизанам, а я работаю у бауэра. Мне очень тяжело. Он бьет меня, а кормит плохо. Я чуть хожу. Мне хочется повидаться с тобой, но в лес идти я боюсь. Теперь буду знать, что я не одна здесь советская девушка. Я буду ждать от тебя письма. А в другой раз напишу побольше. Твоя товаришка Катерина».

Может быть, у меня черствое сердце, но это письмо не тронуло меня. И когда на другой день партизаны, собираясь в деревню, спросили, буду ли я писать ответ, я сказала:

— Если она такая же советская девушка, пусть идет к нам, в лес, а не работает на немца.

— Ты неправа, Ася, — возразил майор. — Напиши ей что-нибудь. Жалко девчонку.

А я не понимала, как это можно работать на бауэра, когда знаешь, что в лесу действует партизанский отряд.

Случайно, убирая постели, я нашла под подушкой майора выпавший из блокнота листок. Это было письмо домой. «Здравствуйте, дорогие мама и папа! Привет Верочке, Николаю и Андрею...» Я чуть не заплакала. Оказывается, и ему невмоготу! Писать домой, в далекое Щучье Озеро!.. Как будто можно положить письмо в конверт, наклеить марку и опустить в почтовый ящик!.. Смешно... Я и то не пишу таких писем...

Трудно девушке одной жить среди мужчин. Вместе с ними спать на земле, не раздеваясь, а в холод — даже не снимая пальто и платка. Вместе с ними напряженно переживать дни в бункере, а в редкие вечера, завесив одеялом угол землянки, помыться чудесной горячей водой, принесенной и согретой их заботливыми руками. Нужно быть со всеми ровной, ласковой. А если среди них появится один, к которому потянет со всей силой большого чувства, надо заставить свое сердце замолчать. Сделать это трудно, но нужно. Пусть ты быстрее мужчин устаешь, мерзнешь, падаешь на крутых спусках и подъемах — они простят тебе физическую слабость. Но сердце твое должно быть твердым, ты дорожи им вот такой, «ничьей». В тебе так много бесценных мелочей, оставленных дома каждым из них и кажущихся просто невероятными здесь, в лесной глуши: ленточки в косичках, пестрое платье, туфельки. И песенки твои немудреные, которые ты поешь здесь, в этом опостылевшем бункере, им дороже столичных ансамблей...

Но как хотелось иногда выбраться из бункера, из лесной темноты, и хоть раз, единственный раз среди белого дня пройти по селу не оглядываясь, лечь спать, не думая о револьвере!

10.

День за днем размеренно катилась жизнь. Короче становились дни, холоднее вечера. Пришлось отказаться от свежей родниковой воды — ходить за ней было все опаснее. В углу бункера выкопали глубокую яму, нечто вроде колодца. Там всегда стояла вода. Партизаны заготовили продукты на зиму и теперь реже ходили на выпад в село. Рудеку Шуберту удалось связаться с военнопленными из лагеря. Вместе с майором и группой партизан он подготовил план побега. Но...

«...29 октября Рудольф Шуберт и Ян Тихий, направляясь с новыми данными в указанное нами место в городе Устронь, попали на засаду и были убиты. Семьи их расстреляны...» — передала я в центр.

Партизаны решили отомстить за смерть товарищей. Особенно после того, как стало известно, что Ян Тихий, замученный, умер в гестапо. Он был ранен в живот, и немцы поливали его рану раствором соли в уксусе. Крики его слышали жители села около суток.

Через несколько дней после гибели коммунистов партизаны убили коменданта города Устрень.

Начались массовые аресты, ежедневные облавы. За партизан, скрывающихся в лесах, расстреливали местное население. А однажды утром гитлеровцы согнали в сарай девять семейств с окраины Бренны и сожгли...

В эти дни многие поляки из Устрони, Бренны и окрестных сел ушли в партизанские отряды.

В нашем бункере создалась напряженная обстановка. Молодые партизаны настаивали на активных действиях против немцев. Юзеф урезонивал их:

— Мы ведь не просто так сидим, у нас тоже командование есть. Самовольничать не имеем права. Когда прикажут, тогда и будем действовать. А сейчас мы не имеем права против немца выступать.

Василий тоже приставал к майору:

— Давайте что-нибудь организуем, товарищ майор, что-нибудь такое!.. Нас ведь вон сколько человек!

— Не забывай, Василий, — отвечал майор, — не забывай, зачем ты здесь. Разведчик обязан вести себя в тылу как можно незаметнее, как можно тише. Узнать. Запомнить. Вовремя сообщить. Работа, как видишь, совсем не героическая, ну, а насколько важная — объяснять незачем. Нас всего четыре человека — Ася в счет нейдет, ее бы сберечь только, она для нас важнее всех, — дорог каждый разведчик.

Василий ответил майору, что «понял», а сам потихоньку упрекнул партизан:

— Ну и командование у вас! Немцы под носом, а вы приказа ждете!..

Чувствовалось, что между партизанами возникли разногласия. Юзеф косился на наших разведчиков. Он уже не пытался командовать и распорядиться, как делал это несколько месяцев назад.

Чем-то обеспокоенные, немцы усилили патрулирование дорог. Партизанам пришлось затаиться.

Дождливými смутными вечерами мы лежали или сидели в бункере. В нашей жизни, где на нескольких метрах землянки все было переговорено, пересказано, где с нетерпением ждали наступления темноты и плохой погоды, большую радость приносила песня. Чаше и громче обычного пели «Гураля». В этой песне бедного, придавленного нуждой крестьянина-горца жила извечная народная тоска о родной земле, о лучшей доле. Долгим-долгим тревожным криком звучал призыв: «Гуралю, врацай до галь!..»

В такие минуты я особенно сильно чувствовала, как беспредельно, со всем пылом души люблю свою землю. Да, да, землю — метровый слой черной, жирной рязанской земли на краю оврага. Я так ясно представляла себе эту землю, что даже шевелила пальцами, как бы разминая ее...

Собирается на задание группа — Людвик, Зайонц и другие. Разбирают железнодорожный путь и пускают под откос состав. Железная дорога на участке Краков — Тешин не работала десять часов. А через день нам пришлось срочно переходить в другой бункер, заготовленный заранее на всякий случай: немцы вновь устроили облаву. Но нас успели вовремя предупредить — полиция вернулась в село ни с чем.

В эти же дни заболел Василий. Он метался на постели, бредил, смотрел на меня мутными глазами и тихо шептал:

— Асенька, пить...

У нас не было лекарств и не было возможности сходить за ними в село. Мне не хотелось, чтобы партизаны видели Василия таким больным и слабым. Я помогла ему перебраться в мой уголок, через каждые двадцать — тридцать минут меняла холодный компресс на голове, старалась загородить от света, от людей. Иногда он засыпал, но ненадолго. Вероятно, и во сне его преследовали кошмары, потому что он, тяжело дыша, просыпался, пытался встать, падал на подушку и опять прорисил:

— Асенька, пить...

Так продолжалось более суток. На вторую ночь я не выдержала и задремала. Какой-то внутренний толчок заставил меня открыть глаза. Василий лежал, глядя в потолок. Неярким, голубоватым пламенем горела карбидка. Лицо Василия, казалось, тоже было синеватого цвета. Я наклонилась над ним... дыхание ровное.

— Василь... Ну как, Василь?

И он вдруг начал говорить. Я слушала его, не прерывая, а сердце сжималось, хотелось кричать... Он рассказывал медленно, отчетливо выговаривая каждое слово:

— Асенька... этого я никому еще не говорил... Я тогда только закончил учебу в немецкой школе, мы дежурили на шоссе, недалеко от станции. Часа в два ночи слышим: самолет над нами кружит. Потом полетел куда-то в сторону. В это время, как нарочно, луна выглянула из-за облака, и мы увидели спускающийся почти прямо на нас парашют и человека под ним. Солдат схватился за автомат и дал очередь... Я вырвал у него из рук автомат, крикнул, что мы должны поймать живых парашютистов... А он громко хохотал и орал: «Попал! Попал!»

Я успел заметить еще трех парашютистов, спускающихся немного в стороне. «Беги в часть за подмогой, — сказал я солдату. — Может быть, парашютист не один... А я пока здесь постерегу».

Солдат убежал. Я подождал немного и пошел в ту сторону, куда опустились парашюты... Нет... Я не могу... Я не знаю, как мне рассказать тебе об этом...

Их было четверо. Девчонки. Совсем молодые... А она... Как она просила!.. Подруги стояли около нее на коленях и плакали, а она... просила: «Девочки, милые, убейте меня, не задерживайтесь, идите... Отомстите им, проклятым!.. Тонечка! Ты моя самая любимая подруга, самая близкая... Убей меня, Тонечка, прошу тебя, не оставляй им меня живой... прошу тебя... Бегите, девочки, бегите скорей!.. Кто-то идет!..» Я осветил ее фонарем. Она лежала на земле с простреленными руками и ногами. Трава вокруг была черной от крови...

«Бегите, девушки, — сказал я, обращаясь к Тоне, — бегите скорей, сейчас придут солдаты...» И я показал им, в какую сторону бежать... А она... опять начала просить:

«Тонечка, ты должна это сделать! Другого выхода нет!..» Я отвернулся и пошел от них. Но почти тут же услышал выстрел.

Василь замолчал и закрыл глаза. Я сменила компресс у него на голове. Василий не шевельнулся.

— Что было дальше? Василь!

— Дальше?... Ничего не было дальше... Склад с боеприпасами подорвали на другой день... Они... Я так думаю... А ее труп я потом ветками прикрыл...

В случайном разговоре, в одном поступке вдруг как-то по-новому предстал передо мной уже, казалось бы, такой знакомый человек.

Красной ленточкой протянулась на карте линия фронта. Далеко-далеко за этой линией родная Москва. И в долгие ночи, когда я остаюсь в бункере одна, сколько раз, мысленно уносясь за тысячу километров, возвращаюсь в Москву. Теперь уже никто не скажет, что я девчонка. Я поступлю в морскую школу. Я обязательно что-нибудь сделаю! Что-нибудь самое трудное...

Ярким желтеньким глазком мигала индикаторная лампочка передатчика, ежедневно передавались в центр сведения. Кропотливая, незаметная на первый взгляд работа разведчиков глубокого тыла противника не приносила таких быстрых и ярких результатов, как этого нам иногда хотелось. Нужно было иметь терпение и выдержку, чтобы удовлетворяться сознанием, что сведения о прибытии новых воинских частей в Бельско и Скочув, переданные нами в последние дни, где-то там, в штабах Красной Армии, суммируются с данными других разведчиков, и в нужный момент наш скромный труд спасет от гибели десятки, сотни и тысячи человеческих жизней.

Нужно иметь терпение и выдержку... А если хочется действовать, вместе с товарищами участвовать в больших делах?

Майор по-прежнему не брал меня на задание. И я решила действовать иначе. Однажды вечером я вышла вслед за партизанами и потихоньку пошла в нескольких шагах от них. Так мы двигались с полкилометра. Но вот впереди гора. Я начала задыхаться от подъема. Торопилась, боясь отстать, дыхание стало прерывистым, громким. Почувствовав присутствие постороннего человека, партизаны укрылись за деревьями. Растерянно оглядываясь кругом, я остановилась и вдруг услышала негромкий вопрос:

— Кто тут?

— Я.

— Что ты здесь делаешь? — спокойно спросил майор.

— Хочу идти с вами, — ответила я.

— Ты соображаешь хоть немножко? — продолжал он, не повышая голоса.

— Соображаю.

— Где у тебя рация?

— В бункере. — Я почувствовала, что теряю уверенность.

— А почему ты сама здесь?

— ...Вы подождите, — придумала я новую уловку. — Здесь недалеко. Сейчас сбегаю за рацией и быстренько вернусь.

Он ответил так же спокойно, но я понимала, чего стоит ему это спокойствие.

— А зачем ты нужна на выезде с рацией? Мы идем за картошкой.

Я знала, что в этот вечер они опять попытаются наладить связь с военнопленными из лагеря в Устрони. Помолчав, майор продолжал:

— Приказ знаешь? Место свое знаешь? Обязанности свои знаешь?

Я понимала, что он прав. Ведь я одна из всей группы умею работать на радиостанции, знаю шифр, позывные, рабочие волны.

Я повернулась, чтобы пойти обратно.

— Стась, проводи ее и останься там.

Чем ближе подходили мы к бункеру, тем больше волновалась я за рацию. Меня охватило беспокойство, и, едва мы спустились в бункер, я бросилась в свой уголок. Рация, конечно, лежала на месте. Но она была как живая. Даже маленькая стрелочка вольтметра укоризненно спрашивала: «Как ты могла нас бросить?» Я забралась на постель, села, обняв сумку с рацией, и горестно сказала:

— Все люди как люди, а я — радист!

Стась посмотрел на меня, усмехаясь, и спросил, указывая на рацию:

— Любишь?

— Очень, — ответила я. И опять встали перед глазами черное небо, черные, вздымающиеся волны моря, одинокий корабль, окруженный врагами, а на капитанском мостике — я. Где ты, мой корабль?.. А если по-честному на себя взглянуть, то правильно сделали, что не взяли меня в морскую школу. Выдержки маловато. Да и сил тоже... Но ведь сколько месяцев сижу без движения! И поэтому задыхаюсь, едва пройду несколько шагов, особенно в гору.

Неожиданно мелькнула мысль: тренироваться! Бункер, правда, длиной всего в шесть шагов, но ведь я часто остаюсь одна...

И с тех пор, как только партизаны уходили на задание, я принималась ходить из угла в угол — шесть шагов туда и обратно... шесть шагов.

Иногда я долго не могу заснуть и, напряженно глядя в густую темноту землянки, прислушиваюсь к ровному дыханию спящих товарищей. Дека — крыша — плотно прикрывает вход в бункер. И кажется, земляной покров над тоненькими стволами буков опускается все ниже и давит на грудь. Тяжко...

Наступило 7 ноября 1944 года — двадцать седьмая годовщина Октября. После обеда мы все собрались слушать трансляцию торжественного заседания из Москвы. В честь праздника Юрек приготовил специальный обед. Юзеф настроил свой приемник. Рация работала хорошо, слышимость на восемь баллов. В большом приемнике мешали глушители, но разобрать слова все-таки можно было. При всеобщем молчании прослушали доклад. После него в бункере начались «прения». Я смотрела на спорщиков и думала: пройдет несколько лет, не будет войны, я буду жить в Москве и долго помнить этот вечер, этих людей... И мои собственные мысли о доме, о Москве казались мне несбыточной мечтой.

Может быть потому, что, когда все партизаны в бункере, а я сижу в своем углу и за всем, что происходит, наблюдаю со стороны, мне лучше, чем другим, видна и понятна жизнь нашего коллектива.

Я видела, я знала, как мертвой хваткой держал Юзеф в своих руках младшего брата. Я жалела Юрека. Не так, как бывает жалко беспомощного ребенка, а как жалеешь честного, сильного человека, из-за своей доверчивости попавшего в ловко расставленные сети.

Галинка и ее мать жили по соседству с Юреком. Когда по селу прошел слух, что немцы будут отправлять в Германию молодых девушек, мать Галинки пришла к Юреку с просьбой спасти девушку, жениться на ней. Юрек не любил Галинку. Но мать девушки уговорила его жениться «для виду», только зарегистрироваться, чтобы предъявить немцам документ. Сам Юрек, говорила она, будет свободен, как и прежде. Так и сделали. Но у Галинки оказались иные расчеты, она не захотела остаться женою «для виду».

Юзеф сообщал Галинке о каждом новом бункере, она знала имена многих партизан, знала, что и мы, советские разведчики, живем вместе с партизанами. При каждом удобном случае Галинка устраивала Юреку скандалы, грозила выдать партизан полиции. Под давлением товарищей и в особенности Юзефа Юрек был вынужден встречаться с нелюбимой женой.

Множество незаметных в повседневных событиях мелочей с каждым днем все теснее связывало нас с польскими партизанами. Наблюдая из своего угла, я замечала, как прислушиваются партизаны к нашим словам. Ведь до сих пор они знали о нас так мало, только по случайным радиопередачам, которые им удавалось поймать. А тут вдруг мы — настоящие, живые, советские люди. Смешно, конечно, но как-то невольно распределились между нами ответы на вопросы партизан. Так, с вопросами о Москве обращались ко мне, об Украине — к Николаю и Василию, о Сибири — к майору.

Особый интерес вызывали разговоры о Сибири. Она представлялась полякам бескрайней ледяной пустыней. В одной из польских книг, которые приносили мне партизаны, я читала подобное описание сибирского края. Вместе со всеми я внимательно слушала, как с волнением рассказывал майор о красоте и богатствах Сибири.

Вспоминая нашу игру в «заблудиться», я по памяти рассказывала партизанам об улицах, площадях, о музеях, театрах Москвы, о Красной площади, о Мавзолее, в котором была несколько раз, о Ленине. Но иногда некоторые вопросы ставили меня в тупик.

— Как это может быть, что у вас в стране нет безработицы? — спросил как-то Франц. — Как это получается?

— Как получается? Ну нет безработицы — и все... очень просто. Идешь по улице — везде объявления: требуются рабочие, требуются рабочие...

Я чувствовала, что это не объяснение. Пришли на выручку майор и Николай. А я мысленно упрекала себя: «Изучала «Диалектику природы», а на такой простой вопрос ответить не можешь». И не удивительно. Ведь только в рассказах о прошлом да в книгах о жизни других стран встречаются нам, советским людям, такие слова, как «биржа труда», «безработица». Мы как должное принимаем в нашей жизни право на труд, часто не задумываясь и не вспоминая о том, какое это бесценное право.

Наступила зима. Предательский снег лежал неподвижным покровом. Неделями никуда нельзя было пройти. Иногда мы «молили бога» послать метель, пургу, что-нибудь такое, чтобы можно было высунуть нос из лесу. По несколько дней не было связи с деревней, и я ничего не передавала в центр. Да и питание рации стало уменьшаться. А запас батарей остался в мешке, который попал в полицию.

Как-то вечером партизаны вернулись из деревни. Майор тоже ходил с ними. Они принесли документы и карабин немецкого солдата-поляка, прибывшего в отпуск в Бренну. Мы с майором разобрали документы, установили точное местопребывание воинского соединения и, обрадованные, начали составлять радиogramму. В это время Юзеф подсел к нам и стал расспрашивать майора об этом солдате. Когда майор назвал его имя, Юзеф укоризненно покачал головой:

— Как нехорошо получилось, пан майор, ведь это мой родственник. Придется все вернуть.

— Ну уж нет, — сказал майор. — Ни документов, ни оружия мы не вернем. Карабин отдадим Антону. Документы останутся у меня. А солдат пусть скажет спасибо, что в живых остался. И то только потому, что он поляк!

— Как хотите, пан майор, но придется вернуть. Я не могу допустить, чтобы моих родственников обижали.

— А ты можешь допустить, что твой родственник завтра на тебя пойдет с облавой и из этого карабина тебя убьет?

Юзеф явно намеренно горячился, но никто из присутствующих не поддержал его.

— Хватит! — резко оборвал его майор. — Не вернем.

Больше к этому разговору в течение вечера не возвращались.

Весь следующий день майор ходил, нахмутив брови, настороженно оглядываясь. А под вечер сказал мне:

— Подготовь рацию, сегодня уйдем отсюда.

Когда все было собрано, я первая вылезла наверх и оглянулась вокруг. Частой рощицей тянулись к небу тонкие стволы буков. Я уже привыкла к ночному лесу и полюбила его. Днем отражения солнечных зайчиков на ветках и стволах деревьев одновременно и радовали и пугали меня. А ночью тихая прохлада и чуть слышный шелест успокаивали нервы, растворялось в густой темноте дневное напряжение, и мысли о войне, о задании уступали место другим — о будущем... о мирной жизни после войны, о возвращении в свою страну... Я так задумалась, что не заметила, как подошел Юрек.

— Знаешь, Ася, я тоже иногда мечтаю.

— О чем же ты мечтаешь? — смеясь спросила я.

— О чем? О том, например, как будут жить люди после этой войны! Как бы вот нам всем, — он кивнул головой в сторону бункера, — как бы нам всем встретиться через несколько лет. Хотя бы у вас... в Москве. — И, опережая мой вопрос, продолжил поспешно:

— Я ведь все равно уеду... я поеду с вами в Москву...

И тут же, словно внезапно что-то вспомнив, он сказал:

— Ася, а о том, что произошло, я ничего не знал, честное слово, я ничего не знал.

— Что такое? В чем дело, Юрек? — я в недоумении пожала плечами. Он хотел что-то сказать, но махнул рукой и отошел.

С нашей группой ушел из бункера Эмиль. В дороге, прислушиваясь к разговору, я поняла причину этого внезапного перехода. Случайность предотвратила страшное дело, которое должно было свершиться прошлой ночью. И тому, что ничего не произошло, мы были обязаны Эмилю. Затаив обиду, а может быть, эта обида была только удобным поводом, Юзеф уговорил Карела убить майора, Николая и Василия. Меня они решили оставить в живых. «Радистка может пригодиться», — сказал Юзеф. За Антона они не беспокоились — он казался им «неопасным».

В тот вечер на выпад никто не ходил. Поужинав и прослушав последние известия из Москвы, улеглись спать. Карел и Юзеф долго возились с какими-то инструментами, делая вид, что заняты и поэтому не ложатся. Когда все уже спали, Юзеф кивнул Карелу:

— Я — майора и Василия, ты — Николая.

Они тихо встали и так же неслышно взяли винтовки. Шагнули к постели.

— О-о-ох! — застонал вдруг Эмиль, заворочался, поднял голову.

Юзеф и Карел уже сидели как ни в чем не бывало. Эмиль, давно проснувшийся и слышавший слова Юзефа, схватился рукой за живот. У него были камни в печени. Он часто не спал по ночам — об этом знали все. Раскачиваясь, как бы нечаянно, Эмиль толкнул Николая.

— Что вы не спите? — спросил он братьев. — Гасите свет. Глазам больно. — А сам шепнул Николаю:

— Разбуди майора.

Юзеф и Карел разделались и легли. А Николай и майор уже не спали до утра.

...Узкая, извилистая тропинка бежит и бежит перед нами. В гору, с горы, и не видно ей конца. Идем бесконечно долго. Каждый переход для меня — целое событие, потому что от длительного сидения в бункерах я почти разучилась ходить. Спускаться с гор я еще как-то могу, но при подъеме начинаю задыхаться. Во время переходов кто-нибудь из товарищей нес мою сумку с батареями и поддерживал меня при подъеме. Возни со мной было много. Мы шли по темным и глухим местам, переходили мелкие, но с быстрым течением речки, перебежали через шоссе недалеко от полицейского участка и начали подъем вверх. В небольшой лощинке задержались отдохнуть. Мне показали дом, стоящий на поляне.

— Вот в этом доме живет предатель. Это он выдал коммунистов полиции. А за этим домом живет Генрик — наш связной.

Я кивала головой, без особого внимания приглядываясь к дому. Зачем мне все это запоминать? Одна я не хожу.

Не думала я тогда, что придется мне еще раз побывать на этой поляне, да к тому же при очень невеселых обстоятельствах.

А сейчас тихо шепчутся о чем-то майор и Эмиль. Василий помогает мне взбираться в гору, Николай и Антон идут сзади. В густом кустарнике устраиваем отдых. Майор садится около меня.

— Куда мы все-таки путь держим? — спрашиваю я его.

— На Орлову гору.

— А кто там нас ждет?

— Придем — увидишь,- отвечает он.

— А там что за люди? — опять спрашиваю я.

— Люди как люди. Партизаны.

Я чувствую, что ему очень хочется сказать мне что-то хорошее-хорошее, специально для меня сбереженное в сердце за эти последние полгода, что мы вместе, но... мы всегда на людях, всегда на виду: командир группы и разведчик-радист... Что ж, иногда бывает достаточно и взгляда, и улыбки, и даже нескольких официальных слов, сказанных неофициальным тоном:

— Пойдем дальше, вперед, товарищ радист!..

11.

В бункере на Орловой горе мы торжественно встретили Новый год. Пришел и остался у нас Юрек. Из разговоров партизан я поняла, что он поссорился с Юзефом. Пришли на Орлову гору и все остальные партизаны из старого бункера. Юзеф, оставшись один, без товарищей, перебрался в Устронь.

На праздничный вечер наш связной Генрик с женой и сыном Каролем принесли пироги с вареньем. Партизаны наварили квиту и пили его, обжигаясь. Генрик принес мне в подарок аккордеон. Он был такой красивый: малиновый перламутр с серебряной решеткой и желтые с черным мехи. Я растерянно вертела его в руках. Улыбалась счастливо и, вероятно, очень глупо. Пришлось исполнить все, что умела, — «Цыпленок жареный».

Мои музыкальные способности и сама песня вызвали безудержный смех у всех присутствующих, особенно после того, как Василий перевел партизанам слова. Выручил меня Эмиль. Он взял аккордеон, и наш маленький, надоевший всем бункер стал вдруг большим и не таким темным.

В бункере на Орловой горе я впервые услышала об Эльзе. Василий знал ее раньше, она помогла ему связаться с партизанами, но почему-то именно сейчас, когда все считали, что нам осталось жить в Бренне совсем мало, именно сейчас он влюбился в нее, как говорят, до безумия.

Василий просто не находил себе места.

— Ах, Эльза!.. Ах, Эльза!.. — без конца восклицал он.

Партизаны пытались урезонить его, говорили, что Эльза такая же девушка, как и все.

— Неправда! — горячо возражал Василий. — Она не как все. Она особенная! — И обращался ко мне:

— Ася, если бы ты знала, какая она хорошая!..

Мне приходилось соглашаться с ним, что она действительно лучше всех. Я думала, что этот дикий «телячий» восторг пройдет через день-два. Но после каждой встречи с Эльзой Василий приходил еще более взбудораженный.

Выждав удобный момент, когда около меня никого не было, Василий забирался в угол и рассказывал об Эльзе. Он говорил горячо и много, но странно: я почему-то никак не могла представить себе ее.

В эти дни мы получили долгожданное известие — 12 января наша армия перешла в наступление.

На шоссе и на железной дороге большое движение немецких войск, партизаны и разведчики ежедневно приносят сведения. Работы прибавилось. Сейчас для меня самое главное — как можно быстрее передавать радиogramмы.

Партизаны готовятся к встрече Красной Армии: достают из мешков костюмы, чистят их. Заработали «парикмахеры». Почему-то только сейчас почувствовали мы, как отвратительно воняет карбид, как тесен и мрачен бункер.

Пусть только поближе подойдет Красная Армия, мечтают партизаны, они объединятся в один отряд, захватят полицейских, передадут их органам народной власти, а сами поступят в Войско Польское и вместе с советскими частями будут гнать проклятых швабов с родной земли!..

Но получилось все иначе.

...Это произошло 19 января 1945 года. Вечером мы, поужинав, собирались уже ложиться спать и, как это часто бывало в последнее время, размечтались. В маленькое окошко бункера пробивался свежий морозный воздух. В печурке вспыхивали догорающие угольки. Молоденький, с красивым, немного кукольным лицом Каролик сидел на постели, обхватив колени руками, и, глядя на меня, лукаво улыбался.

— Почему ты так смотришь, Каролик?

— Я представляю, панна Ася, как вы мчитесь в автомашине на восток, к Москве, а в руках у вас аккордеон...

Все знали, что я очень хочу научиться играть на аккордеоне.

Посыпались безобидные шутки.

— Тише, тише! — крикнул майор, снимая наушники. — Сейчас будут новый приказ передавать!

В то время случалось и так, что в один вечер было по несколько приказов Верховного Главнокомандующего — стремительно продвигалась наша армия. Мы прослушали приказ, и снова начались разговоры — каждому хотелось рассказать, что он будет делать в первый день освобождения. Все шутят, смеются, и никто не знает, почему Юрек лежит, уткнувшись лицом в подушку. В черных волосах его весело пляшут искорки голубоватого пламени карбидной лампы.

— Что с тобой? — спрашивает Василий.

Юрек отвечает не сразу:

— Голова болит.

Порывшись в сумке, я достаю таблетку и подхожу к нему.

— Юрек...

Он вздрагивает и поворачивается.

— Ася, вы возьмете меня с собой? — тихо спрашивает он.

Я стараюсь загородить его и говорю громко, чтобы все слышали:

— Ты болен. Немедленно выпей лекарство. — И шепотом заканчиваю:

— Возьмем, обязательно возьмем.

Уступая просьбам партизан, Василий вышел на середину бункера, широко раскинул руки и запел по-цыгански, с надрывом.

Затем последовала традиционная «чечетка»: в такт пляске захлопали в ладоши. Вдруг Франек спрыгнул вниз и крикнул:

— Алярм! Тревога!

Всех как ветром сдуло с постелей, и через минуту никого уже не осталось в бункере, кроме меня. Наверху началась стрельба. Едва я успела упаковать радиостанцию, как услышала голос Юрека:

— Ася! Быстро!

Он схватил меня за руку, вытащил из бункера, взял рацию, и мы пошли. Снизу по цепи партизан прошел шепот: «Где Ася?»

— Передайте майору, что здесь, — ответил Юрек.

Наша группа, человек в десять, медленно спускалась вниз. Слышалась беспорядочная стрельба, рвались гранаты, осыпая нас комьями земли, а где-то вверху над нами раздавался голос Эмиля. Он решил отвлечь внимание немцев на себя. Перекрывая гул разрывов и выстрелов, из гущи кустарника слышалась перебранка:

— Партизаны, сдавайтесь! Вы окружены! Мы сохраним вам жизнь, если выдате русского майора и Асю! — кричали немцы.

— Асю вам выдать? Майора русского?! — отвечал Эмиль. — Перуны грумские! Автомата русского не хотите?

Не было сомнений, что кто-то выдал расположение нашего бункера, иначе немцы ночью не решились бы идти в лес. Но и окружив нас тройным кольцом, вооруженные карабинами, они все равно боялись и стреляли наугад, издали.

Мы подошли к просеке. Нужно было выходить из окружения. Эмиль медленно спускался с горы, не переставая ругаться во весь голос. Вокруг был высокий кустарник, и недалеко, сбегая по камням, шумел ручей.

— Юрек, спасай рацию! — приказал майор. — Ася, за мной! — И первым выбежал на полянку.

Я видела, как навстречу ему с противоположной стороны сверкнул огонь выстрела. Мы побежали вслед за майором. Стреляли, падали, опять бежали. Мне же было приказано стрелять только в случае крайней необходимости. Как в тумане, бежала я за всеми, вместе со всеми падала и не заметила, как отстала от товарищей. Меня вдруг поразила необычная тишина. Я проползла немного, спряталась за деревом. И сразу увидела группу немцев, идущих прямо на меня. Их было человек восемь. Они шли, громко разговаривая. Эта минута осталась в памяти на всю жизнь. Медленно взвела я курок, приставила револьвер к виску.

Как жалко, что нет со мной гранаты! Я напряженно смотрела, как они приближаются, и крепче прижимала дуло револьвера к виску. Все ближе... Совсем рядом. Я спустила курок...

Не знаю... И сейчас не знаю, почему не произошло выстрела... Почувствовала, что очень ослабли и дрожали руки...

Не дойдя до меня трех шагов, немцы свернули в сторону.

Долго сидела я, оглядываясь кругом и боясь двинуться с места. Мне было страшно. Опять одна в незнакомом лесу. Припоминаю, что где-то недалеко, на опушке, должны быть два дома. В одном живет Генрик, в другом — предатель. Где же эти дома?

Я знаю, что сижу очень долго, но не могу встать. Мерзну, прижимаюсь к стволу дерева и не трогаюсь с места. А время идет. Взошла луна.

И я увидела, что лес в этом месте редкий. Я сижу на склоне оврага. Большим усилием воли заставляю себя пошевелиться, но встать не могу. Замерзла так, что не чувствую ног. Начинаю передвигаться ползком, перекатываюсь от дерева к дереву, спускаюсь в овраг, потом поднимаюсь на гору. Тропинок нет, и я иду напрямик. Ноги в сапогах скользят на обледеневших выступках, руками хватаюсь за землю. Ветер треплет юбку и жакетик, срывает платок с головы, и кажется, что совсем по-чужому, не как в наших лесах, зловеще шумят верхушки деревьев. Я боюсь, что рассвет застанет меня в лесу, и поэтому все иду, иду вперед, вверх. Рукам больно от колючего снега. Движения не согревают. Я дрожу от холода.

Вот и вершина горы. Прямо передо мной, на небе, огромное багровое зарево.

«Наши! — думаю я. — Наши идут! Они уже близко!..»

Ветер толкает в спину, в грудь, пальцы рук не сгибаются. Холодно. Снова дальше, в путь.

...Небольшая лощина. Она или нет?... До боли в висках напрягаю память. Вот поваленное дерево. А вот и дом. Если за ним стоит еще один, значит, я иду правильно. Но первый дом — это дом предателя. А в нем конечно же слышали выстрелы в горах... Следят... А что, если я пришла в лощину с другой стороны?

Но выбора нет, и медлить нельзя. Я застегиваю жакет на все пуговицы, поправляю платок и, крепко сжав револьвер в руке, выхожу на поляну. Сердце, подскажи! Вот он, дом... Тихий, затаившийся... Чужой дом. Мне кажется, что я слышу, как кто-то шепчется за стеклами окон. Чужой дом! Я прохожу мимо ровными шагами. Сразу за ним вижу трубу, потом крышу, потом и тот, второй дом. Тихо стучу в дверь. Она быстро открывается, и, еще не успев вымолвить ни слова, я чувствую, как меня хватают на руки, вносят в комнату. Яркий свет ослепляет, но кто-то уже сажает меня около печки, снимает платок, стаскивает сапоги.

— Юрек! — От радости я только повторяю, как в беспамятстве:

— Юрек!.. Юрек!..

А он перевязывает чем-то мягким мои распухшие руки, и мне сразу становится легче. Жена Генрика наливает в кружку горячий кофе. Юрек рассказывает, что рация спрятана в надежном месте, все благополучно выбрались из окружения и сейчас пошли в новый бункер, а ему поручили сообщить связным, что меня надо разыскивать.

— Придется сейчас же уходить отсюда, — говорит Юрек.

— Опять идти, — вздыхаю я.

Жена Генрика надевает на меня свою меховую куртку, и мы выходим на крыльцо.

— Торопитесь, — говорит Генрик. — Еще восемь километров до Устрони. Полиция сегодня встревожена, как бы не набрела на вас...

Мы быстро доходим до опушки леса и, как по команде, останавливаемся. Юрек взволнованно обращается ко мне:

— Ася, давай будем всегда вместе!..

— Юрек, нам нужно идти.

— Ася... подожди... Смотри, как хорошо здесь! Лес такой тихий, нарядный, в белых снежных хлопьях и лунном свете...

— Идем, Юрек, идем...

Мы благополучно пробрались мимо полицейских постов и оказались на окраине Устрони; Юрек оставил меня у знакомых в маленьком домике, а сам ушел, чтобы к утру успеть добраться до бункера.

Я долго не могла уснуть. Луна светила прямо в окно, а мне казалось, что это фашисты с электрическими фонарями окружают наш дом...

Едва я закрыла глаза, как услышала:

— Панна Ася, панна Ася! Вставайте! Немцы!

Я вскочила с постели. Было уже совсем светло. С горы, по той же тропинке, по которой пришли ночью мы с Юреком, рассматривая следы, спускалась группа немецких солдат. Хозяйка дома и две ее дочери — девушки лет восемнадцати-двадцати — забегали из комнаты в комнату: куда бы спрятать меня? Беспомощно посмотрели на потолок — все это ненадежно! Ведь если следы приведут к дому, фашисты все перевернут вверх дном. И двор пустой, без построек, огороженный невысоким штакетником.

— Ой, только бы не в доме! Только бы не в доме! — вскрикивала хозяйка, испуганными глазами следя за приближающимися солдатами.

А меня охватило какое-то ледяное равнодушие ко всему происходящему. Лишь рука крепче сжимала револьвер.

— Не беспокойтесь, — сказала я хозяйке, — я выйду им навстречу. А вы сделайте вид, что не знали о моем присутствии. Так будет лучше.

Но, видно, светила мне в то время какая-то счастливая звезда. На перекрестке у дома, где тропинка разбегалась, солдаты потоптались и пошли в противоположную сторону. Мы следили за ними, пока они переходили от дома к дому, иногда подолгу задерживаясь: вероятно, там был обыск. Потом, уже после обеда, солдаты прошли обратно в лес.

За это время младшая из сестер куда-то съездила и вернулась с новостями. Оказывается, полиции стало известно, что я отстала от отряда, и сейчас ведутся усиленные поиски в районе Орловой горы. Почему-то я вспомнила о жене Юрека — Галинке. Неужели это она выдала партизан и сообщила обо мне?..

Вечером за мной пришли двое: среднего роста, пожилой Франта и Янек в форме немецкого солдата, даже с погонами. Я вижу их впервые. Но вся наша жизнь здесь состоит из постоянного напряжения и риска. По тихому стуку в окно, по неслышным шагам и приглушенным голосам я узнаю партизан. Собираюсь недолго. Мы выходим в совершеннейшую темноту. Хозяйка на прощанье обнимает меня:

— Уж вы простите, девушка, что я так перепугалась утром.

— Ничего, ничего, — успокаиваю я ее.

Янек берет меня под руку, чтобы удобнее вести, — ему здесь знакома каждая тропинка. Франта идет впереди. Янек шепотом рассказывает о нем. Франта, его сын и дочь были в Освенциме. Отцу и сыну удалось бежать, а дочь погибла там. Франта — старый коммунист из группы убитого Рудольфа Шуберта.

— А вы кто? — спрашиваю Янека.

Он весело отвечает:

— Я дезертир.

— Откуда дезертир?

— Из немецкой армии, товарищ Ася.

Мы идем по городу мимо темных зданий и сооружений, осторожно пробираемся по узким, запущенным снегом аллеям. Вероятно, город очень красивый, но что можно рассмотреть, когда из-за каждого угла подстерегает выстрел, за каждым деревом чудится враг? Франта останавливается и ждет нас.

— Сейчас будем проходить по мосту, — говорит он. — Нужно идти тихо и быстро. — И подает мне руку.

Идет он бесшумно, будто летит. Переходим через мост и по узким улочкам пробираемся в центр города. Франта легко и уверенно выводит нас к большому дому. Слева от него пустырь, а справа продолжается улица.

— Подождите здесь, — говорит Франта. — Я пойду узнаю.

Мы стоим около высокой бревенчатой стены. За ней слышится стук копыт по перегородкам, храп коней и окрик на немецком языке.

Мы встревожено переглядываемся, но шуткой подбадриваем друг друга.

— Янек, я боюсь, — шепчу я.

— Не бойтесь, панна, я сам боюсь, — улыбаясь отвечает он.

И вдруг мы видим, как с противоположной стороны улицы через мостик почти кубарем катится Франта. Он, задыхаясь, добежит до нас и, успев шепнуть: «Скорей, немцы!», бежит дальше. Мы еле догоняем его и мчимся втроем по голому пустырю к одинокому дереву, метрах в ста от дома. Ох, эти проклятые сто метров! Ноги кажутся необыкновенно тяжелыми, земля особенно вязкой, луна, как нарочно выглянувшая из-за облаков, слишком яркой. И каждую секунду может прогреметь выстрел в спину.

Добежав до дерева, мы шлепаемся на землю около него, тяжело дыша, оглядываемся.

— Понимаете, — рассказывает Франта, — вчера только заходил я к ним — никого не было. А сейчас полна комната солдат! Новая часть пришла... Вот... передали вам. — Он протянул мне небольшой листок бумаги, на котором были записаны номер, численность и род войск прибывшего воинского соединения.

Отдохнув, отправились дальше, и без особых приключений мы пришли к дому Янички. Она выбежала на стук, стройная, худенькая, как девочка. Короткие волосы прихвачены платочком, поверх платья с короткими рукавами надет передник, — видно, только что от плиты. Франта и Янек ушли в бункер, меня Яничка пригласила в комнату. Я прошла вслед за ней. И первым, кого я увидела, был Юзеф. Я поздоровалась с ним так, как будто мы расстались только вчера. Вероятно, его это устраивало, потому что он дружелюбно протянул мне руку. Пока Яничка накрывала на стол, Юзеф приветливо разговаривал со мной. Я сообразила: «Двигается фронт, вот чем объясняется его внимание к моей особе».

Яничка достала бутылку вина, малюсенькие, чуть побольше наперстка, стопочки и предложила выпить за скорое освобождение. Ну как тут отказаться? Потом мы пили еще за что-то, потом еще, и вскоре я почувствовала, что начинаю пьянеть.

— Панна Ася, — начал Юзеф, пристально глядя мне в глаза. — Через несколько дней ваши войска будут здесь... Мы ведь жили дружно. Я не обижал вас. Правда, панна Ася?

Я кивнула головой.

— И помогал вам. Помните, как вы первый раз пришли к нам в бункер?.. А потом, когда жили все вместе... Я ведь вас не обижал Правда?

Я опять кивнула головой, не понимая, к чему он клонит.

— Так вот, напишите, пожалуйста, такую бумажку... Ну, просто от себя, что я помогал вам.

Я в недоумении смотрю на него. Юзеф понимает мое молчание как согласие. Он велит Яничке подать бумагу, ручку и, подсовывая их мне, продолжает:

— Пишите: «Я, радистка разведгруппы такого-то штаба Красной Армии, подтверждаю, что Юзеф Гечко действительно в течение шести месяцев...»

— Знаете что, пан Юзеф, писать я ничего не буду. Не имею права. Обратитесь с этой просьбой к майору.

Юзеф явно разочарован.

В комнате, где мы находились, стояла кровать с пышной периной. Яничка предложила мне лечь. И едва я погрузилась в мягкий пух, как тут же уснула. Проснулась по привычке рано.

— Пани Яничка, — спросила я, — где у вас бункер? Где все партизаны живут?

— Тут же, под домом.

— Проводите меня к ним.

— Побудьте здесь еще. Успеете насидеться в бункере.

— Нет, пожалуйста, проводите. Непривычно мне днем в комнате находиться.

— Тогда пойдёмте. Только я сначала посмотрю, нет ли кого на улице.

Мы стояли у приоткрытой двери. Я выглядывала, запоминая местность. Справа и слева тянулись длинные ряды домов. Далеко перед домом расстилась большая равнина, заканчивающаяся лесом. А над лесом и краем равнины сиреневой дымкой уходила в мутное зимнее небо вершина горы.

— Как называется эта гора?

— Чантория, — ответила Яничка.

К дому Янички пристроен деревянный сарай. В углу его за поленницами находился вход в бункер. Пройти к нему из дома можно было и по улице — из двери в дверь, и по чердаку дома. Бункер маленький, тесный, а людей в нем прячется много. Яничка готовила еду партизанам и ловко бегала с кастрюлями по лестницам. Она же сообщала партизанам обо всем, что творилось в городе.

Первое, что бросилось мне в глаза, едва я спустилась в бункер, это большое красное полотнище. Партизаны спарывали с него белый круг с черной свастикой посредине.

— Вот, панна Ася, — сказал Янек, размахивая полотнищем, — видите, мы почти готовы... Эх, сейчас бы отряд кавалерии, да с этим знаменем галопом по городу... Вот была бы картина!..

— Да, — засмеялся Франта, — картина была бы хорошая, но Красная Армия еще далеко. Позавчера только Краков освободили.

Заметив, что я пригорюнилась, Франта подсел ко мне и сказал, что майор должен прийти вечером. Ему уже сообщили, что я здесь. Я благодарно посмотрела на Франту. Как хорошо, что он догадался, о чем я думаю! Мне опять уступили место в уголке, и опять я лежу и наблюдаю за всеми незаметно. Вот сидит, о чем-то задумавшись, Янек — сын Франты. У него высокий чистый лоб, светлые волосы. На руке вытатуирован номер узника Освенцима — память на всю жизнь. Я знаю, ему есть о чем вспомнить... Вот Карел, брат Юзефа, спорит с Михалом, по прозвищу Крук (Ворон). Михалу очень подходит это прозвище — он маленький и черный. А Юрек почему-то не пришел сюда...

Юзеф является в бункер после обеда. Сразу настраивает приемник: слушает Лондон и Нью-Йорк. Слушает и гадает, кто же раньше придет в Устронь: советские войска или союзники? И я понимаю, что союзники были бы ему милее.

Вечером заявляются Василий и Антон. Василий передает мне рацию и говорит:

— Майор не смог сегодня прийти, там сейчас такие дела творятся, в Бренне! Пока ничего не скажу. Подожди день-два, потом узнаешь.

Партизаны помогают мне разбросать по бункеру антенну. Подключаю питание, даю позывные — моргает, сияет индикаторная лампочка... Перехожу на прием. Не знаю, есть ли на свете что-нибудь дороже ответных позывных! «Та-та, тита, та-ти-та...» Молчат, замерли вокруг товарищи. Быстро бегает по бумаге карандаш... Радиограмма. Несколько строчек — привет родины. Передаю и я новые сведения:

«Гора Климчук гражданским населением производятся оборонительные работы. Станция Бельско прибыло четыре эшелона с боеприпасами: авиабомбы, снаряды, патроны. Ежедневно подвозят автотранспортом. Три склада имеются около

железнодорожной станции. Центр Бельско улица Элизабеты склады с боеприпасами, занята вся улица. В ночь 22 января проследовало четыре эшелона с пехотой, один эшелон с артиллерией 30 платформ по две пушки 75-мм...»

Бункер такой маленький, что ходить по нему совершенно нельзя. По обе стороны от прохода двухэтажные нары длиной в два метра. На каждых нарах могут поместиться три-четыре человека. Яничка регулярно носит нам еду. Я уже знаю, что она живет с матерью и сыном. Мужа убили на фронте.

Несколько дней я живу в напряженном ожидании вечера. Где майор? Что там в Бренне? Придут или не придут сегодня мои товарищи? Прислушиваюсь к каждому стуку. Но они приходят неожиданно, когда, уже устав ждать, я начала читать какую-то книгу, оказавшуюся в бункере.

Хмуру взглянув на Юзефа, майор рассказывает:

— Много солдат дезертировали и пришли к нам в лес. Партизанские группы присоединились. В общем, собралось около двухсот человек. Полицаи отстреливались долго, но в конце концов удрали. Осталось несколько человек убитыми. Мы заняли полицейский участок, вывесили над ним красный флаг, объявили в селе народную власть. Приготовились к встрече Красной Армии... А на третий день разведчики доложили: по шоссе к Бренне движется колонна немецких танков. Мы ушли в лес... Солдат пригнали — забили все село... А фронт остановился. Теперь нового наступления ждать.

В полночь партизаны ушли на выпад. Мы остались вдвоем с майором. Почему так светло вокруг, когда он разговаривает со мной? Почему так хорошо смотреть в его лучистые, синие глаза?

— Асенька, если бы ты знала, что я тогда только не передумал! Я простить себе не мог, что доверил тебя кому-то другому. Так боялся, что ты попадешь к немцам... Ведь я люблю тебя, Ася.

Он говорит тихо, а мне слышится шум морского прибоя, бурные звуки музыки, и кажется, прохладные, ласковые волны уносят меня из низкого темного бункера на простор, в поле — яркое, светлое, без конца и края...

— Я люблю тебя, Ася, — повторяет майор.

— Какие хорошие слова!.. Скажите их, пожалуйста, еще раз...

Глядеть бы на него не наглядеться, слушать — не наслушаться.

— Ася, назови меня хоть раз по имени.

— Нет, не надо по имени, товарищ майор.

— Почему?

— Не надо. Так легче работать.

— ...Но труднее жить.

— Что ж делать... Я не могу иначе...

12.

Остановился фронт. Остановилось сердце. И казалось, не хватит уже сил ждать нового наступления.

Для моих товарищей не хватило места в бункере, и они по-прежнему жили в лесу, изредка навещаясь к Яничке. Я одна представляла в Устрони Советский Союз. В постоянном напряжении выработалась привычка — не дрогнув ни единым мускулом лица, выдерживать любой пристальный взгляд. Я не имела права ни на секунду показать, что я тоже жадно вслушиваюсь в каждое слово сводки и часто от волнения и тревоги не сплю по ночам.

А фронт стоял до смешного близко — пятнадцать — двадцать километров. Каждый день в ближайшие города и населенные пункты прибывали воинские части. Каждый день в разное время суток, опасаясь пеленгации, я «бегом» передавала радиogramмы.

Желание активно включиться в борьбу против фашистов, возможность получить оружие с каждым днем увеличивали число поляков, желающих присоединиться к партизанам. В Гурном Шленске было расположено много лагерей военнопленных. Партизанские отряды Армии Людовой помогали военнопленные пробираться через линию фронта, принимали их в свои отряды. В совместной борьбе с общим врагом крепла дружба наших народов. Чем ближе подходила линия фронта, тем

напряженнее становилась борьба, с тем большим интересом и уважением относились к нам, советским людям, местные жители.

Однажды под вечер Яничка привела меня к себе в комнату. Пришел один из богачей Устроны — Сикора.

— Ася, он хочет с вами поговорить. Он наш друг.

Я сначала отказывалась, но Яничка настаивала.

Это интересно — представитель городской знати связан с партизанами и хочет встретиться со мной. В той же комнате, где я была в первый день, мы сидели с Сикорой за столом. Кругленький, гладенький, он весело улыбался, то и дело потирая руки платком, кивал головой. Я старалась говорить равнодушно. Яничка стояла у окна, изредка помогая мне произносить трудные слова. Главное, что интересовало Сикору, было, конечно, наступление Красной Армии. Я сказала, что не имею права отвечать на подобные вопросы: не могла же я признаться, что сама не знаю этого.

— Тогда скажите, панна Ася, хоть одно слово — скоро или нет?

Я улыбнулась и, глядя ему в глаза, убежденно произнесла:

— Скоро... Очень скоро...

В бункере у Янички не пели. По улице часто проходили люди, которые могли услышать нас. Днем мы лежали или сидели поджав ноги — нижние нары были сделаны почти на полу. Монотонно гудела карбидка.

Ровно в семь утра Яничка приносила кастрюлю горячего молока, в два часа дня — обед, а в семь вечера — ужин. К ночи партизаны неслышно уходили из дому, и я опять оставалась одна. Яничка принесла мне двенадцать книжек романа «Белая невольница». Я очень смеялась, когда в седьмой или восьмой книге автор забыл имя своего главного героя.

И вдруг неожиданная удача: книга-сборник «Народное творчество в Силезии». Лингвист и этнограф Люциан Малиновский в конце прошлого века совершил путешествие по Силезии с целью изучения языка, нравов и обычаев жителей этого богатого промышленного края. Побывал Малиновский и в Бренне и в Устроны.

О чем же рассказывали силезские крестьяне в долгие вечера при свете лучины, на завалинках, около дома, на сельских вечеринках? О злых панах, о хитрых хлопах, которым удавалось провести этих панов, о добрых духах, помогающих бедным людям.

Меня заинтересовало польское предание о том, что в реке Одре находится камень, который в давние времена являлся пограничным знаком. В предании говорилось, что, когда этот камень найдется, в тот же час истинная польская граница будет восстановлена. (Только после второй мировой войны исполнилась вековая мечта поляков — новая государственная граница проходит по реке Одре, а недавно я слышала, что нашли в этой реке большой камень...)

Очень понравилась мне легенда о спящих в горе Чантории рыцарях с конями. Каждый год в день святого Яна бьет барабан, открывается гора, выходит оттуда воин и спрашивает: «Что, уже пора нам идти?» А комендант отвечает: «Пока нет». Все рыцари в это время стоят одной ногой на земле, другую держат в стремени. Когда скажут им «нет», то они ложатся и спят еще целый год. Через год повторяется то же самое. Когда придет их время — готовы они к великой битве.

Но больше всего запомнилось и явилось предметом раздумья многих дней одно место из предисловия к книге. На основании богатого материала пришел Малиновский к интересному выводу: не приходилось ему слышать, чтобы житель Силезии отзывался о немцах с ненавистью или пренебрежением. В то же время шутки над немецкими обычаями встречаются часто. В Силезии немецких сел немного. Это села старых колонистов, которые жили обособленно от поляков. Тем виднее была разница в обычаях.

— Янек, помоги разобраться, — обратилась я к Заваде. — Как понять все эти ваши взаимоотношения?

После некоторого раздумья Янек ответил:

— Видишь ли, Ася, первая историческая заметка о Польше относится к девятьсот шестьдесят третьему году — война с немцами, девятьсот шестьдесят шестой год — война с немцами. И потом от времени до времени новые войны: тысяча четыреста десятый год — битва при Грюнвальде, тысяча четыреста пятьдесят четвертый год — двенадцатилетняя война с немцами, и так далее. И в этой войне сколько поляков погибло в концлагерях, сколько сожжено в печах Освенцима, Майданека... Ты, наверное, не слышала, как в Генеральной губернии в горах Святого Креста отметили гитлеровцы годовщину битвы при Грюнвальде? Нет? В этот день расстреляли столько поляков, сколько было убито немцев в тысяча четыреста десятом году. Здесь, в Силезии, много немцев, которые живут уже сотни лет рядом с нами, с поляками. Народ немецкий не виноват в тех преступлениях, которые совершают фашисты. А с фашистами у нас особые счеты, особые взаимоотношения!

Последнее время, как только партизаны уходили на выходы или на встречи с другими группами, ко мне приходила Яничка и сидела почти до рассвета. Мы очень подружились с ней.

Иногда она рассказывала о вновь прибывших в город немецких воинских частях. Эти последние километры перед фронтом были так густо заселены ими, что партизанам приходилось то и дело менять расположение. В отряды все чаще приходили новые люди, бежавшие из немецкой армии.

Очень опасно становилось работать на радию. Изредка приходил майор с кем-нибудь из наших. Тогда мы забирались на чердак и несколько минут могли побыть вместе. Это были невеселые минуты. Я спрашивала:

— Ну, что там слышно? Скоро?..

Он только пожимал плечами.

— Если бы я мог знать!..

Я просила его взять меня с собой в лес. Он убеждал оставаться пока у Янички.

— Тут безопаснее, Ася. Подожди еще немного. А сейчас взять тебя не могу. Пойми, ведь ты радистка.

— Но я не могу больше ждать! Пусть будет трудно, только вместе. Да и работать становится все сложнее... Товарищ майор, неужели это будет, — что вы придете когда-нибудь... среди белого дня?..

— Совсем разуверилась, — качал головой майор. — Ну конечно, это будет...

А потом он торопливо уходил, чтобы до рассвета вернуться в бункер.

Партизаны часто говорили о книге Гитлера «Моя борьба». Но говорили о ней уже как о чем-то прошедшем. Я, с трудом прочитав несколько страничек, отложила ее в сторону. Меня вполне устраивали «комментарии» к этой книге, сделанные нашей армией. Все партизаны хорошо знали немецкий язык, и мне представлялась большая возможность изучить его. Но, к моему собственному удивлению, постоянная привычка детально изучать все, что встречается на пути, наталкивалась на какую-то внутреннюю преграду. Я просто не хотела изучать немецкий язык. За это я была впоследствии наказана. И поделом.

Однажды утром мы стояли с Яничкой в дверях сарая, и она спросила, указывая на Чанторию:

— Добежишь?.. В случае чего...

Я откровенно призналась.

— Нет, не добегу...

— Ничего... с тобой будут наши.

Недоступно далеко синела в небе шапкой лесов Чантория...

С каждым днем все труднее становилось партизанам ходить по городу. Теперь уже очень редко приходили они без стычек с патрулями. Как-то на рассвете Яничка, встревоженная, прибежала к нам. Забросала дровами угол сарая, где находился бункер, и сказала:

— Сидите тихо. Пришли солдаты — семь человек. Ищут квартиру. Если сумею, откажу. Сейчас ходят дом осматривают.

Вход в бункер — квадрат шириной в восемьдесят сантиметров был открыт, потому что только оттуда поступал воздух. И вдруг мы услышали чьи-то шаги по потолку.

Мы бесшумно встали, прислушались. Да, кто-то осторожно пробирался к нам. Я приготовила револьвер, остальные достали пистолеты. Один партизан держал в руке «лимонку». Мы замерли. Оставались считанные секунды до того страшного, что должно было произойти вот сейчас... Мы хорошо знали, что ни одному из нас не уцелеть. Шаги замерли... Вот на ступеньку опустилась нога, потом вторая, и мы увидели Юзефа!

Все облегченно вздохнули. Мы забыли, что он оставался в доме, когда пришли немцы.

— Яничка завела солдат на кухню, — рассказал Юзеф, — а я по лестнице на чердак — и вот сюда.

Через несколько минут прибежала Яничка и принесла, как обычно, горячее молоко.

— Что, солдаты уже ушли?

— Нет. Они там сидят. Завтракают.

— Ой, Яничка, будь осторожнее! Они могут поинтересоваться, почему на плите стоят такие большие кастрюли, а семья всего в три человека.

Не знаю, каким образом, но от своих ненужных квартирантов Яничка отделалась очень быстро.

В те вечера, когда приходил майор, Юзеф сидел у Янички и возвращался в бункер только под утро. Он избегал каких-либо объяснений. И я догадывалась, что положение Юзефа в партизанском отряде изменилось.

Как-то Василий привел с собой еще несколько новых человек. Это была разведгруппа под командованием капитана Орлова. У них случилась беда — поломалась рация. В бункере остался Орлов. Остальные члены группы присоединились к нашим разведчикам и жили в лесу. Николай Орлов, двадцатитрехлетний капитан, оказался на редкость молчаливым. Я сказала ему об этом. Он улыбнулся и ответил, что на прошлом задании ему пришлось работать среди немцев под видом глухонемого. Это продолжалось семь месяцев, и он почти разучился говорить.

Прошло несколько дней, и вновь Яничка прибежала к нам встревоженная. Одну из комнат в доме сняли четыре солдата с фаустпатронами. Дальше оставаться здесь нельзя.

От майора приехал связной и передал его просьбу привести меня в дом Михала Завады. Я уже успела привыкнуть и к Яничке и к партизанам. Очень трудно было расставаться...

Вечером мы с Янеком и Франтой отправились в путь. По пустынным задворкам, узкими глухими переулочками они привели меня на окраину города Устронь. Дверь открыла молоденькая девушка с ребенком на руках. По разговору я догадалась, что это старшая дочь Завады.

— А где Милька? — спрашивает Янек.

— Сейчас позову, — отвечает сестра.

Милька выходит из комнаты, и я сразу опускаю глаза. Да, ничего не скажешь... Красивая... Легкая, стройная, в нарядном платье и модных туфельках. А на мне грубые сапоги и мешковатое мужское пальто. Конечно, если бы пришлось ползти по земле мимо полицейских постов или вступить в перестрелку с солдатами — они были бы в самый раз. Но здесь, рядом с Милькой, это просто... Даже слов не подберу...

— Милька, — спрашивает Янек, — когда будет майор?

— Завтра в десять часов.

Меня словно кольнуло в сердце. Так спокойно, так уверенно сказать, когда придет майор, я не могла никогда за все время, что мы с ним вместе.

— Тогда останемся у вас, — говорит Франта и вместе с Янеком уходит в бункер.

Мне предлагают лечь спать на кухне. Я устраиваюсь около печки, подложив сумку с рацией под голову, и через несколько минут засыпаю.

— Панна Ася! Быстрее в бункер! — очень скоро будит меня Завада. — Немцы идут.

Михал помогает собрать мои вещи и провожает в подвал. Милька стоит перед зеркалом и старательно укладывает волосы в пышную прическу. Михал показывает на окно, и я вижу, как к дому между сугробами пробирается группа солдат. Вход в бункер не успели засыпать углем. Михал ставит на него бочку с капустой и выходит к воротам. Мы сидим в темном холодном подвале, тесно прижавшись друг к другу, и молчим. Слышны шаги немцев над головой, их голоса, стук отодвигаемой мебели. Напряженно вглядываемся в непроницаемую темень бункера.

— Хотите, я покажу вам свою комнату? — говорит кому-то Милька. И мы слышим топот кованых сапог.

— Очень уютно... Очень... — раздается мужской голос.

Потом какое-то движение... Стук в дверь. Солдат докладывает, что все проверено, осталось осмотреть подвал.

— Я проведу вас туда, — говорит Милька.

Они спускаются в подвал. Милька включает электрическую лампочку, садится на бочку, которой прикрыт вход в бункер, говорит солдатам:

— Смотрите.

Солдаты пересыпают уголь, переставляют кадки, ящики, просматривают все уголки. Милька рассказывает одному из них, вероятно старшему, что-то смешное и хохочет. Я чувствую, как Франта качает головой, удивляясь непринужденности ее смеха.

— Убирайтесь вы к черту отсюда! — орет старший на солдат.

До нас доносится звук поцелуя.

— Довольно... до завтра... — шепчет Милька. — До завтра...

— Где встретимся? — спрашивает немец.

— У моста.

Она выходит с ним из подвала, и еще несколько минут у нас в ушах звенит ее смех.

— Ну, все обошлось благополучно, — говорит Михал, отодвигая бочку. — Выходите скорей на воздух.

Я вижу, как он вытирает пот со лба и как кровь постепенно приливает к его побледневшим морщинистым щекам.

— Где Милька? — спрашиваю я. И, не дождавшись ответа, иду в ее комнату.

Милька сидит у окна спиной ко мне. Что-то необъяснимое в ее позе заставило меня остановиться. То ли голова, слишком низко склоненная, то ли руки, безвольно лежащие на коленях. Уйти обратно я уже не могла. Я подошла к ней. Милька не отрываясь смотрела на маленькую фотографию. Майор!..

Милька взглянула на меня виноватым, просящим взглядом. Я знала, каких слов ждала она от меня, но солгать ей я не могла. «Он уедет от тебя, Милька... Я знаю — он уедет со мной!»

Майор пришел в десять часов. Милька спустилась в бункер вслед за ним. Потом она убежала готовить ужин, и мы остались вдвоем. Он пристально посмотрел на меня и, видимо догадавшись, почему я расстроена, засмеялся:

— Эх ты, разведчик! Неужели не понимаешь?.. Так нужно, Ася.

— Да, нужно... Она вон как на вас поглядывает. Нужно...

Майор смеялся:

— Что ты, Асенька!.. Ну совсем глупая девчонка!.. Сцена ревности!.. Ну что ты, милая?!

И сразу перешел к деловому разговору:

— Что будем делать, Ася? Жмут фрицы... На одном месте и недели пробыть невозможно. А переходить каждый раз в новые бункера трудно... Люди прибавляются, а жить негде. Вчера пошли в один бункер, а там немцы-дезертиры. Заняли и живут. «Не хотим, говорят, больше воевать. Хватит!» Да... А что же с тобой делать? Куда тебя прятать?

— Мне безразлично. Где прикажете — там и буду!

— Ладно, ладно, не храбрись. Что-нибудь придумаем.

Холодом тянуло от каменных стен. И мне казалось, что если бы вместо майора пришел сегодня в бункер Молчанов — все было бы по-другому: теплее, лучше...

Мы прожили у Завады три дня. Пришли Василий с Николаем и сказали, что семья Олексы согласна приютить меня. Василий был рад — теперь у него будет уважительная причина чаще приходить к Эльзе.

13.

В клубах морозного пара вошли мы в дом. И сейчас же стоявшая у печки девушка повернулась к нам, подбежала ко мне, протянула руку:

— Здравствуйте. Эльза.

Я крепко сжала ее руку, она чуть поморщилась и улыбнулась. В эти короткие минуты, пока мы с ней смотрели друг на друга, я сразу поняла, что станем друзьями. Эльза была такого же роста, как и я, только более хрупкая, легкая в движениях. Светлые волосы, заплетенные в две косы, пышно взбиты над высоким чистым лбом. Не находя еще первых слов, мы стояли и улыбались. Подошел Василий. Эльза вспыхнула. А я смотрела и удивлялась: Василий похорошел до неузнаваемости. Что-то новое, привлекательное появилось в выражении его тонкого бледного лица, во всей фигуре.

В соседней комнате сидел майор и хозяйка дома Ева Олекса.

— Ну, Ася, — сказал майор. — Мы договорились. Будешь жить пока здесь. Как что — придумаете сами. На месте виднее. Рацию получше замаскируйте. Как только получим новые данные — сразу же сообщим.

Скоро они ушли. А мы долго еще сидели, придумывая легенду для меня. К столу подсади и остальные члены семьи: Марыся, Густик и маленькая Ганичка. Хозяин дома погиб на войне, и главой семьи была мать — невысокого роста женщина лет пятидесяти. Старшему сыну, Янеку, каким-то путем удалось избежать службы в немецкой армии, и он почти все время жил в горах.

И вот вшестером мы придумали для меня очень интересную прошлую жизнь. Так как к этому времени я свободно владела польским языком, решили говорить (в случае, если неожиданно зайдет кто-либо из односельчан), что я служанка тетушки из соседней деревни. Но поскольку я не знаю немецкого языка, а все жители обязаны разговаривать по-немецки, я могу сразу выдать себя. Для неожиданной встречи с немцами был придуман особый вариант.

Но не приведи бог попасть на глаза полицейским! По тому, как изменились лица матери и старших девушек, когда разговор зашел об этом, я поняла, что это действительно страшно. Полицейские знали в Бренне каждого человека. Мое пребывание в доме Олексы было опасно для семьи, и то, что Ева все-таки согласилась приютить меня, вызывало чувство огромного уважения к этой женщине.

На другой день с рассветом началось наблюдение за дорогой. Дом стоял на опушке леса, одной стороной он выходил на шоссе. Ближе к лесу, за домом, сарай, свинарник, сбоку пристроен хлев для коров. Из лесу можно незаметно подойти к дому. На полпути от шоссе к нам стоял дом, в котором жили ненадежные люди. Иногда ночью они слышали лай собаки во дворе у Олексы и догадывались, что пришли партизаны. Об этом соседи сообщали полиции при каждом удобном случае. Наблюдение за шоссе было очень важным делом для всех нас, живущих в доме. Я подсчитывала, сколько каких машин, с каким грузом и в какую сторону проехало за день, вечером добавляла к этим данным сведения, принесенные партизанами, и передавала в центр. И не менее важно было сделать все, чтобы оградить семью Олексы от неожиданного налета полицейских.

С утра я садилась у окна и, если видела, что кто-то направляется к нам, тотчас пряталась. Так продолжалось ежедневно в течение полутора месяцев моей жизни в доме Олексы. И как нарочно, в те несколько минут, когда, увлекшись чем-нибудь, мы переставали следить за дорогой, обязательно что-нибудь случалось. После каждого такого случая мы ахали, охали и давали обещание ни на минуту не отходить от окна.

Густик и Ганичка бегали в школу. Эльза и Марыся занимались по хозяйству, мать делала какую-нибудь легкую работу или читала молитвенник. Вся семья была очень набожной, воспитанной в строгом послушании. Я никогда не слышала, чтобы дети возражали матери. Даже маленькая Ганичка обращалась к ней только на «вы». Вечером после ужина все становились на колени. Мать доставала молитвенник, и дети хором повторяли за ней молитвы.

Не раз Эльза спрашивала меня:

— Неужели правда, ты не веришь в бога?

— Правда.

— А я верю. Когда мне бывает трудно, я помолюсь — и сразу становится легче...

Вместе с Эльзой мы ложимся спать в отдельной комнате. В нетопленном помещении стоит сухой морозный воздух, но на мягких перинах быстро согреваешься. Обнявшись, крепко прижавшись друг к другу, мы подолгу шепчемся.

— Хоть ты и неверующая, а все равно близкая мне, как сестра, — говорит Эльза. — Мой бог — отец всех. Он велит любить всех, даже своих врагов.

— И врагов? — переспрашиваю я.

Она немного колеблется, но все-таки повторяет:

— И врагов... Ты знаешь, Ася, — продолжает она шепотом, — от тебя не могу скрывать. Я люблю Василия. Мама ругается, ребята смеются — чужого полюбила... А что я могу с собой поделать?..

В воскресенье вся семья отправлялась в церковь, оставляя со мной Рустика.

Как-то, когда мы с ним увлеклись беседой, он случайно глянул в окно и закричал:

— Полиция!

К дому шли два полицейских. Мы бросились в сени. Густик поспешно запер входную дверь. Я выбежала во двор, вскочила в сарай и залезла на чердак, в самый дальний угол, закопалась в сено. Густик уже открывал дверь, ссылаясь на то, что он спал и не сразу услышал стук. Он повел полицейских по комнатам. Я слышала скрип дверей, возню на чердаке дома, голос Густика. Сердце замерло — вдруг найдут рацию!.. Потом они втроем вышли во двор.

Полиции осмотрели хлев и свинарник, направились к сараю. Я прислушивалась к голосу Густика — ни одной тревожной нотки. Что-то рассказывает и разговаривает, разговаривает. Полиции начали вилами ворошить сено, разбрасывая его по сараю. Они не знают, где я. У меня выгодная позиция. Одного, пожалуй, я убью. Но второй тут же начнет стрелять. На выстрелы прибегут полицейские. Мне все равно конец. Но что будет с домом? Со всей семьей?..

Один из полицейских залез на лестницу, поднялся на последнюю ступеньку, покопался вилами в сене, посмотрел и крикнул:

— Никого здесь нет.

Спрыгнув с лестницы, он перевернулся на сене.

— Ух, какое душистое!

И ушел, похлопывая Густика по плечу.

Минут через десять, проводив полицейских до шоссе, вернулся Густик. Задумавшись, сидели мы с ним, не сводя глаз с окна.

А в другой раз он успел только запереть меня в хлев, показав рукой в угол. Я всегда боялась коров и, увидев перед собой две жующие морды, чуть не умерла со страха.

Вечерами мы сидели при свете лампы, тихо беседуя. Иногда раздавался условный стук в окно. Мать выходила в сени и, возвратясь, говорила:

— Это свои.

Входил мужчина с вещевым мешком за плечами.

— Для панны Аси, — говорил он, выкладывая продукты. — От партизан.

— Ну что такое? — возмущалась мать. — Что мы, сами не прокормим?

А он улыбаясь отвечал:

— Я ничего не знаю. Мое дело маленькое. Приказано — я выполняю.

Мне было очень приятно, что друзья заботились обо мне. Сами они переживали трудное время. Частые переходы по горам, стычки с немецкими солдатами требовали выдержки и терпения.

Мы были первыми советскими людьми, появившимися в этом глухом районе. Я все время чувствовала большую ответственность за наше поведение, за наши поступки, видела, с каким интересом прислушиваются к нашим словам окружающие. Очень хотелось оставить по себе хорошую память. Я знала, что скоро уйду от этих людей, которые с каждым днем становились все родней и дороже.

Смеркалось. Густые черные тени подкрадывались все ближе и ближе к окнам. Становился бесполезен наш «наблюдательный пункт». Мы с Эльзой залезли на кровать. Марыся мыла пол. Мать, подобрав ноги, сидела на лавке, перебирая пух. Кто-то постучал в дверь. Мы вздрогнули и переглянулись. Мать кивнула нам головой, чтобы не трогались с места. Дверь открылась, вошла женщина — деревенский почтальон. Она принесла посылку от сестры из деревни, от той самой «тетушки», у которой я «работаю служанкой».

— Да, да, да, — сказала мать. — Давно жду! Вот девушка уже приехала от нее, а посылка что-то задержалась.

Почтальон и так уже присматривалась ко мне.

— Это что, оттуда приехала?

— Да, да, служанка ее.

Мать передала посылку нам. Мы с Эльзой, весело болтая, начали примерять подарки. Женщина внимательно оглядывала нас. Но мы, надев новые платки и кофточки, смотрелись в зеркало, хохотали и не обращали на нее никакого внимания. Все-таки это очень хорошо, что я могу свободно разговаривать по-польски!

Марыся уже кончила мыть пол. Провожая почтальона, мать накинула шаль, вышла вместе с ней на улицу и почему-то долго не возвращалась. Марыся позвала меня, приоткрыла дверь. Мать стояла на крыльце, скрестив руки на груди.

— Слушает, не стреляют ли «катюши», — шепнула Марыся.

И я почему-то подумала, что вместе с опасностью я принесла в их дом и надежду на скорое освобождение. Ведь если мы, разведчики, здесь, то, значит, скоро тут будет Красная Армия. И так понятны чувства этой чудесной старой польской женщины! «Не стреляют ли «катюши»...

Иногда заходили односельчане, и тогда все продолжали делать свое дело, а Эльза или Марыся звали меня на кухню, где я передвигала горшки и ведра и довольно успешно показывала, что не посторонняя в этом доме.

Маленькая Ганичка оказалась на редкость сообразительной. Учительница, до которой доходили слухи о связи семьи Олексы с партизанами, решила расспросить девочку.

— Скажи, Ганичка, к вам по ночам ходят чужие дяди? — спросила она.

Ганичка дипломатично ответила:

— Я ночью сплю и никого не вижу.

Я показывала Ганичке, как писать русские буквы, учила говорить русские слова. Я и не предполагала тогда, что через несколько лет Ганичка — преподаватель русского языка сельской школы — будет переводить мои письма к Эльзе.

В сутках двадцать четыре часа. Но если из них четырнадцать сидеть неподвижно перед окном, всматриваясь, считать, запоминать и вздрагивать при каждом появлении человека на нашей тропинке, то сутки покажутся невероятно длинными.

Мало кто представляет себе, сколько мужества и умения нужно иметь моим друзьям, чтобы можно было сообщить командованию:

«Отдельный гренадерский маршевый батальон № 372. Командир батальона капитан Эммке. Формировался в городе Тешин. Состав — 1000 человек. Вооружен винтовками, пулеметами МГ-34. Выбыл на русский фронт».

Я работаю на радиостанции поздно вечером или ночью. Пока передаю, Густик светит мне маленьким фонариком. Ночью в эфире творится неразбериха, сплошной гам на разные голоса, и работать очень трудно. Но голос своих я узнаю сразу, и сердцу становится каждый раз тепло от этих маленьких, звучных «ти-та».

Сообщаю в центр:

«Сегодня по шоссе в направлении города Бельско проехало 25 автомашин с артиллерийскими снарядами. В том же направлении прошел батальон солдат...»

Пятнадцать минут на проведение связи, всего пятнадцать минут за целые сутки. Но из-за этих минут подвергаются страшной опасности мои товарищи — разведчики. Из-за этих пятнадцати минут напряженно живет второй месяц целая семья — женщина и дети, никогда ранее не знавшие меня...

Для того чтобы сообщить мне новые сведения, буфетчик из офицерской столовой внимательно прислушивается ко всему, что говорят посетители, работница склада снимает копии с документов, партизаны подрывают штабные машины, отбирают документы у офицеров и солдат.

Гитлеровское командование направляет на русский фронт все новые и новые части, по железной дороге, по автомагистралям движутся вслед за ними техника и боеприпасы. Вместе с моими товарищами — разведчиками — партизаны стараются как можно быстрее сообщить мне обо всем, что происходит по эту сторону линии фронта. В тот же день сведения поступают в наш «центр».

Мы решили, что по воскресеньям лучше оставлять меня в доме одну, без Рустика. Дверь запирают, окна занавешивают, и все уходит в церковь, стараясь задержаться там подольше. А я все равно сквозь узенькую полоску между окном и занавеской по-прежнему смотрю на шоссе.

Я мечтаю. Кончится война, я вернусь домой и пойду учиться... И, конечно, только в радиотехникум. Чтобы маленькая коробочка радиостанции с разноцветными проводами, дросселями, сопротивлениями и конденсаторами внутри играла, пела, говорила со мной на разноголосом языке эфира. Выросла я сама, выросли мои мечты. Они стали совсем реальными, хотя не утратили своей романтичности.

Когда семья возвращается из церкви, впереди идет Эльза в темно-синем пальто и клетчатом платочке. Вся светится радостью: она только что говорила с богом!

— Эльза, знаешь ты, что такое счастье? — спрашиваю я.

Она, недоумевающая, смотрит на меня.

— Ты не знаешь, что такое счастье? — опять повторяю я и сама отвечаю на вопрос:

— Пройти среди белого дня от вашего дома до шоссе — вот что такое счастье!

...Прошло уже больше месяца моей жизни в семье Олексы. Недалеко за домом, в лесу, немцы начали сооружать линию обороны. Я дорожку каждой секундой и стараюсь провести связь как можно быстрее. Выгадываю время между обеденным перерывом и концом работы воинского подразделения, когда все в лесу. Боюсь к тому же, что рация скоро откажется работать — кончается питание и передатчик начинает хандрить, а батарей у меня нет.

Каждый день мимо нас проходили солдаты и офицеры. Если кто-нибудь из них направлялся к дому, я уходила в дальнюю комнату.

В это утро Ганичка куда-то убежала, Эльза и Марыся возились по хозяйству. Я сидела у окна. Было скучно, и я принялась чистить картошку, низко наклонив голову, о чем-то размышляя...

Вдруг стало темно. Закрыв своей фигурой окно, мне любезно улыбался немецкий офицер. Чувствуя, что сердце останавливается, я тоже улыбнулась ему.

Эльза, выглянув из кухни, тихо охнула. Мы даже не успели переброситься словом, как немец уже вошел, громко стуча сапогами. Он оказался любезным, поздоровался со всеми, а мне подал руку. Ничего не говоря, я развела руками, показывая, что они у меня грязные. Офицер сел на лавку и спокойно, как у себя дома, стал разуваться. Снял грязные портянки, бросил в угол. Эльза подобрала их и понесла в сени. Мать достала из комода какой-то белый сверток и подала ему.

Собрав очистки, я ухожу на кухню. Но долго находиться там нельзя. Я возвращаюсь, становлюсь в дверях и устремляю бессмысленный взгляд в потолок. Вот когда я пожалела, что не знаю немецкого языка. По отдельным словам догадываюсь, что мать Эльзы рассказывает офицеру обо мне:

— Она жена старшего сына. Жили во Львове. Русские разбомбили дом... И вот теперь она... — мать притрагивается рукой ко лбу, — не совсем в себе...

Офицер смотрит на меня и спрашивает:

— Львов капут?

Я по-прежнему бессмысленно улыбаюсь, потом неожиданно звонко хихикаю и стремительно убегаю в кухню.

Там я стою и напряженно прислушиваюсь. Как бы не переиграть!.. Не только моя жизнь, но и жизнь целой семьи, дорогих мне людей, зависит от моего поведения. Я опять вхожу в комнату, сажусь в угол и пристально смотрю на офицера. До того пристально, не моргая, что расплываются черты его лица, а ему становится не по себе. Порывшись в карманах, он достает конверт с фотографиями и знаком подзывает меня. Я медленно подхожу к нему. Он показывает фотографии жены, детей, себя в штатской одежде, что-то говорит.

— Это кто — жена ваша? — спрашивает мать, желая отвлечь его внимание.

— Да, да, жена, — отвечает офицер.

Я задумчиво отхожу к окну. Потом медленно, ни на кого не глядя, покидаю комнату. Через некоторое время прибегают Густик:

— Панна Ася, идите. Он ушел.

И снова, как будто ничего не случилось, как будто все мы только что не избежали смертельной опасности: мать вяжет носки, я принимаюсь за картошку, а Эльза, брезгливо взяв двумя пальцами портянки, бросает их в таз с водой. Когда приходит время обеда, мы с Эльзой уходим пилить дрова за домом. Солдаты окружают нас, шутят, смеются. Самым последним из лесу идет офицер. Он машет нам рукой и проходит в дом. Мать накрывает на стол. Офицер обедает. А мы с Эльзой пилим и пилим. Только бы он не подошел ко мне! Только бы не заговорил!

Партизаны бывают у нас довольно часто. Они приносят сведения о движении немецких войск к линии фронта. Чаще всех, конечно, приходит Василий. Они сидят с Эльзой рядом и никого не видят вокруг. Для них, наверное, в эти холодные зимние дни шумит весна, распускаются цветы и поют соловьи...

Я иду в спальню. Сквозь сон слышу, как они тихо проходят к другой кровати, садятся на нее и шепчутся. Шепчутся... Просыпаюсь от тихого скрипа двери. Чуть приоткрываю глаза. Уже утро, в комнате светло. По привычке сложив руки на груди, стоит мать. На кровати, обнявшись, спят Василий и Эльза. Мать долго стоит, глядя на них. Потом, скорбно покачав головой, так же неслышно выходит из комнаты. Кто знает, о чем думала она в эту минуту? Но она не смогла (а может быть, и не захотела) разбудить их и заставить взглянуть на жизнь ее глазами — глазами много пережившей женщины.

Изредка появлялся майор. Он очень устал, похудел, стал вспыльчивым, раздражительным. Теперь уже все группы считают его командиром и подчиняются ему беспрекословно. Только Юзеф отсиживается в Устрони.

Новые люди прибывают в отряд. Бегут из армии в лес к партизанам немцы, поляки, ближе к своей родине пробираются пленные сербы, итальянцы, чехи, югославы, румыны.

В конце февраля положение отряда стало очень напряженным. Пробравшийся из Тешина шпион гестапо, посланный для выяснения количества и вооружения партизан, был пойман и расстрелян. Вслед за этим событием произошло несколько встреч с гитлеровцами. В селе Бренна была подбита легковая автомашина, убит ехавший в ней старший лейтенант немецкой армии, документы забраны. В тот же день разоружено и расстреляно двадцать три немецких солдата. Через несколько дней штабом 144-й горной дивизии из села Гурки была послана автомашина в село Бренна. Унтер-офицер и шофер расстреляны партизанами. После этого штаб 144-й горной дивизии бросил на облаву до двух тысяч войска с легкими танками. Отряд партизан вышел из Бренны в Схрониско, где находилось отделение гестапо. После короткого боя гитлеровцы отступили. Склад с продовольствием и дом, где находились гестаповцы, партизаны сожгли. А на следующий день за трех убитых офицеров было расстреляно фашистами 52 человека местных жителей.

Трудно, очень трудно приходилось майору. При встречах, словно сговорившись, мы не касались личных тем. Оба понимали, что сейчас нужно забыть обо всем этом, собрать силы для того последнего, что еще нужно пережить...

Иногда казалось, что ничего с нами не случится. Дождемся, когда фронт перейдет в наступление, и встретим Красную Армию: я — у Эльзы, а они, остальные, — там, в лесу, в бункерах. Легко и радостно придет освобождение, и начнется новая жизнь.

Видно, от постоянного напряжения я очень устала. И за восемь месяцев работы разведгруппы ушло много сил. А вчера, на полуслове оборвав радиogramму, прекратил работу передатчик.

В один из последних мартовских вечеров мы услышали лай собаки и, переглянувшись с Эльзой, побежали встречать партизан. На этот раз их было больше обычного: Василий, Николай, Людвик, Франек и другие. Посидев минут пять, они сказали:

— Ася, собирайся! Уходим через линию фронта.

«Вот оно, последнее, решительное!» — подумала я.

Вскрикнув, выбежала из комнаты Эльза. Я бросилась за ней. Почему-то заперла дверь. Обнявшись, мы плакали навзрыд.

— Ася, Асенька, Ася... — повторяла Эльза.

Двойной болью легло на мое сердце ее горе. Мы очень подружились с ней за это время.

Уходил Василий — уходила из ее жизни первая любовь. И я оставляла ее. Она безвольно висела на моих руках, без конца повторяя:

— Ася... Асенька...

Давно уже стучал в дверь Василий и кричал:

— Эльза! Эльза, откройте!..

Я впустила его в комнату.

— Эльза... — Но что он мог сказать ей? — Эльза, я вернусь... Эльза...

Он крепко сжал ее руки и прильнул к ним лицом. Маленькие, жесткие, с твердыми мозолями на ладонях, милые руки Эльзы! Сколько ими выстирано и выглажено партизанского белья, сколько испечено пышных булок и румяных праздничных пирогов! Они не написали еще ни одного любовного письма, но сколько мужественных, суровых партизан стремились с особой лаской и благодарностью пожать эти маленькие огрубевшие руки.

Они для Василия дороже всего на свете. Но он должен с ними расстаться...

— Василий! — кричат за дверью партизаны. — Пора! Идем!

А он никак не может уйти.

— Я вернусь, Эльза!

Мы с Густиком укладываем рацию, Марыся и Ганичка со слезами на глазах обнимают меня.

— Приходите к нам еще, — шепчет Ганичка.

Я подхожу к матери, обнимаю ее.

— Спасибо вам за все, за все...

— Возвращайтесь, — говорит мать. — Приходите вместе со своей армией.

Она выходит вместе с нами из дому и долго смотрит вслед, подставив ветру морщинистое заплаканное лицо. Я поворачиваюсь и машу ей рукой. Густик провожает нас до лесной дороги. Партизаны, как взрослому, жмут ему руку, а я говорю:

— Густик, ты у них один мужчина. Береги мать. Помогай Эльзе. Смотри за Ганичкой.

Последний раз я оглядываюсь в ту сторону, где остался домик Эльзы.

14.

Через линию фронта! Мне казалось, что все должны быть взволнованы так же, как и я. Через линию фронта! Я присматриваюсь к партизанам, прислушиваюсь к отдельным словам, но особого волнения не обнаруживаю. Тогда во мне заговорило самолюбие: «Эх, ты! Все идут спокойно, а ты одна среди них трусиха!» Я шла и тихонько ругала себя. В то же время напряженный слух улавливал чуть слышные шорохи в лесу. Вдруг мы остановились.

— Ася, смотри, — сказал кто-то из партизан. — Это Чехословакия. Мы перешли границу.

Я осмотрелась. Небольшая полянка и лес как лес. Свернули в сторону, прошли немного.

— Ну, а теперь опять в Польше.

Я сомневалась, что переход через линию фронта такой большой группы может пройти благополучно, и все ждала, что начнется бой. Вот сейчас!.. Вот сейчас!..левой рукой я придерживала сумку с рацией, в правой сжимала револьвер.

А партизаны шли спокойно, вполголоса перебрасываясь шутками. Постепенно улеглось и мое волнение.

Часа через два в глухом овраге мы встретились с другой группой, в которой был и майор. Он хотел что-то сказать мне, но к нам подошли, и через минуту я уже потеряла его из виду. Сделав несколько шагов в сторону, я заметила в кустах две темные фигуры. Это оказались майор и Янек. Подойдя ближе, я услышала, как майор тихо говорил:

— Поручение тебе одно — помоги Асе. Будь все время возле нее. И если что случится — она должна жить. Она должна перейти эту проклятую линию фронта!.. Понимаешь? Должна перейти!..

Его тревога передалась мне. Я хочу перейти линию фронта вместе со всеми... Вспомнилась ночь на Орловой горе. Нет, я не хочу оставаться одна!..

Вскоре мы двинулась дальше в путь, теперь уже забираясь выше в горы. Воздух становился разреженнее, я выбивалась из сил. Мы зашли в какой-то дом и просидели там около получаса, ожидая Юзефа и Карела, майор предложил им вместе с нами переходить линию фронта. Но они так и не пришли.

Нас было больше семидесяти человек. Хозяйки дома, где мы передохнули, — две старушки — вынесли нам на дорогу свежих булок.

Мы распрощались со старушками и пошли дальше. Горы поднимались все выше и выше. Шли по узенькой — в один шаг — тропинке, по краю отвесного склона.

А потом начался такой крутой подъем, что я окончательно обессилела. Задыхаясь и слабея, я хотела опуститься на землю. Вдруг чьи-то сильные руки приподняли меня, подтолкнули и почти вынесли на вершину, где уже остановились партизаны.

Я оглянулась. Сзади стоял разведчик из другой группы.

— Спасибо, — сказала я ему.

— Да это не я. — И разведчик показал на капитана Орлова, который, наклонив голову, стоял рядом.

— Спасибо, товарищ капитан.

Наш путь казался бесконечным. Я шла, не выпуская из руки револьвера, а в голове словно кто-то отсчитывал: «Вот сейчас... Вот сейчас... Вот сейчас...»

Возможно, поэтому я не сразу поняла, как мы движемся. И только когда увидела ровную ленту впереди идущих людей, тогда поняла, почему мы так часто останавливаемся.

— Но это же безумие! — шепотом сказала я.

— Что? — переспросил Янек.

— Безумие! — повторила я.

Отдав приказание отряду не двигаться с места, майор уходил вперед. Отойдя немного, он включал большой электрический фонарь и освещал им все вокруг на многие десятки метров. Отряд застыл в неподвижности, глядя на майора: стоя с автоматом на плече, он посылал сквозь ночную мглу яркие лучи карманного прожектора! И у всех, наверное, стучало сердце: «Вот сейчас, вот сейчас, вот сейчас...» Удостоверившись таким образом, что немцев поблизости нет, майор вел отряд дальше.

— Нехорошо получается, — сказала я партизанам. — Майор идет на такой риск, а мы стоим и смотрим по сторонам.

— А если он нас не пускает?! Что можно сделать?

Фронт, казалось, был совсем рядом, но мы знали, что идти еще далеко, — прямого пути к нашим нет. Вскоре стало известно, что разведчики, которых выслал вперед майор, доложили о движении немецкой колонны тоже к линии фронта. Она шла параллельно нашему отряду, только внизу, у подножия гор. Поднявшись еще выше, мы старались идти бесшумно. Немцы же не беспокоились о тишине, и наши разведчики подходили к ним совсем близко.

Но вот мы оказались на краю такого обледеневшего обрыва, что у меня замерло сердце. Как же спускаться? Многие, не раздумывая, сажались на снег и съезжали вниз, прямо в быструю горную реку, протекавшую у подножия. По склону обрыва кое-где росли деревья, и я боялась налететь на них. Почти все уже спустились вниз, а мы с Янеком стояли в нерешительности. Майор снизу махнул нам рукой:

— Быстрой спускайтесь. Будем ждать на той стороне...

Тогда мы по очереди съехали вниз верным старинным детским способом. Раскатившись, я въехала прямо в реку, и сейчас же знакомые руки подхватили, подняли меня.

— Разве так можно, Ася?!

Майор!..

С каждым шагом мне все труднее становилось дышать. Сердце бешено колотилось и, казалось, заполняло всю грудь.

Был шестой час утра. Мы поднялись на самую вершину последней у линии фронта горы. Склон, по которому нам предстояло спускаться к своим, был гладкой снежной поляной, только кое-где торчали кусты. Но оказалось, что спускаться нельзя. На

наших глазах далеко внизу немцы завязали бой с передовыми частями Красной Армии. Мы сидели в редком кустарнике и смотрели, как в предрассветном тумане вспыхивают огоньки выстрелов. Ничего, кроме огоньков, не было видно, и этот бой казался мне игрушечным, ненастоящим.

Постепенно все затихло. Майор дал команду строиться, и начался спуск. Ближе к дороге опять потянулся лес, сначала невысокий и редкий, потом все гуще и выше. И вдруг идущие впереди стали оживленно переговариваться. Когда я подошла ближе, у меня на глазах навернулись слезы. На тоненькой палочке, воткнутой в землю, была прибита дощечка. А на ней русскими буквами — «Заминировано». Русскими буквами!..

Стало совсем светло. Мы устроили привал. Разведчики ушли для связи с советским командованием. Расположившиеся прямо на снегу партизаны завтракали. Но я все еще беспокоилась. Как бы чего не случилось в самый последний момент!.. Встреча со своими казалась таким огромным счастьем, что я даже боялась думать о ней.

Прошло около двух часов. Мы замерзли. Топали ногами, хлопали в ладоши, но это не помогало. Я уже не чувствовала ног — просто какие-то тяжелые колоды.

Но вот вышел из кустарника майор и сказал, обращаясь к нам:

— Поляна, которую нужно перебежать, пристреляна. Вот на той горе, на вершине, установлен пулемет. Перебегайте небольшими группами.

Все с ненавистью посмотрели на далекую, в сизой дымке вершину занятой немцами горы. На середине поляны у меня, очевидно от всего пережитого, вдруг отнялась левая нога. Я тихо охнула. Янек подхватил меня на руки и так дотащил до лесу. Сразу за лесом начиналась разбитая, разрушенная деревушка. На краю ее стояли два советских солдата. Здоровые, плотные, в новеньких белых полушубках, с автоматами на груди, они, весело улыбаясь, поджидали нас. Не знаю, что случилось с моими товарищами. Может быть, только теперь, увидев наших солдат, они, как и я, окончательно поверили в то, что мы свободны. И если для нас, четверых, полная опасностей жизнь в Бренне продолжалась восемь месяцев, для многих партизан она длилась годами. Ошеломленные сознанием свободы, они шумели и кричали от радости, как дети.

— Ася! Смотри! Смотри! Перешли!

— Ася, Асенька! — кричали другие. — Смотри, какие солдаты! А немцы передавали по радио, что у русских солдат ничего нет. Вот это да! А шубы-то какие! А валенки! Ася!.. — И они махали мне шапками, ружьями, руками.

Я была очень растрогана. И, поворачиваясь во все стороны, радостно смеялась.

А солдаты стояли у тропинки по обе ее стороны и с каждым проходящим мимо них здоровались за руку. Когда дошла очередь до меня, оба одновременно подали руки. Я схватила их, эти родные солдатские руки, и крупные слезы покатались по щекам.

— Ну, что вы, что вы? — забеспокоились солдаты. — Что же вы плачете? К своим пришли...

А я подумала про себя: «Разве они понимают, что это значит — «к своим пришли»?»

Мы построились колонной по четыре человека в ряд, и майор повел нас к командному пункту, который находился недалеко в избе. На крыльце стоял командир части.

— Смирно! — торжественно скомандовал майор и отрапортовал:

— Товарищ полковник, группа партизан района села Бренна перешла через линию фронта. Группа располагает подробными сведениями о дислокации немецких частей.

Полковник поздоровался с майором, с нами, поздравил с удачным переходом и приказал адъютанту:

— Девушку отправьте в санчасть — там у нас потеплее, — остальных немедленно разместить в домах и хорошенько покормить. А вы, товарищ майор, пройдите ко мне.

Майор оглянулся на нас и пошел в дом, придерживая сбоку планшет. Мы с гордостью посмотрели на эту тоненькую коричневую сумку. В ней лежало много ценных сведений, собранных за последнее время, пока не работала рация.

Я пошла в санчасть. Врач — молодой высокий капитан — с удивлением смотрел на меня. Адъютант объяснил ему, как я появилась на передовой. Выпив лекарство, я легла на кушетку. И сейчас же все пережитое в Бренне: расставание с Эльзой, переход через линию фронта — все нахлынуло на меня. Я силой заставляла себя не думать ни о чем. Но так еще полна была вся событиями последней ночи, последних месяцев, так больно покалывало сердце, что отдыха не получилось. Гурьбой

ввалились партизаны, окружили меня, сели вокруг кушетки прямо на полу и долго сидели, перебирая в памяти все, что еще недавно происходило с нами. Я не перебивала их.

Предстояла разлука. Для некоторых — на время, для остальных, возможно, — навсегда.

Я вышла на улицу. Около дома стояли две машины. Мы простились с солдатами. Снова в путь, в Бельско. «С ветерком» неслись машины по ровной линии шоссе, и не смолкали песни, шутки, смех. Я сидела в кабине такая же счастливая, как и все.

В Бельско майор долго пробыл у военного коменданта, составляя списки перешедших вместе с нами партизан. Там мы и расстались с ними. Некоторые из них вступили в Войско Польское, остальные направлялись в народную милицию.

Из Бельско вместе с группой капитана Орлова мы отправились на север — отыскивать свою часть.

Потянулся огромный пустырь, огороженный колючей проволокой, за которой виднелись груды развалин, горы пепла. Доносился тяжелый запах. И небо над этим пустырем, казалось, было какого-то пепельного, грязного цвета.

— Освенцим, — сказал Василий. — Навеки проклятый миллионами людей лагерь смерти.

И все замолчали. Освенцим... Вспомнились товарищи, оставшиеся за линией фронта. Что там с ними? Останется ли незамеченным для полиции переход такой большой группы?

Мы побывали во многих польских городах: в угольном бассейне Катовице, Сосковце, в Кракове, потом повернули на запад и заглянули в Германию. Мы видели не ту Германию, которая гремела парадами фашистских войск, а Германию, почувствовавшую, что такое война, и посылающую проклятия тем, кто привел ее к такому концу.

Регулировщики на дорогах, стараясь поскорей избавиться от странной группы людей в гражданской одежде, обвешанных оружием, сразу же помещали нас в попутные машины.

Я не помню, в каком городе мы расстались с группой капитана Орлова и остались впятером: майор, Николай, Василий, Антон и я.

Свою часть мы нашли в Ченстохове. По распоряжению командования нам сразу же предписали отдых.

Я часто ходила в город на прогулки одна. Ходила по улицам Ченстохова, не замечая людей. И все думала о дальнейшей своей жизни. За эти годы я научилась многому: шить, готовить еду, стрелять из автомата, винтовки и револьвера, работать на радиостанции, переносить голод и холод. А самое главное — сколько чудесных людей встретила я за это время! Может быть, жизнь расщедрилась и выслала их мне навстречу?..

Что же так меня тревожит?.. Нехорошо, смутно на душе. Не верится, что придется расстаться с товарищами. Окончательно. Навсегда... Навсегда ли?..

И что сказать майору? Люблю ли его? Или просто благодарна за ласку, заботу, просто привязалась к нему?

...И снова в памяти встают бункера, короткие встречи в последние месяцы, переход через линию фронта и тревожный взгляд синих ласковых глаз.

А Молчанов?

Тревожно стучит сердце...

15.

Через несколько дней после нашего приезда пришел Шатров и, заговорщически подмигивая, сказал:

— Пошли!

— Куда?

— Не любопытничай. Вот придем — увидишь.

Мы поднялись на второй этаж какого-то дома. Он поступал. Дверь открылась, и сейчас же кто-то повис у меня на шее.

— Асенька!

— Тоня!

Она ничуть не изменилась, пожалуй даже похорошела. Выполняя задания, она жила в центре большого города под видом портнихи. Среди ее клиенток были связные, доставляющие ей необходимые сведения. Рация, тщательно замаскированная, находилась в комнате. Даже хозяйка квартиры ничего не подозревала.

А на другой день мы с Шатровым встретили Ежи. У него дела были не очень удачные. Однажды, когда он проводил связь на опушке леса, его запеленговали. Ежи видел, как с трех сторон к нему двигались немецкие солдаты. Но ему удалось бежать.

И еще две памятные встречи произошли у меня в Ченстохове — с Раей Чеботаевой и Надей Козловой.

Как сейчас, помню бледное, усталое лицо Раи и глаза, серые, в пушистых темных ресницах. Она говорила, задумчиво глядя в сторону:

— Помнишь, мы с тобой виделись мельком на аэродроме в августе прошлого года? Тогда я полетела на задание с человеком, который оказался трусом. То, что он трус, я чувствовала еще при подготовке к заданию, но думала, что я могу ошибиться. Когда мы приземлились, он отказался работать. Трудно мне было... очень...

Когда приблизилась линия фронта, предатель ушел с немцами, перед этим украв мою радиостанцию из подвала. По счастью, видели, как он ее закопал в поле, я ее там и откопала.

После уже в части мне сообщили, что труса поймали и наказали по заслугам.

А потом я полетела еще раз.

Мы не успели начать работу, как нас забрали в жандармерию. Улик не было, рация и все остальное надежно спрятано. Нас, видимо, только подозревали. Этапом нас провели через двадцать девять румынских жандармерий. Босых, оборванных, голодных, били, мстя за наше молчание. На все вопросы: «Парашютист?» — мы отвечали: «Нет».

Мы прошли чуть ли не всю Бессарабию. Ноги разбиты, в крови, нас вели толпой (с нами были партизаны), рядом конная жандармерия. Я заболела ангиной, с высокой температурой еле волочила ноги. Нас передали немцам.

Трудно рассказать все измывательства, которые мы терпели. Я никогда в жизни не прощу этого. Мне было восемнадцать лет, а я выглядела, как старая женщина. Как-то меня вели по городу, навстречу шла группа наших советских военнопленных, худых, оборванных, черных от постоянного голода.

«Держись, девочка!» — крикнули они мне. Сколько сил тогда у меня прибавилось! Я верила: я буду жить, я еще пройду по любимой Москве, по широкой улице Горького. Мне очень хотелось вернуться...

Меня посадили в тюрьму.

Началось большое наступление наших войск. Каждый налет на город был огромной радостью. Летели бомбы, а я сидела в углу, вся сжавшись, и все твердила: «Еще, еще... еще...»

Одна бомба попала в здание тюрьмы. Меня тяжело ранило. И кроме того, я была контужена, не могла говорить.

Как-то не верится теперь самой в это, — но я встала и пошла. Боли не чувствовала. Одна была мысль: «Убегу». Добрела до улицы и упала.

Очнулась после перевязки. От боли я была готова выть, все время теряла сознание. Кто-то давал мне пить.

Когда наши войска подошли к городу, меня погрузили в последний эшелон, в пустой товарный вагон, увозили от наших...

Я ничего не могла сделать — раненая и немая. Проехали километра два, раздался взрыв, и эшелон стал.

Начался обстрел. Я боялась, что осколок попадет мне в раны. Ползком добралась до края вагона к открытой двери и вывалилась из вагона. Ползла долго. Бой ночью утих, кругом никого нет. Доползла до пустого дома и упала в подвал.

Очень хотелось пить, я лизала каменные сырые стены.

Не знаю, сколько я там пробыла. Нашли меня наши бойцы. Когда я увидела красную звездочку на их пилотках, впервые за эти месяцы заплакала. На их вопросы ответить я ничего не могла. Спекшимися губами только шептала «Москва...» Меня поняли, положили на танк и отвезли в медсанбат. Вид у меня был, вероятно, ужасный: в ранах черви, бинты сорваны, вся в крови. На меня смотрели с ужасом...

Помню, в Москве, перед отъездом в военную школу, подружки уговаривали меня: «Не ездь, что тебе — больше всех надо?» Смешно... Когда мы вылетаем на задание, разве думаем об этом: «Сколько нам надо?..»

Я согласна с Раей. Мы шли на войну во имя жизни. Мы шли отвоевывать мир, не дожидаясь, что кто-то другой сделает это за нас. Добровольно приняв на свои плечи тяготы фронтовой жизни, мы стремились к одной цели — к светлomu, мирному будущему.

Накануне отъезда совершенно случайно я встретила на улице с Надей Козловой. Вероятно, был какой-то церковный праздник. По узенькой улочке к костелу шли толпы верующих жителей, и просто удивительно, как я заметила Надю. Мы не виделись с момента окончания школы и сразу засыпали друг друга вопросами:

— Ну как? Летала? Где была?

На фоне румяного закатного неба четко вырисовывались строгие башни костела, и еще острее почувствовалась тоска по родным краям, по Москве, по нарядным куполам храма Василия Блаженного.

Огромные карие глаза, немного вздернутый нос и круглое лицо — особая, запоминающаяся внешность у Нади Козловой. И вот эти глазищи смотрят на меня с завистью.

— В Москву? Завтра... Счастливая!

— Расскажи о себе, Надя.

— В конце прошлого года я с группой разведчиков готовилась на задание, — начала она, когда мы присели в сторонке. — Сначала нас было шесть человек, потом пришел еще один: с виду такой рыжий и одет в стеганые брюки, телогрейку, а на голове почему-то шляпа. Я поинтересовалась, что это за странная форма, а он ответил: «Потерял шапку при переходе границы, и кто-то из венгров дал эту шляпу».

Я отдала ему свою шапку и повязалась платочком. Но полковник, провожая нас до передовой, увидел меня в платочке и говорит:

«Негоже солдату в таком легкомысленном уборе ходить», — снял свою шапку и надел на меня.

Нашу группу сопровождали несколько разведчиков. В первый день получилось неудачно: мы вышли к пулеметной точке. Пришлось пострелять и отойти.

На второй день двинулись уже с наступлением темноты. Дошли до какой-то ложины. Я пригляделась и вижу: справа стоит сарай. Мы добежали до него и залегли — нас начали обстреливать. Нужно идти вверх. Начали мы группами ползти на гору. Помню, подползла к дереву, спрятала голову у самых корней и лежу не дышу. Несколько пуль попало в дерево. Кто-то из разведчиков перебрался ко мне и помог. Все благополучно достигли вершины.

Шли долго. Несколько сопровождающих нас разведчиков ушли вперед. Мы сделали привал. Наконец они вернулись, объяснили нам обстановку, уточнили местонахождение и сказали: «Идите смело, кругом тихо».

Молча пожали друг другу руки, и никто не сказал «до свиданья». Ты ведь сама знаешь, у разведчиков не принято прощаться...

Наша группа пошла вперед, в глубь вражеской территории. Перебежали через шоссе, по которому проехало несколько автомашин. Подошли к реке. Нашли место, где мало воды, но очень вязкое дно. Несколько ребят перешли, а я завязла. Кто-то бросает мне палки, поднялся шум, и вдруг слышим: «Хальт! Хальт!» Началась беспорядочная стрельба, а небо взлетела осветительная ракета. Мы замерли... Потом все стихло. Меня вытащили всю в грязи.

Впереди показались строения — дома, сарай. Слышно — немцы кругом. Свернули вправо, попали на старое кукурузное поле. Рассвет уже начинается. За полем кустарник и лес. А среди немцев началось какое-то движение. Мы спрятались в глубокой яме. Я развернула рацию и сообщила о том, что линию фронта прошли благополучно и стараемся быстрее удалиться от нее.

С наступлением темноты мы двинулись дальше. И началась наша работа разведчиков.

Ну, а дальше... Нет, серьезно, ничего особенного не было... Вели разведку, я передавала сведения. Правда, иногда мерзли, голодали, но сейчас это уже не важно.

А зато сколько интересных людей встретили мы там! Однажды вечером мы зашли на хутор и решили в нем переночевать. Заглянули в сарай, а там венгры, румыны, немцы и даже один француз...

А когда мы возвращались к своим, с нами шла группа венгров.

Как-то, сидя у костра, я сняла шапку с головы, волосы упали мне на плечи, и тут же я услышала, как многие из венгров сказали одно слово: «девушка». Оказывается, они принимали меня за молоденького солдата.

Ну, а ты как? Что знаешь о других девочках?

Сходные и несходные оказались у нас судьбы. И сколько выстрадано! И сколько радости, что живы, что справились с нелегким делом!

Поезд в сторону Москвы уходил утром. Мы встали рано. Быстро собрались. Сели за стол, чтобы последний раз побыть всей нашей дружной семьей. Я чувствовала себя немного виноватой перед товарищами, что раньше всех уезжаю домой. Это походило на измену, на предательство. Еще шла война. Их дальнейшие пути вели к боям, к последним решительным боям с врагом.

Николай, как самый старший, поднял рюмку с вином и сказал:

— Ася, ты знаешь, что нам, конечно, жалко расставаться с тобой... Желаем вам счастья! — И они втроем — Николай, Василий и Антон — выразительно посмотрели на майора, потом на меня.

— Спасибо... — ответил смущенный майор.

Почему-то в груди у меня стало пусто-пусто... и тихо. И тут впервые за последние дни вдруг пришло успокоение, как будто и нужно было непонятную тревогу назвать простыми словами: «Я не люблю майора...»

«Я не люблю майора», — хотела я сказать своим друзьям, но это было бы второе предательство. И я промолчала. Да... У каждой любви своя песня...

Майор и Николай провожали меня на вокзал.

— Ну, прощай, Ася! — с повлажневшими глазами сказал майор. — Скоро приеду. Расскажи там обо мне... все, что знаешь...

Он нагнулся, поцеловал меня и выбежал из вагона. Поезд уже тронулся. Они стояли с Николаем на платформе, глядя вслед поезду.

Я ехала домой!.. Мелькали за окном поселки, леса, перелески... И небо было синее-синее...

Эх, если бы голос мне! Как бы я спела сейчас! «До-мой, до-мой», — стучали колеса. Я смотрела в окно и тихо смеялась. Поезд вез меня к новой жизни.

В Москву я приехала через девять дней. Вспомнилось: ровно два года назад, 8 апреля 1943 года, меня провожала мать в Горький. Кого-то застану я сейчас дома?

Город только еще просыпался. Площадь перед Киевским вокзалом пуста. Несколько такси разобрали у меня на глазах. А я растерялась, и пришлось долго ждать на трамвайной остановке. Потом я смотрела в окно трамвая и то узнавала, то не узнавала свой старый, родной город. Всего два года прошло, а сколько перемен! И самое главное — на больших зданиях и площадях нет уже маскировочных сеток.

Чуть не бегом от трамвайной остановки направляюсь к дому.

Над площадью розовеет небо. Из репродукторов несется: «Широка страна моя родная!..» Я стою на углу пустынной еще площади и сквозь слезы улыбаюсь этому утру, этому самому лучшему в мире городу. Вот они, мои новые позывные:

«Ши-ро-ка стра-на мо-я род-на-я!»

«Говорит Москва!..»

В подъезде дома сразу окружило меня все близкое, знакомое: полутемная лестница, старенькие перила с выломанными железными прутьями. Через две ступеньки взбегаю на третий этаж. Потемневшая от времени бронзовая вертушка звонка. Незабываемый, особый скрип нашей двери и знакомое шарканье тапочек по коридору.

— Кто там?..

Эпилог

Первое время по возвращении в Москву я жила как в тумане. Неотступно были со мной Эльза и Василий, Милька, Юрек и все остальные. Синела в московском небе шапкой лесов Чантория, а по радио, казалось, вот-вот запоют:

Гуралю, чи ти не жаль?

Гуралю, врацай до галь!..

Не проходило беспокойство: как-то там наши польские друзья после ухода группы из Бренны?

И даже приезд майора не мог вывести меня из оцепенения.

Сложно и трудно складывались наши отношения с майором. Я надеялась, что сердце пойдет на компромисс: я стала женой майора, чтобы сдержать свое слово, свое обещание...

Несколько лет тому назад уехал из Москвы в Удмуртскую республику майор и работает начальником участка в леспромхозе...

Все попытки разыскать Молчанова закончились неудачей. Прощаясь со мной в Ченстохове, Шатров сказал, что Аня Шамаева погибла. Я написала ее родным. Ко мне приехала ее сестра Маша. Я рассказала ей все, что могла. А через несколько дней в развевающемся широком пальто, в модной шляпке ко мне в комнату влетела сама Аня Шамаева. Мы ушли с ней на улицу, в маленький скверик перед Домом Красной Армии, где у входа стоят две пушки. И говорили, говорили... Много тяжелых минут пришлось пережить моей подруге. Через день после высадки группы в тылу у немцев она попала в гестапо. Ее спасло только то, что рацию и шифр она успела спрятать. Но в тюрьме ее продержали до прихода советских войск.

Жизнь шла своим чередом. Я работала на заводе. Были трудные годы — страна восстанавливала разрушенное войной хозяйство.

Но работа и хлопоты по дому не заслоняли собой воспоминаний о пережитом, о польских друзьях. И вот в сентябре 1956 года короткие волны радиосвязи помогли мне услышать голоса моих бывших товарищей из Верхней Силезии, а вскоре я получила и письма.

«Дорогая Ася!

Посылаю тебе сердечный привет! Почти двенадцать лет прошло с тех пор, как мы перешли немецкий фронт в Явоже-Ясенице, около Бельско. Тогда майор сказал мне перед уходом через фронт: «Янко, бери под свою защиту Асю. Если мы все погибнем, то она должна жить. Ты должен перевести ее, как бы трудно это ни было».

Да, это было и трудно и страшно — тот последний переход по обледенелой пропасти, где мы шли по льду около пятидесяти метров вниз...

После освобождения я был председателем районного союза борьбы молодых в Силезии. Позже был заместителем коменданта милиции. Наверное, меня не узнаешь, потому что я за последние годы очень изменился.

Ян Завада. Устронь».

«Дорогая Ася!

С милыми пожеланиями к вам и вашей семье пишу эти несколько слов. Сердечно благодарю за письмо и за добрую память после стольких лет.

Дорогая Ася! Было тяжелое время, и мы, которые его пережили, до смерти не забудем.

Я пока здоров. Живу в Бренне, там, где мы партизанили, но в доме являюсь гостем, потому что работаю за сто километров в стороне.

Карел погиб в последние дни, когда гитлеровские войска убегали из наших мест. Это было 30 апреля 1945 года. Вместе с ним погибли еще несколько наших товарищей и трое советских солдат. Потому что мы последнее время воевали вместе с советскими солдатами. Дети Карела все живы. Двое старших уже поженились, остальные живут у меня.

Я после войны работал два месяца в милиции, позднее уволился по болезни, потому что здоровье мое после партизанской жизни стало очень плохим.

Весна в этом году ранняя и красивая, деревья распускаются, в полях уже все посеяно, тепло, и птицы поют — просто радостно смотреть на свет...

С сердечными пожеланиями к вам всем

Юрек. Бренна».

«Дорогая пани Ася!

...Как сейчас, помню последний день и вечер вашего пребывания в нашем доме.

После вашего отъезда наступило у нас уныние, не знали мы ничего, как вы перешли линию фронта. Вскоре потом немцы соорудили линию обороны.

Когда кончилась война, началась для нас новая жизнь. Я окончил среднюю школу и в 1949 году поступил в Краковский университет. Много раз за это время вспоминал вас. Перемены, которые у нас произошли, между прочим и то, что я мог учиться, — все тесно связано с такими людьми, как пани, майор, Василий, Николай.

Я надеюсь, что если вы приедете, то захотите и нас навестить. Сердечно вместе с женой приглашаем вас. Возьмем на то время отпуск и, если будет можно, съездим вместе с вами в некоторые места, особенно в наш старинный город Краков.

Я живу хорошо. Работаю до трех часов. В свободное время читаю и занимаюсь — хочу хорошо изучить русский язык. Выполняю также общественную работу — являюсь депутатом местного совета...

Ожидаю с большим нетерпением ответного письма.

Густик Олекса. Прудник».

«Любимая Асенька!

...Когда пишу тебе, то мне кажется, что ты здесь, что разговариваем мы, как и раньше; все воспоминания ожили заново. Прошло уже двенадцать лет, а кажется, что все это было вчера. Все эти годы вспоминала тебя, иногда казалось, что тебя уже нет в живых. Пиши мне, Асенька, а лучше бы ты приехала сюда — как бы ты обрадовала! Как хотелось бы поговорить с тобой — мы ведь раньше хорошо понимали друг друга.

Живем мы там же, где и раньше, только в новом доме, имеем электричество и радио.

У меня растут четверо детей — два сына и две дочки. Я вышла замуж в 1947 году. Мужа моего ты не знаешь — он не был партизаном.

Мама живет у меня, помогает по хозяйству. Марыся в прошлом году вышла замуж, живет недалеко от нас. Ганичка очень счастлива со своим мужем. Она работает учительницей — преподает русский язык.

Ты спрашиваешь о многих людях. Не о всех могу написать тебе сейчас.

О Завадах знаю очень мало, потому что они живут в городе и я с ними не встречаюсь.

Яничка умерла после войны. Родные ее живы.

Карел погиб, когда у нас фронт проходил: сделали небольшую вылазку на немецкие окопы, и трех наших убили.

В этом месяце часто о тебе думаю, потому что вот в такие же солнечные дни вы у нас появились. Помню, как сейчас, тот чудесный августовский звездный вечер, когда мы с Густиком шли к нашему дому в горах. Мы услышали рокот моторов над нашими головами. Самолет кружил над нами. Я сказала брату: «Увидишь, они нам что-то пошлют». И действительно, увидели мы на другой стороне горного потока белое полотно парашюта, опускающегося на землю. Это был парашют Василия. А через три дня Василий пришел к нам...

Моя мама посылает тебе свои лучшие пожелания. Она тебя очень любила и часто вспоминает.

Асенька, какой же сейчас человек счастливый, что может дышать вольным воздухом, никто его не преследует. Окончилась черная гроза гитлеризма. Это самое главное.

Будь здорова. Целую тебя.

Любящая тебя, твоя подруга

Эльза Олекса-Москала. Бренна».

И с тех пор я снова в курсе всех событий их жизни — мирной, спокойной, полной новых забот и трудов.

В Москве на узкой улочке Домниковке живет семья Шатрова. Я люблю бывать у них. Может быть, потому, что там всегда весело; может быть, потому, что с Шатровым связан один из труднейших периодов в моей жизни. Сам Шатров работает председателем колхоза в Смоленской области.

В Краснодаре преподает в сельскохозяйственном институте Евгений Борисович Величко — кандидат сельскохозяйственных наук. В Тульской области живет Рая Чеботаева — растит детей, занимается большой общественной работой. Аня Шамаева учится в институте. Мы редко встречаемся с ней, но наши встречи по-прежнему радостны и душевны.

Я и сейчас не знаю, где люди, с которыми вместе пережито так много, люди, которые по-прежнему близки и дороги мне, — лейтенант Молчанов, Василий, Николай и Павел. Но мысленно я всегда с вами, мои друзья! Всегда с вами!